

*Неоконченная повесть
Приключенческое фэнтези*

*Ардмир Мари
Белый варвар*

*Нет невинно белого,
И низменно черного нет.
Только серый до глупого
Прямолинейен и сед.*

Любовь не приходит сразу. Да и к кому идти? Он глава не своей стаи, она, познавшая предательство, покинула отчий дом. Их связывает тайна, клинок — атрибут власти над белым братством и договор о возврате реликвии в день коронации принца Гаро. Впереди годы дворцовых интриг, десятки скитаний по просторам страны и одно единственное пленение... Чувств?

Как знать. Быть может преданность человеческой немощи завоеует доверие серого волка и высечет искру... Уважения в сердце оборотня?

Белый варвар
Ардмир Мари

*Нет невинно белого,
И неизменно черного нет.
Только серый до глупого
Прямолинеен и сед.*

Битва в зимнем лесу стихла с последним стоном графа Драво. Потеряв вожака, братство черных оборотней, скуля и завывая, отступило к холму. С позволения победителя, они унесли за собой обезглавленный труп, оставляя на снегу кровавые росчерки. Тоскливый вой еще несколько дней будет проноситься над этой поляной, убитый на собственной земле оборотень должен быть похоронен полностью, но Стафорду было плевать.

Своим волкам он отдал приказ, закопать человеческие трупы, а оставшихся в живых спустить к ближайшей деревушке. Потери в стае, он не ощущал и был этим более чем доволен, злило другое, тупой королевский отпрыск, развязавший войну между братствами оборотней, жив. Поганец, не пожелал издохнуть при стычке с черными. Они гнали его трое суток, заставляя терять лошадей и людей, устраивая засады и ловушки не только в лесу, но и в деревнях. А он все же перебрался на территорию белого братства и взмолился о помощи.

Помощь... Стафорд рыкнул, вспоминая слова этого мальчика.

Не будь принц Гаро сыном Гневного Табира IV лежал бы уже с перегрызенным горлом. И еще не ясно, кто бы первым его загрыз преследователи или «помощники». Но нет, договор о защите рода проклятого короля все еще в силе, и помощь пришлось предоставить. Теперь в клане черных нет вожака, и назревают бунты, а на шее белого наглое отродье человеческого изувера.

И отродье еще смело улыбаться, сидя у костра и хлебая горячий настой ромашки. Стафорд фыркнул. Истинный вожак, не смеет рассиживаться в то время, как его бойцы сражаются. Он должен биться наравне со всеми или не показывать своего носа из дворца.

Завидев главаря белых оборотней, принц с трудом поднялся. Худой бледнолицый щенок с гривой соломенных волос и гадким голубоглазым взглядом взирал испуганно, хоть и старался этого не показать.

— Все кончилось? — проблеял он.

— Как видите, я обезглавил вашу проблему. — Волк бросил трофей к ногам его Высочества. Паренек опасно покачнулся, но устоял, его помощник — хромой старец, поспешил поддержать королевскую кровиночку и сам чуть не упал.

Оборотень брезгливо скривился. Глупый щенок и калеку повел за собой в леса оборотней. Надо же какая прихоть, даже в дальнем походе пить приготовленный помощником ромашковый отвар!

— Не надо... — принц выпростал окровавленную руку из-под плаща и гордо выпрямился. — Я сам.

— Уверен, собираясь на охоту в наши леса, вы тоже самое говорили отцу. — Язвительно произнес Стафорд. — Могу я узнать, как вы теперь намерены веселиться? В вашем распоряжении осталось лишь семь человек: трое искалечены, четверо в силу усталости двигаться не могут. — Подойдя ближе, предводитель белых оборотней хищно улыбнулся. — Куда далее ведет ваш праздный путь? В горы? Или к мертвому озеру?

— Я прибыл к вам.

От принца несло кровью. Он ею истекал, но продолжал стоять.

— Интересно, — оборотень оперся о дерево, с насмешкой спросив, — зачем?

— Для подписания нового договора о защите рода проклятого короля. — Ответил малец и, сглотнув, хрипло признался. — Отец скончался три дня назад.

— Проклятье! — прорычал глава белой стаи, почтительно склоняя голову. — Ваше Высочество, простите мою дерзость...

— Забудьте, — отмахнулся будущий правитель Дакартии, — до коронации я могу не дожить.

— В таком случае, зачем вы ринулись в долгий путь через леса? — осклабился глава белых. — Не пожелали отправить доверенное лицо с посланием или хотя бы почтового голубя?

— У меня нет таких лиц. Те, кто был — казнены или заключены в темнице указом королевских советников.

— У кого ключи?

— У начальника стражи. — Ответил старец.

Выходит и дворцовая стража подчиняется предателям. Оборотень вскинул хмурый взгляд, спросил рычаще:

— Как умер Табир IV?

— Не своей смертью и не в своей постели. — Принц Гаро потупился. — В спальне моей невесты, герцогини Валери Осорской.

Стафорд хмыкнул, от такой красоты, как Валери, отказаться сложно даже в угоду сыну. Но посетить ее в своем доме. Гневный Табир спятил или перепил? И если в первое верится с трудом, то второе возможно. Сколько же нужно было выпить, и кто наполнил кубок?

— Как вы понимаете, после скандала моя мать королева Пания отошла от дел, я слишком молод для коронации, а супруга почившего брата неделю назад разродилась мальчиком.... - принц перевел дух. — Не нужно семи пядей во лбу, чтобы понять, кого пророчат регентом при дворе.

— Вашего двоюродного дядю, и моего личного врага. — Произнес Стафорд. Яснее ясного, вначале чистка пройдет внутри дворцовых стен, а затем переместится в леса, и мало какой оборотень останется в живых. — Где герцог Равии находится сейчас?

— В столице.

— Уже в столице? — недоверчиво переспросил оборотень и только сейчас заметил, что принц не может стоять ровно.

— Гостили недалеко, узнав о несчастье, прибыл на похороны.

Досадно поморщившись, глава стаи приказал:

— Сядьте. — Гаро не двинулся с места. Барон видя его глупое упрямство, пренебрежительно фыркнул: — Старик, помощи ему.

Калека тут же поспешил к своему господину и неловко его усадил, подал новую чашу с ромашковым настоем.

— Выпейте еще.

— Спасибо. — Одними губами прошептал малец.

И тот так же тихо ответил ему:

— Держитесь Ваше Высочество. Белый варвар крут нравом и скор на расправу, но так же мудр, как сед весь его род.

Принц стрельнул в него предостерегающим взглядом, на что старец лишь покачал головой, успокаивая, похлопал по руке:

— Присказка стара, как мир, но все еще правдива. — Прикоснулся рукой к его лбу, — а вы горите. Надо бы прилечь.

Бледный изможденный Гаро ничего не ответил. В это время к Стафорду подошел его друг и правая рука, поклонился, стал рядом: — Распоряжения выполнены.

— Хорошо. — Барон указал на свой трофей. — Распорядись, чтоб вернули. И возвращайтесь в замок.

— Будет сделано. — Оборотень исчез вместе с кровавой «посылкой».

В полузабытьи принц едва шевелил губами, но все же спросил: — А мы?

— Спустимся в деревню. Волчье племя выздороветь не поможет, скорее загрызет...

Вначале послышался стук у входной двери, а затем бойкие шаги, и в мою маленькую комнату наполнил резвый голосок:

— Ариша!

Севуне нет еще восьми, но прыткий мальчуган уже год на побегушках в деревне и, как толковый посыльный, знает все и обо всех. Новые вести приносит, а старые забирает.

— Ариша...! — его голос звенел недовольством. — Поднимайся.

— Мне и лежа слышно хорошо. — А так хотелось исчезнуть сейчас, накрыться с головой теплым одеялом и раствориться. Жаль, подобное мне не подвластно. — Говори, зачем пришел, и беги себе дальше. — Ответила, стараясь не сипеть после долгих слез.

Кутаясь в тяжелый полушубок, он прошел к койке с серьезным видом. Подбоченившись, как это делает его грузный отец, спросил: — Ревела опять?

— Нет. — И чуть не шмыгнула носом, опровергая ответ.

— Так тебя же Варос бросил вчера. — Напомнил маленький посыльный, он ручонкой сдвинул шапку на затылок, чтобы лучше меня видеть. — А матушка его еще три часа ругалась с моим отцом.

— Почему ругалась?

— Говорила, что ты девка порченная и куда тебя брать такой... Батя сказал, что врет она все и хочет чтоб Варос в жены взял Огейку.

— Что и следовало ожидать. — Прошептала я и прикусила губу.

Рыженькая Огейка хороший выбор и младше меня на три года. Дочь покойного мясника не чета дочери деревенского старосты, к тому же если порченная. Горько усмехнулась про себя, а то, что сам сынок испортил, это не считается. Чистота превыше всего.

— Севуня, ты не должен был этого слышать.

— А ты и вправду испортилась? — прошептал ребенок. — Очень испортилась?

И что тут скажешь, и не объяснить. Я лишь кивнула в ответ: — Болею я, очень-очень болею, и это не лечится.

— Ариша! — в слезах он кинулся обнимать меня. Вот-вот сам расплачется.

— Эй, я помирать не собираюсь. Это как крапивница твоя, она есть, и в то же время ее нет. Вот замуж выйду, и все пройдет. — Постаралась как можно ярче улыбнуться, хорошо, что сердечные раны лишь в глазах видны, а там их можно улыбкой перекрыть. — Ну, кто

тебя ко мне прислал, рассказывай.

— А! Так там, там... барон оборотень наш явился. Людей мертвых приволок.

— Мертвых к нам не волокут. — Прошептала я. — Не первый раз людей после волчьего клана латаем, все живыми должны быть.

— А ну да, — покивал Севуня, — некоторые их них еще дышат. Вот тебя к дышащим в дом старосты и позвали!

— Все. Поняла, я бегу. А ты оставайся дома, поздно уже. Еда на печи, а перед сном помыться не забудь.

— Забудешь с тобой, — пробурчал мальчонка, направляясь в общую комнату.

Быстро собрала свои запасы в мешок: порошки для отвара и жилы с иглой для глубоких ран. Оделась и, пройдя через сени, вышла в черную зимнюю ночь. Холодно. На небе ни звездочки. Снег скрипит под ногами, в лесу ухает филин, и где-то вдали завывают волки. Оборотни, поправила саму себя, в лесах кланов простые хищники не водятся. Видимо битва была между черными и белыми, теперь хоронят своих под братские песни, обещаясь покарать врагов. Лютый народ, лютые нравы, но спускаясь в деревню проще думать о них, чем о Варосе. Матушку его я понять могу, добрая мать своему ребенку желает лучшего. Но он неужто не понял, что лучше в руках уже держал? Не отстоял меня, не защитил, смолчал.

А ведь говорил, что любит, не обидит, потому что нет никого ценнее меня, нет и не будет. Как же «не будет» уже есть. В груди опять закололо.

Хоть бы не повстречать их сегодня ни его, ни ее. А лучше век их не видеть. Я подошла к дому старосты с подветренной стороны, а потому хорошо слышала, о чем толкуют на пороге.

— Где она? — сердитый рык донесся глухо, не иначе сам вожак стаи со старостой говорит.

— Ваша милость, я уже послал за ней... мальчонку-гонца.

— За ней посылали более получаса назад!

— Должно быть задержалась.

— У зеркала? — усмехнулся барон глумливо.

— Ночь на дворе, скользко, опасно...

Его оборвали:

— Самые опасные здесь мы. А приживалке охотника стоит поторопиться, чтобы было чем приживаться.

Вот тут я вышла из-за угла к мужчинам, стоящим у входа.

— Доброй ночи.

— Доброй. — Ответили мне. Двое наших, четверо их. Оборотней сразу видно по одежде, осанке, грации движений.

— Опаздываете. — Добавил брюнэт, ближе всех стоящий ко мне. Барон. Белый варвар.

Повторила слова старосты:

— Ночь на дворе, скользко, опасно... А приживаюсь я руками и головой. — Подняла взгляд в упор на него и спросила. — Хотите оторвать их за задержку? Дерзайте.

Шумный вдох перепуганного старосты и глухое молчание оборотней, стало мне ответом. Глупо с ним цапаться, но что мне терять? Из родных здесь только Севуня и дядя по материнской линии, в чьем доме я шестой месяц живу, а близких уже никого. Приблудная сирота, еще девка порченная и бесприданница. Из золотого только руки, как дочь мясника крови не боюсь и любые раны штопаю. А что до головы, от слез она у меня пустая, поэтому стою перед оборотнем, не опуская взгляда, и не боюсь.

— Дерзайте? — переспросил он глухо.

Следовало отступить и извиниться, а я стою с гордо поднятой головой. Отсчитываю последние секунды своей жизни: первая, вторая, третья...

— Ариша! — с порога дома меня окликнула Ола. — Что ж ты в гляделки играешь! Тебя в доме ждут! Простите Ваша милость! — с поклоном жена старосты оказалась подле нас. — Я ее заберу, потом потолкуете.

— Было бы о чем. — Усмехнулся оборотень.

— И я о том же. — Сказала чуть слышно и последовала за хозяйкой дома.

Ола увела меня на кухню, там выдала миску глиняную, пару ведер с горячей водой и холодной, и пока я мази готовила и жилы промывала, она отчитывала меня, а я отвечала совсем тихо.

— Ты что совсем глупая, что себе позволяешь?

— Ничего...

— С бароном силой мериться только смертники желают.

— И я...

— Он же тебя, как тростинку сломит и не заметит.

— А может и к лучшему...

— Дурында молодая, сама себя не обрела, а уже на тот свет собралась. — Хлопнув передо мной чистыми полотенцами, Ола уперла руки в крутые бока. — Родишь, успокоишься! А до тех пор и думать перестань о скорой кончине.

Чуть не расхохоталась в голос. Как же рожу... в мой-то двадцать. Кому я нужна порченной, и кому я нужна бесплодной? Полгода прошло с кончины родителей, и все это время Варос в чувствах клялся и с любовью своей приставал. А я повелась. И что теперь? Не зачала и не замужем.

Тяжело вздохнула:

— Ола, оставь эти разговоры. Страждущий где?

Она провела меня наверх в хозяйскую спальню, у дверей обернулась, сказала тихо: — Ты аккуратней с ним, большой человек. Сам барон на руках нес.

— Постараюсь. — Я толкнула двери и вошла. Думала там толстяк неподъемный лежит, какой-нибудь богач, переевший на обеде у оборотней. А оказалось совсем молодой парнишка, моего возраста, а может и чуть старше. Худой осунувшийся, бледный. На ноге рана кровоточащая, на руках глубокие царапины когтей. Если обед и был, то уж точно не мирный.

Завидев меня, парень улыбнулся, решил сесть: — Доброй ночи.

— Лежите, не поднимайтесь. Зовут как?

— Я Гаро.

— Очень приятно, Гаро. Я Ариша.

Ко мне навстречу из темноты шагнул хромой дедок, седой со скрюченными от старости пальцами и удивительно добрыми глазами. — Дайте вам помочь.

Он все с моих рук забрал, придвинул стул к кровати, предложил присесть.

— Я постою, а вы еще света у Олы попросите. И пусть ведра принесут, что на кухне остались. — Дедок поспешил исполнить, я же в шутку пожурила молодого. — Что же вы со зверушками по лесу играть вздумали?

Его одежду я окончательно разрезала, оставив лишь в белье, остальное сбросила на пол в углу. И принялась за очищение ран.

— Это не я с ними, а они со мной. — Прошипел парень.

Старалась быть аккуратной и вместе с тем быстрой. Чтобы не мучить его, дала ему настой из успокаивающего разнотравья, но по лицу вижу — ему хуже. Проворно повернула парня на бок, отеки промазала мазями, ссадины присыпала порошком и, не теряя времени, взялась за иглу и жилы.

— Вы хоть сдачи дали или вам было не до того?

Промолчал, а вот от двери послышалось насмешливое:

— Дал. Три десятка солдат оставил в снегу.

Оборачиваться не имело смысла, я узнала этот голос. Бросив взгляд на молчаливого Гаро, поняла, он в забытии. Что ж оно и к лучшему, не будет дергаться от иглы.

— Барон, зачем вы пришли?

— Воды принес. — Двинув ведра ногой, оборотень прошел в комнату. Некоторое время следил за моими действиями, а затем обрадовал с толикой ехидцы. — И детали прояснить.

— Какие детали?

— Подле него и тех, кто останется жив, ты просидишь до полного выздоровления.

— Неделя, месяц...?

Рыкнул грозно:

— Сколько надо, столько и просидишь.

Ола говорила, что помимо «большого» господина раненных в деревне семеро. Двое из них одной ногой в могиле, двое мечутся в бреду, трех других трясет не переставая. И лежат они в разных домах, тут еще побегать надо.

— Я одна не управлюсь.

— А завтра пришлю своих бойцов. — Продолжил просвещать барон, не обратив внимания на мой лепет.

— Есть раненные?

Недоверие в голосе скрыть не успела, он расслышал. Усмехнулся.

— Придут в помощь. И присмотрят за тобой.

Говоря это, оборотень шагнул к кровати, и кожей чувствую, стоит, прожигая черным взглядом. Ну и пусть. Мне не впервой, работать под присмотром, и даже под женские слезы и мужской рев — все одно. Лишь бы меня не дергали и под руки не лезли. Принялась стягивать края самой глубокой раны Гаро, и неожиданно парень вздрогнул, застонал и дернулся, раз за тем еще раз.

Хоть бы дедок пришел или хозяйка дома заглянула. Не могу я оборотня о помощи просить. Не могу. Закусив губу, продолжила штопать, а рана кровоточит, что с ехидцей заметил глава белой стаи.

— Руки-крюки. Кто тебя учил?

— Сама.

— На гусях к обеду?

Ему не ответила, прижав Гаро к ложу за плечи, позвала Олу на помощь. А молодой в бреду замататься по постели, тревожа раны и уничтожая швы. В коридоре послышались шаги, я с надеждой оглянулась на двери, никого.

Застряли где-то, побоялись войти или вовсе не услышали? Что же делать?

— И чего ты медлишь? — рыкнул барон. — Зашивай.

— Успокаивающий отвар еще не набрал силы, и мазь кровь не закупорила... Шить нельзя. — В отчаянии я закусила губу.

— Да неужели. Крови боишься?

Неприкрытая издевка меня отрезвила. Бросив на оборотня пристальный взгляд, холодно попросила:

— Усыпите его.

— Спеть балладу?

— Надавите где надо, вы же умеете.

Барон склонился ниже, медленно потянулся к шее Гаро и вдруг спросил с ехидной ухмылкой:

— Зачем?

— Чтобы он не мучился от боли. Пожалуйста... — попросила сипло.

В следующее мгновение судорожно выдохнув под рукой оборотня, парень затих, дыхание его стало спокойным и глубоким, а оборотень продолжил надо мной глумиться.

— Чтобы он не мучился, мне стоит надавить сильнее.

— С ума сошли?! Отойдите...

— Я только пришел, — напомнил невозмутимо. На лице кривая улыбка, а в глазах лед. И словно бы не смотрит, а выжидает, как поведет себя добыча.

— Детали вы уже прояснили. Выйдите вон.

Смерил тяжелым взглядом, но я глаз не отвела. Хмыкнул и вышел, оставив в комнате морозный запах леса. Хозяйка дома не заставила себя ждать, влетела в спальную, заламывая руки и причитая тихим голосом:

— Ариша! Кто же так с Его милостью говорит...?

— Я говорю, потому что он сам мне позволил... — осмотрела раны Гаро, прищипнула языком. Швы в нескольких местах разошлись, для скорейшего выздоровления их придется переделать.

— Тебе что же, как предупреждение нужен удар по щеке или волчья пасть, вцепившаяся в шею? — возмутилась она.

— Он ни рыком меня не остановил ни взглядом. Волк играет с ежом, только и всего. Не гневайся, лучше помоги мне. — Указала на рану. — Руки помой и вот здесь поддержи.

— Как? — зашептала перепуганная Ола. — Ничего не вижу. Я Огейку позову, она поможет.

— Не нужно... Сами справимся.

Вскоре и дедок подоспел со свечами, взялся помогать. За час я зашила все раны, кровь смыла, холодящими мазями ушибы и отеки обработала. И с улыбкой обнадежила старика:

— Теперь Гаро можно укладывать. Он выживет и еще не одно девичье сердце разобьет.

Саир, так звали шустрого старца, устроил парня на подушках, тихо повторяя: «Утром проснетесь бодрым и веселым. Завтрашним утром»

— Наговор? — спросила Ола.

— Напутствие, — улыбнулся он. — На ночь я останусь рядом. Если позволите, сам за ним прослежу.

— Позволю. — Я указала на травяной настой, в кувшине на столе и поставила рядом деревянную кружку. — Если Гаро до утра проснется, дадите попить. А начнется жар, позовете меня.

— Где вас искать, Ариша?

— Я буду...

— Спать в этом доме на первом этаже. — Ответила за меня Ола. — Постелю в гостевой.

которая возле кухни. Комната маленькая, но теплая, кровать удобнее скамьи...

Остановила ее взмахом руки:

— Если и лягу, то подле остальных раненных. Моя ночь еще не началась.

— Ты к ним сейчас? — встревожилась хозяйка дома. — Ты же на ногах не стоишь!

Бледная, круги под глазами...

— Да, истинная красавица, — я медленно собрала свои склянки и порошки.

— И все равно пойдешь?

— Да.

Улыбнулась Саиру и вышла из комнаты, прихватив с собой одну зажженную свечу.

Супруга старосты спустилась за мной, отговаривая:

— Что же ты одна туда пойдешь? Ночь, темно, холодно...проводить некому, мужики мои на охоту сбежали, как только барон ушел. А вдруг поскользнешься, упадешь! Кто тебя ловить будет? Не ходи.

— Не беспокойся, фонарь дашь и все на том.

Спустилась вниз, взялась за свою подбитую мехом куртку.

— Ариша, не стоит... там Тимофия приглядывает за несчастными и Тайкири ...

Я помотала головой:

— Жены наших славных охотников не то, что за детьми, за домашним скотом присмотреть не могут. Куда им подле раненных сидеть?

— Что правда, то правда не доглядят, — согласилась Ола со вздохом. Она обошла меня, заглянула в глаза и прошептала. — Но послушай, трое дрожащих у Тимофии, тех, что в бреду, у Тайкири оставили. А двух других, с которыми совсем плохо, разместили в доме Вароса. Ты ж помнишь, наверняка, его сестра училась у нашего травника Захара.

Руки дрогнули, в горле пересохло, но ответить я смогла:

— И что с того? Я к страждущим иду. А не к нему в гости.

— Так как же... — она зашептала быстро-быстро. — Вы ведь... И матушка его... Такие слухи. Сплетни черные подняла...А там, верь не верь... Вы вместе были часто... И когда дядька твой на охоту уходил, Варос к тебе навевался... И потом скандал!

Выдохнула, распрямляя враз ссутулившиеся плечи:

— Вы знаете?

— Знаю, — призналась она, отведя глаза. — Вся деревня знает.

Вспомнились слова волчьего барона, и сердце кольнула догадка:

— «Приживалкой охотника» Агафья меня назвала?

— Да.

Больно слышать, больно. Теперь я не чистая для всего деревенского люда. Быстро же мать Вароса к пропасти меня подвела, слишком быстро. Сплетница она знатная, такую не заткнешь! День прошел, а меня уже втоптали в несмываемую грязь, чтоб неповадно было на сына ее заглядываться.

— Спасибо, за предупреждение. Дойду сама. — Свечи я не взяла, фонаря тоже, вышла в морозную ночь, зажмурилась.

Не будет мне тут жизни, не будет.

Прошла по дорожке мелкими шажками вниз по улице, свернула к резному крыльцу, поднялась по ступеням. Все это время со слезами боролась, а стоило постучать в добротный дом торговки и ее сыновей, так на меня злость накатила. Дородная, черноволосая Агафья распахнула двери с улыбкой, которой привыкла встречать гостей, а завидев меня,

помрачнела.

— Зачем пришла на ночь глядя? Тебе что, вчерашнего не хватило? Или решила совсем сына моего опозорить?! Что ты за дура, девка, если еще не поняла — не твой он! Слышала, грязная чертовка...

Сзади послышались шаги, и голос ее стих до шипящего шепота:

— Проваливай отсюда, пока взащей не погнала!

— Матушка, кто там? — из-за ее плеча показался Варос. Темноволосый, кареглазый с сильными руками и доброй улыбкой, которые не раз согревали. Еще два дня назад он светился при виде меня, а теперь остолбенел. — Ариша?

— Я к раненым пришла, — сказала ровно, а у самой сердце в груди колотится.

— Как же! — взвилась Агафья. — Кому ты тут нужна! Доча моя за ними присматривает, вознаграждение за труд ей достанется. Поняла? Искать тебе здесь нечего!

Стоит ли удивлять расчету торговки, если «большой человек» в доме старосты так похож на младшего принца Дакартии и полы его одежд золотом оторочены.

— А вы все надеетесь за помощь золотых содрать?

— Ариша, не смей... — заступился Варос за мать.

Вчера так же ее защищал, а не меня. Но Агафье помощи не нужно, сама за себя постоять может:

— Что ты мелешь!

— А вы на правду обиделись?

— Думаешь самая умная, — ткнула в меня пальцем и прищурилась, — самая чистая, и помыслы твои, как первый снег?!

Раньше я молчала бы, чтоб никто в деревне не знал о грехопадении. А сейчас чего бояться и молчать? Я кисло улыбнулась ей, и торговку от этого перекосило.

— Утверждать не буду. Только спрошу — отблагодарят ли вас, если скончаются раненные? Они не сами к вам пожаловали, их волки Белого варвара принесли...

По лицу ее вижу, дрогнула торговка. Глава белой стаи крут на расправу и очень вспыльчив. Жить подле их территории тихо и спокойно, потому что остальные стаи боятся. Но и сам ты трепещешь и в лесах их не охотишься.

Агафья сына в сторону отеснила, на меня глянула злобно:

— Проходи, чего стоишь! Дом мерзнет.

Тихо прошла в общую с печкой и обеденным столом посередине, это единственная комната в их доме, где достаточно тепло, сухо и свободно, но раненых здесь не было.

— Где они?

— В погребе, где им еще быть, — скривилась торговка, — стонут так, что уши закладывает...

— И дочь ваша с ними? — прищурилась я.

— Для чего? — дружелюбный голос невозмутимого Вароса ножом полоснул по сердцу. — Снадобье дала и спит наверху. Ночь как, никак.

Дальше не слушала, прошла к стене, раскрыла двери в погреб. Тяжелый запах крови, пота и мочи ударил в нос, прищурившись в тусклом свете рассмотрела солдат. Они лежат на земляном полу без подстилки, даже соломенной, один еле дышит, второй душераздирающе стонет, вот-вот на тот свет отойдет.

— Ночь говоришь? — о собственной боли позабыла мгновенно, и прямо посмотрела ему в глаза. — Зови брата, вдвоем аккуратно поднимите их оттуда.

— И чего их поднимать? — скривился он.

— Потому что разместим их в общей комнате.

— Здесь?! — запаниковала Агафья, еле сдерживая ругань. — Чтобы тут смрад и срач был!

— Или сюда поднимаете или в дом Олы переносите! — отрубилла непреклонно. — И дочу вашу позовите.

— Зачем?

— Хочу узнать, чем она их поила! — сказав это, я со свечой спустилась в душный погреб. Торговка ругалась, проклинала на чем свет стоит, не заботясь ни о сне дочери, ни о собственном горле. Но я не слушала, осмотрела раненных и чуть сама не заругалась. Изверги! Кто же так поступает! Я напоила и одного и второго успокоительным отваром, благо ума хватило перелить немного в бутылку и взять от Олы с собой.

— Да что бы я...! — кричала торговка, а Варос тихо пытался ее вразумить. — Да ты...!

Хлопнула входная дверь, голос мамыши вдруг захлебнулся.

— В-вы к-куда?

В ответ послышалось глухое:

— Ариша, дочь мясника где?

— Здесь. — Поднялась с колен, махнула рукой.

Видимо из-за смрада оборотень не учуял меня. А завидев, в мгновение ока оказался рядом. Волк высокий и слишком стройный какой-то, даже, гибкий. Волосом светлый, как и большинство в белой стае, губы тонкие сжаты, глаза сверкают.

— Вы мне в подмогу?

— Приглядывать.

— Одно и то же, — отмахнулась я. — Соорудите носилки, хоть из крышки стола, хоть из лавки, и поднимите солдат наверх. Мы забираем их в дом старосты.

— Зачем? — спросил точь-в-точь как их барон, кажется вечность назад.

— Чтоб я не бегала, а вам приглядывать было проще.

Ослабился, но вопросов больше не задал.

— Ты один пришел?

— Нет.

— Хорошо. По пути укажу еще два хозяйства охотников, оттуда так же заберете раненных на носилках. — Последнее подчеркнула. — Раненных не встряхивать и не ронять.

Выбралась из погреба и оказалась лицом к лицу с еще тремя оборотнями.

— Указания дала, исполняйте.

Тут же послышался треск хозяйской мебели — оборотни чужого имущества не жалеют. А я из вредности указала на лавки и стол, незачем было с людьми вести себя, как со зверьем.

У окна на полу сидит белая Агафья, рядом с ней стоит такой же взъерошенный младший сын и Варос с перебитым носом. Он видимо территорию свою сунулся защищать. Один из раненных, пуще прежнего застонал, душераздирающе, а их младшенькую Ароки крик несчастного не потревожил.

— Доча ваша на удивление крепко спит, — заметила я. — Вы ее хоть звали? Или мне самой пойти?

Родня ее мне не ответила. Зато все трое шумно засопели, когда оборотни из погреба вынесли раненного на носилках. Тот из волков, что шел сзади, гадко улыбнулся и шепнул:

— Не стоит звать. Сюда слышно, как ее в сарае сын ростовщика портит.

— Стой! — бесстрашная ухватила его за рукав, кивнула в сторону торговки. — Она знает?

Он многозначительно улыбнулся:

— А кто, по-твоему, пустил?

Выходит: Агафья решилась с местными богатеями старым добрым способом породниться. И звучит он так, испортил — женись, пока не округлилась. Иначе греха не оберешься. И что дозволено одним, запрещается другим.

Больше я ничего не спрашивала, взяла свой мешок и вышла из дома вон.

Из столицы Белый варвар вернулся через две недели, уставший от долгой дороги в тесной карете, но довольный результатами поездки.

Приверженцы королевской были власти выпущены им на свободу, как и кишки главы дворцовой стражи. Поганец решил противостоять оборотню, напав со спины. Не захотел мирно уйти, как ему было сказано, решил оставить последнее слово за собой. Продажный идиот не учел нескольких моментов, волк чувствует эмоции подшкурно, нутром; он может не видеть, не чуют и не слышать, но об опасности будет знать. И повернувшись спиной к врагу, сын ночи чаще всего проверяет степень его идиотизма. Руперт Бемз оказался не только абсолютным кретином, но еще и трусом, не умеющим биться до конца. Когда нож из его рук был выбит, падая на колени, глава стражи взмолился о прощении. Точнее сказать, заикнулся и не успел договорить.

После наглядного наказания за непослушание остальные стражи глупостей не делали, сдали не только оружие, но и людей плативших Бемзу. Шестерки-посредники быстро сдали своих заказчиков, а те подельников. Найти и переговорить с последними не составило труда. Стафорд и два десятка волков провернули это за сутки. Самых настырных просили покинуть пост силой, и после двух-трех оплеух, пинков или ударов, те быстро понимали что к чему, о менее стойких любителях власти думать не пришлось. Почуввав беду, прощелыги скрылись из столицы в неизвестном направлении. Хотя, к чему лукавить, с отсрочкой в три-четыре дня с ними так же были проведены воспитательные беседы.

После глава стражи и весь гарнизон дворца были заменены волками стаи. Под эгидой молчаливого Лерфа они проверили персонал на вшивость, выявив «зараженных» быстро заменили их. Так что, как только Гаро поправится, его сопровождают ко дворцу и оставляют под надзором — в полной безопасности. И если ничего нее изменится, можно считать, что долг перед принцем погашен, и просьба о помощи исполнена.

На подъезде к территории белых оборотней он вышел из душной «клетки» и обернулся в волка. Не ползая, как это делают другие, не кувыркаясь и не выжидая момента, когда солнце окрасит серое небо рассветом, он вдруг сорвался с места. Подгоняемый ветром, бежал не жалея сил, не сохраняя дыхания. Быстрее наверх, к скале, откуда открывается бескрайний вид на территорию его стаи. Туда, где лес уже не делился на две половины: белую и черную, и сейчас принадлежит только белым.

Глупость принца Гаро, выкосила верхушку правящей семьи в стае черных. Защищая свою территорию и жизнь нового короля, белые оборотни их растерзали без зазрения совести. И теперь оставшись без вожака и его заместителей волки противоборствующего клана попросились к сильнейшим под бок. Стафорд оценил их выбор покровителя, а графиня Драво — нет. Чтобы защитить себя и обезопасить первенца, волчица Экхя подалась в бега. Несомненно, через годы она вернется и потребует обратно весь свой род, но до тех пор в лесу будет мир и покой, а в стае белых молодое пополнение.

Свобода!

Стоя над пропастью, пронизываемый северным ветром, он встретил кроваво-красный шар солнца. Проследил за его восходом, пока пожелтевший гигант не скрылся в серой дымке неба. Много после оборотень прошел в ельник и припал к снегу. Вдыхая морозный запах хвои, главарь стаи довольно зарычал. Большой снег выпал месяц назад и до сегодняшнего

дня не предвиделся. Ночью будет буря. Но сейчас запахи, словно тысячи историй раскрылись перед волком, призывая к охоте. Вот олень прошел, размером с лошадь, след свежий, запах дурманящий добычей. Глухари из снега выбирались тоже недавно, токуют, пока позволено. А лисица на этой скале пробегала месяц назад поймала мышь полевку. Из интереса пройдя немного по ее следу, он резко остановился, вздыбил шерсть, принюхиваясь.

Девчонка. Он запомнил ее запах с медовым оттенком чайной розы и карие большие глаза. Ариша. Она должна была приглядывать за Гаро, безвылазно сидеть в деревне и лечить раненных, а не отвлекаться на прогулки. Неужели она здесь была, на скале, совсем недавно?

Не веря, тряхнул головой, спустился ниже, еле улавливая тонкий аромат. И возле колючего куста шиповника остановился, ее запах исчез. Так она здесь была или не была? Непонятно. Но если была, то, как забралась? Тут хода от ее дереvушки двое суток, и не всякий мужик доберется. Но следов нет, только запах. Оглянулся и заметил на раскидистом дереве маленькую красную ленточку. Стафорд в три прыжка оказался на ветке, и сорвал зацепившийся лоскуток. А вот и разгадка запаха без следов.

И как занесло сюда? А еще интереснее, от какого предмета одежды ленточка оторвалась? Из такой ткани портнихи только лишь фривольные вещицы создают, хмыкнул он про себя.

Огромный белый волк спускался вниз, не спеша, прислушиваясь к проснуvшемуся лесу и первым громким звукам. Он отстраненно заметил, что до сих пор принюхивается в поисках тонкого медового аромата, этот запах преследовал его и теперь. И то ли мерещился, то ли действительно присутствовал. Стафорд поднял голову от снега, прищурился, оглядывая деревья, и нашел еще один кусок ленточки. Снимать ее не имело смысла, определенно он источал запах Ариши. Дальше барон двигался, осматривая снег и деревья, и чем ближе путь был к деревне, тем больше лоскутов находил. Из леса послышался вой.

Дерек, правая рука и друг призывал его в замок.

Барон улыбнулся.

Уже узнали о моем приезде — хорошо, но почему они не в деревне?! Его и еще троих он подрядил девчонке в подмогу. Услышав их отчеты в первый раз не пожалел, что взял человека в помощь и оставил на ее попечение раненных. В лечении больных она была непреклонна, как скала.

Ненароком вспомнились последние слова девчонки. Перед отъездом Стафорд посетил дом, где она со стариком-калекой врачевала. Всех своих подопечных она собрала под одной крышей и окружила заботой. Прошло пять дней, а солдаты и сам Гаро все еще были живы. Удивительно редкое явление. Здесь, вдали от столицы люди с ножевыми ранениями всего мрут, как мухи, и вдруг такой успех. Правда, на фоне выживших сама дочь мясника выглядела немощной, но оттого не менее боевой.

Завидев главу белой стаи на пороге старосты, она сжала кулаки и шагнула барону навстречу.

— Вы мне нужны.

— А ты мне нет.

Насмешка девчонку не смутила, наоборот, она в ней усмотрела удачный выход и тут же воспользовалась им:

— Хорошо, тогда вас не обидит моя просьба в связи со скорым отъездом.

— Уезжаешь?

— Да, — ответила тихо, потупилась, пряча красные глаза. — Нужно уехать и как можно

быстрее.

— Исключено, — он потянул воздух носом и сердито фыркнул, — я отсюда чувствую, раны людей не зажили.

— Заживут! — пообещала плутовка, вскинув блестящие глазищи. — Ей Богу заживут!

— Как скоро?

— Через три дня, — ее голос дрогну и она опять потупилась.

Соврала.

— Уйдешь, когда они смогут на ноги подняться.

Казалось бы, ответил непререкаемым тоном, но эту немощь не проняло. Взмолилась, подняв карие глазищи:

— Ваша милость, заберите в свой замок принца и его людей. Я позабочусь, чтобы они осилили дорогу, и смогу остаться в замке еще на пять дней. Раны заживут у всех, даю вам слово.

— Нет.

Внутренне зарычал, как она смеет перечить? Срок врачевания увеличила, а от своего замысла не отказалась.

— Уехать ей надо, — усмехнулся, глядя сверху вниз, — а по какой причине?

Не ответила, попросила тише:

— Тогда хотя бы принца в свой замок заберите...

— Уединиться, хочешь? Зачем, ты и так к нему ближе всех.

Краснеет и не знает, что придумать. Подсказать ей, что ли? Подумал он и осклабился еще сильнее:

— Его пытаются отравить? Удушить? Ты видела слезку черных оборотней?

На все подсказки отреагировала отрицательно, бровью не повела, глаз не опустила. Что ж еще такого можно предположить?

— Или девицы ваши к высокородному повадились?

— Если бы только девицы... — пробурчала она, сцепив худые руки в замок.

Вот значит как! Территорию свою метит, а беречь не в силах. Так это ее проблемы, не мои, решил он. Белый варвар повел плечами, шагнул к лестнице:

— За мужиков не бойся. Он не по этой части.

— Заберите принца в замок.

В голосе нет просьбы, теперь звучит предупреждение, отметил он, кисло усмехнувшись про себя. Мелкая немощь не боится своих слов и реакции на них от оборотня. Возомнила себя неприкасаемой, так я это быстро пресеку.

Черной тенью оборотень метнулся вниз и ощутимо сжал тонкую девичью шею.

— Или что?

Стоит не шелохнется. Словно бы окаменела.

— Ну? Чего молчишь?

— Я все равно уйду, — ответила чуть дыша. — Заберите принца.

— Уйдешь? — прищурился, испытывая колким взглядом. — А кто отпустит?

На всю деревушку единственная врачующая с головой на плечах и сбежать хочет. Без видимых причин не отпущу, решил он, как впрочем, и с видимыми. Пусть лечит и не рыпается. А чтобы не пыталась убежать, в тот же день Стафорд дал четырем волкам распоряжение приглядывать за ней, но не трогать.

И теперь чутье подсказывает — здесь что-то не так. В деревушке и окрестностях

слишком много медового запаха девчонки и кареглазая Ариша мерещится в каждой второй жительнице, но самой ее здесь нет. Растерзали или...?

Упустили девчонку! Проклятье!

Барон стремительно поднялся в замок. Что для вожака белой стаи семь километров вверх между скалами, если на кону честь его братства: мелочь. А для взбешенного, вообще, ничто. Через десять минут он уже стоял на мощенной дорожке внутреннего двора. След девчонки здесь так же остался, но запах был легок, как у первого найденного лоскутка. Значит ушла не сегодня и даже не вчера.

Стафорд гневно поджал губы и тяжелыми шагами направился во дворец. Всего час назад, он был доволен, а теперь зол и мрачен, словно буря, что надвигается с севера.

Как девчонке удалось обойти его братьев, уйти из-под носа сильнейших и, что таить, хитрейших из них? Дерек не просто так зовется Лисом, да и Тарон совсем не простак, что уж говорить о братьях близнецах, любителях подстав и розыгрышей. Таких обмануть не так-то просто, а человеческая немощ смогла. Но как?

Барон поднялся в свой кабинет, через несколько мгновений явился встревоженный Дерек:

— Ты быстро. Что произошло?

— Где его Высочество и уцелевшие солдаты?

— В замке. Разместили в восточном крыле, Ариша просила.

— И почему они здесь? — рыкнул глава стаи. — Отвечай!

Его друг и правая рука дрогнул и тихо ответил:

— Чернухой переболели.

— Она заразила?

— Нет! — выступил вперед Лис. — Принц гостинцами от деревенских не брезговал и подхватил... Пришлось изолировать и от гостинцев и от людей. Волки чернухой не болеют, сам знаешь, поэтому их сюда перенесли.

— Теперь понятно, чем ей мой замок приглянулся, — хмыкнул оборотень, — а прямо сказать не решилась.

— Возможно, испугалась твоего гнева. Его опасаясь даже я. — Улыбнулся друг и занял кресло напротив стола.

Ведет себя, как ни в чем не бывало, а девицы в замке нет. Отметил про себя Стафорд. Братья потеряли всякую надежду найти? Или надеются, что не замечу?

— И каково состояние венценосного?

— Он ходит.

— Остальные? — глухо поинтересовался барон.

— После чернухи ослабли очень, еще лежат.

Можно сказать, она с заданием справилась, а можно сказать — не справилась толком и нарушила договоренность. Кулаки сжались, выпуская когти, но внутреннее рычание он все же удержал.

— А девчонка куда подевалась?

— Уже знаешь? — под тяжелым взглядом главаря друг потупился. — Да, вопрос не из лучших. Барон, она исчезла в ночи.

— Давно?

— Пять дней назад. В Ночь Ледокола отпросилась в деревню на свадьбу. В ту ночь семь пар обвенчались. Так мы на подступах к долине потеряли ее. Запах есть, следов нет, а сама

она не отзывается. Ариша к охотничьему дому не дошла и обратно не вернулась.

Белый лис выудил сундук из-за кресла, водрузил его на стол. Перед глазами оборотня появилась сотня тонких ленточек и обрывков багряной алой и нежно розовой ткани.

— Искали до зари, вот все что осталось и еще пара тряпок из простого сукна.

Лоскуты. Некоторые пахли медом чайной розы резко и пьяняще, другие еле-еле дарили аромат девичьего тела. Определенно это была одежда для сна, и она касалась молодой кожи, но остается вопрос: как эта вещица попала к дочери мясника.

— И откуда эти клочки ткани у деревенской девки?

— Откуда они у Аришки? Никто не знает. — Лис, произнес имя кареглазой мягче, чем надо бы. А поймав взгляд барона, виновато потупился. По всему видно, приживалка времени зря не теряла, и с ним успела хвостом вильнуть.

— Спрашивали у кого? — прищурился Стафорд.

— В деревне у баб.

— Дерек, а в деревне такая блажь откуда?

— Из торгового обоза. Он ежегодно едет из Вереды в сторону Адара и тут недавно проходил. Привез оружие, снасти, крупы и бабский товар, увез звериные шкуры и мед. Таких тканей у него не было.

— Ткань мог и не привезти, а вот девчонку забрать сумел бы. Обоз догнали?

— И догнали и обыскали, не нашли в нем ничего и никого, — пояснил Дерек, что не дурак и такой ход предвидел. — Двоих подрядил последовать за обозом к перевалу. Вдруг девчонка из лесу к нему подойдет.

— Подошла? — Лис помотал головой в ответ. — А спуск к реке проверили?

— И спуск и тропы. Два отряда по лесу рыщут. — Отчитался Дерек.

— Только по лесу? — рыкнул грозно.

— Не только, но вряд ли она через реку перешла. Осенью ее родители на льду провалились. Течением вниз снесло. Их не спасли.

— Другие родственники есть?

— Дядька охотник по материнской линии и сын его Сева. Ари... Хм, она у них последние полгода жила, пока мы с ранеными не явились.

— Вот тебе и приживалка, — Стафорд, закрыл сундук и отодвинул от себя подальше. — А что дядька? Знает где она или нет?

— Не знает, и мы не говори. Свадьба как-никак...

— Свадьба, — согласился глава стаи и поднялся. — Пусть мне стол накроют...

— Вина, ванну, волчицу из нежных... — продолжил светлоголовый оборотень по устоявшемуся порядку, а еще в надежде усмирить главаря, уставшего с дороги.

— Волчицу не нужно. Лошадь.

— Странный выбор, — ухмыльнулся друг.

— Оседлать! — фыркнул барон и вышел из кабинета.

Шагая по гулким коридорам и кивая встречным братьям, он размышлял. Положим, откуда тряпочки, понятно. Оттуда же насыщенность аромата девичьей кожи и медовый флер. Но как она разнесла свой след по округе и как скрылась? Вот это узнать важно и за этой тайной он шел в восточное крыло.

Дверь в покои Гаро открыл без стука. Принц, игравший со старцем в шахтыри, удивленно улыбнулся. Здоров, набрал в весе, моего появления не ожидал, насторожился, отметил про себя оборотень и прошел в комнату:

— Ваше Высочество в счет чего вы отдали девчонке подарки вашей невесты?

— Бывшей невесты. — Поправил его принц и неожиданно весело улыбнулся. — Мы поспорили...

Не сдержался. Схватил мальчика за горло и выдернул из-за стола.

— Условия спора, живо.

— Спо... — спорили на пятнадцать монет, — пропищал щенок, вцепившись в мою руку и тщетно пытаюсь ее разжать, — что она за... пять дней к пере-е-евалу не доберется.

— Спорили? — рявкнул барон. — Вы спорили, что она обойдет волков?!

— Ваша милость, пустите его, — старик-калека слезно взмолился, — задохнется же...
Задохнется!

Принц перестал вырываться, теперь он за руки скорее цеплялся и молча белел.

— К какому перевалу? — прорычал Стафорд, ослабляя хватку. — Куда она пошла?

— Мы не знаем. — Старец выдернул принца из рук оборотня с небывалой силой и оттащил того в сторону. — Ни куда пошла, ни как ей это удалось. Ариша ничего не говорила, но общалась со всеми.

Скрытная плутовка информацию собирала по крупицам, а планов своих никому не выдала. Понял барон.

— У вас, Саир, чем она интересовалась?

— Спрашивала, чувствую ли я непогоду. У меня к снегопаду ноги крутит, бурю за неделю предвидеть могу. — С причитаниями калека уложил мальчика на кровать, и мокрую тряпку водрузил на его высокородный лоб. — Ваше Высочество, очнитесь...

— По щекам дайте. — Рыкнул оборотень и сам двинулся к принцу. Две хлесткие пощечины быстро привели его в чувства, а кулаком за его наглость, как хотелось въехать, так и хочется.

— Очнулся? — прорычал барон.

— Д-да...

Видимо желание избить парня с особой жестокостью в глазах читалось открыто. Гаро дрогнул и отполз к изголовью, а старик поспешил его заслонить собой:

— Не гневайтесь, Стафорд, больше нам ничего не известно.

— Подарки невесты, что именно вы дали ей?

— Сорочки... три штуки. — Прошептал малец, комкая руками простынь. — Масла для тела...

Барон нюхом чуял, принц не все сказал. Врет и боится признаться. Знает щенок, что его на клочки за правду порвать могут.

Грозный волчий рык потряс комнату:

— Что еще дали?

— Свечи белого воска, кушак у одного из раненных и рваную куртку с мехом у другого. Она в замке мерзла. — Поспешил сообщить старец и взмолился. — Барон, больше ничего Богом клянусь.

— Клянитесь сколько хотите! — оборотень отодвинул Саира в сторону от кровати и, удерживая его, навис над принцем. — Гаро, что еще вы дали ей в дорогу, ну?!

— Нож...

— Какой? Говори прямо.

— От-отцовский клинок из серебряной стали. Ге... — он собрался с духом и, дрожа всем телом, произнес сбивчиво. — Ге...ссссбойро.

Голову барона пронзило острой болью, в глазах пошли круги. Реликвия, обязавшая стаю белых оборотней защищать род проклятого короля, в руках глупой девчонки. У немощи, которая в преддверии бури бредет к одному из переходов и вряд ли останется живой!

— Наш клановый клинок, — тихо повторил оборотень, оскаливаясь и покрываясь белой шерстью. — Наш!

— Лучше ей, а не черным! — вскричал щенок, вскочив на кровати. — Где гарантии, что в вашем замке я останусь жив?

— В моем замке вас еще никто не тронул.

Кроме меня, но это мелочи. Припугнул только и всего, подумал барон и прищурился.

— С трудом верится. Либо вы убьете, — принц махнул рукой в сторону дрожащего калеки-помощника, а затем на дверь. — Либо они. Тридцать моих солдат оборотни черной стаи уже перебили! Что им стоит оставшихся отравить?

Если подойти к делу правильно — ничего не стоит.

Барон недоверчиво прищурился. Пацан напуган, говорит в запале, но не врет.

— Уже пытались? — удерживая зверя на грани, оборотень медленно разогнулся и отпустил старца. — Они приходили?

— Приходили с дружественным визитом, — успокаиваясь, произнес принц. — Ариша сказала при них ничего не трогать, не есть и не пить. А после потребовала новые комнаты для моих солдат и меня.

Предусмотрительная оказалась девчонка и на удивление скрытная. И только один вопрос гложет. Обманчиво доброжелательным тоном варвар поинтересовался:

— Ваше Высочество, и как клинок вернется к вам?

— Для меня важнее, чтобы он не попал к черным. О ценности реликвии для вашей стаи знают только избранные. — Принц спустился на пол. — И я не был уверен, что вы вернетесь, барон.

— Договаривайте, — потребовал оборотень.

— Отдав ей клинок, я защитил мать и племянника. В столице находится не один мой противник. Зная на что давить, они могли получить Вас в союзники...

— Вот оно как? — Стафорд хищно улыбнулся. Малец был прав, подобные предложения поступали и не одно. Однако...

— Ваше Высочество, я оборотень, а не предатель.

— Вы Белый варвар и презираете людское племя.

Услышав слова молодого наглеца, старец охнул, но принц скрытому предупреждению, не вняв, продолжил изъясняться:

— Разорвать договор, вот чего вы хотели, как только услышали мою прочьбу в тот кровавый вечер...

— И не только договор, — прорычал глава белой стаи, подтверждая опасения Гаро. — Реликвия вынуждает нас подчиняться, вопреки нашим желаниям.

— И ради нее вы бы согласились на все условия моего дяди, — обвинительно заключил принц

— Верно мыслите.

Лукавая ухмылка барона для Гаро была неожиданной. Он замер недоверчиво глядя на главу белой стаи:

— Что вы хотите этим сказать?

— Через доверенное лицо сэр Густав Огюро герцог Равии предлагал мне сделку.

— Вы согласились? — малец вновь побледнел.

— Нет. Ваш двоюродный дядя явно не знал, где клинок.

В комнате повисло напряженное молчание.

— Но теперь благодаря вам, мой принц... — ехидная улыбка оборотня заставила Гаро вздрогнуть. — Я одним махом верну в стаю реликвию и девку.

Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

Пятый день уже был на исходе, а я все еще с перевала не ушла.

Правду говорят страх, глаза затмевает, не боялась бы погони, давно бы нежилась в кровати на постоялом дворе деревеньки Ог. Так нет же, поднималась параллельно дороге к перевалу, у каждой пересекающей тропы обходные пути искала и, как дядя учил, путала след. Две теплые ночи спала на снегу под тяжелыми лапами ельника, а в последние две ночевала в полуразрушенных охотничьих сторожках. После обвалов ими года три уже никто не пользуется, только мелкое зверье время от времени посещает. Я и сама, как пугливый зверек, туда явилась — переночевать или отлежаться без сна, тревожно прислушиваясь к ночи. Огня не развести, горячего не поест, все всухомятку.

Могла ли я не уходить?

Нет, не могла. Да и теперь пробираясь через перевал сокрушаться поздно. Нет мне дороги назад, нет.

До заката еще два часа, а в лесу уже стремительно темнеет. Вековые сосны под напором ветра гнутся и скрипят, обламывая ветки, роняя хвою. Страшно, но нужно идти вперед. В белом снегу серые стволы видны отчетливо, чего не скажешь о провалах среди скал. Северный перевал — гиблое место. Здесь обозы не проходят, только лишь пешие охотники в особенно снежные зимы, когда стада оленей уходят за пропитанием на север к теплым берегам источника Чот.

Зацепившись ногой за корневище, я упала и больно забила правую руку. Уговариваю себя подняться, вопреки непогоде продолжать идти вперед. Встаю с трудом, кисть саднит, но это терпимо, хуже было, когда я день назад ногу подвернула, до сих пор болит:

— Ничего, заживет, — говорю сама себе, еле сдерживая слезы. — Ты выживешь, и рана заживет.

Только бы спуститься или хоть здесь, в ущелье, вьюгу переждать. А что потом? В снегу выше пояса уйду недалеко, околею. Так что сейчас скорее вниз к деревне Ог, повезет встречу их охотников, а может быть и деревенского с санями полными дров.

Мне должно повезти, как и раньше везло. Удачу за хвост держала и сама того не ведала.

Агафья сплетничать взялась, потому что дядя мой Морат с охотниками к дальней гряде отбыл. Надеялась чернявая, что молодчики ко мне повадятся и звание грязной девки подтвердят, да не угадала. Барон в тот же день раненных в деревню принес и оборотней за мной закрепил.

А как только Варос за Огейкой приударил, так Ола его быстро спровадила. Но первый красавец на деревне отчаивался недолго, сразу в Марийке рыжей пошел. А так как родители у нее строгие, а до Ночи Ледокола еще жить и жить, он мне у колодца предложение сделал.

Подошел сзади, сообщил с улыбкой:

— Мать за бараниной уехала, я к тебе сегодня приду — погреться.

От неожиданность вздрогнула и обернулась. Он поймал мой гневный взгляд и не на шутку удивился:

— Ты что же, против?

— Против. Грейся у Марийки.

— Что ты куksiшься? Тебе ж хорошо было, — ехидно усмехнулся он, заступая мне дорогу, — так понравилось, что Огейку от меня отпугнула.

— Уйди в сторону.

— Или к оборотням потянуло, а? — глумливо осклабился. — Как у них... хвосты большие?

— С глаз уйди! — оттолкнула с силой, а ему хоть бы хны.

— Нет, погоди ты... — за руку меня дернул, прошипел злобно. — Если белым даешь, то почему мне отказываешь?

— Пусти... — громко потребовала я.

Он руки мои нехотя освободил, но с места не сдвинулся. Взглядом прожигает и выговаривает:

— Помни, Ариша, они уйдут, а ты останешься. И не надейся за мужицкое плечо спрятаться. Под венец тебя не возьмут...

А по глазам видно, уж он постарается, чтоб не взяли. Вот теперь в нем материнская порода проснулась — гниль торговая. Теперь я ни взглядам косым, ни шуткам гадким не удивлялась. В тот же день попросила Дерека — Белого лиса и за дядиным домиком приглядывать, чтобы Варос от пустых угроз к делу не перешел.

Он не перешел, перебежал — подкрепил сплетни о приживалке, мол не девочкой взял, и сама далась, чтоб сравнить с более зрелым мужчиной. Стыд и позор! Теперь к колодцу за водой я подходила одна, потому что остальные расходились. Кто-то себе под ноги воду лил, чтоб срамота не прицепилась, а некоторые меня осеняли божественным перекрестом от мракобесья. Я глотала обиду стойко и набирала воды, пусть плюются вслед, только от колодца не гонят.

Точно знаю, дядя с охоты вернется и все успокоятся. Он вдове пахаря предложение сделал, и краснощекая белошвейка наша согласилась. В Ночь Ледокола в селении справят сразу же несколько свадеб. Накроют столы, устроят танцы. Раньше я видела себя с венцом в окружении незамужних девиц, а теперь буду девицей подле брачующейся. И то хорошо. Когда Рата хозяйкой в дом войдет, сплетни сами по себе исчезнут.

Но зря я себя обнадеживала.

В тот же вечер Гаро чая попросил, я спустилась в кухню и застыла перед дверью столбом. Из-за щели голоса отчетливо слышались белошвейки нашей и Олы, моей доброй заступницы.

— ... не хочу!

— Почему? — спросила жена старосты тихо. — Ты с Севуней в ладу. На Мората заглядываешься, да и он при тебе расцветает. Отчего нет?

— Не пойду я за охотника, покуда его племянница в доме живет.

— Рата, ... что ж ты веришь!

— А что такого?

— Сплетни все это, — отрубил Ола и заговорила еле слышно. — Сама подумай! Варос своего мог не получить, а теперь наговаривает.

— Сплетни, говоришь? А от Огейки своей ты его сразу отвадила.

— Мне язык его гнилой не по нраву. О доброй девушке такое чешет, уши сворачиваются, что ж он скажет о жене и детях.

Но Рата с обидой в голосе воспротивилась:

— Если б невинной была, прямо бы людям и сказала. К повитухе на проверку пошла бы. А так... позор! Полгода под одной крышей и все это время...

— Он ей дядя по крови!

— Да не о том я. — прищкнула белошвейка. — А о сыне Агафьи, что полгода к девчонке ходил. Знаю, Морат не глянул бы на девку, по годам мала и худосочна.

— И я о том, — Ола попыталась говорить примирительно. — Так что ты ему ответила?

— Сказала прямо, что сор из дома выносить надо. Я в грязь не войду.

Они еще говорили и спорили между собой, а я стояла перед дверью и не могла ни уйти, ни войти. Оцепенела.

Лис из братства оборотней неожиданно оказался рядом. Прислушался, прищурился:

— Эй! Аришка... Хочешь, я с этой недалекой курицей с глазу на глаз поговорю?

Помотала головой. Мне заступничества оборотня не надобно, сама разберусь, как смогу. В противном случае, пройдет время, оборотни уйдут, а память о том, что волки меня защищали останется. За что защищали, деревенские долго думать не будут, еще раз грязью обольют.

— ..., а еще с Агафьей и ее вырожденком сыном? — сделал новое предложение Дерек.

— Хочу... — прошептала, подумав о принце.

— Хорошо, — согласился он.

— Хочу другого...

— Кого другого? — переспросил недоверчиво.

— Чаю для Гаро сделай. И наверх принеси, — попросила невнятно и на крыльцо пошла.

Оборотень вновь преградил мне дорогу:

— Ты куда?

— Домой.

— Подожди меня, вместе пойдем.

В тот вечер Дерек меня к охотничьему домику в первый раз провел. Расспросил о моей жизни, о родителях и детстве, о дяде с Севуней, а сам лишь на некоторые мои вопросы ответил. От предложенного ужина Лис отказался, ушел спать на соседском сеновале — его очередь домик охотника сторожить.

Следующим утром к Огейке дочь торговки с девчатами пришла, на оборотней посмотреть и Гаро гостинчик передать. В первый раз я их от дверей воротила, во второй не доглядела. Вот и вышло, что день затишья и новая забота. Пока я братика кормила и по хозяйству разбиралась, поели мои подопечные баранины и запили ее сырой водой с патокой медовой. А дурехи малолетние мясо не дожарили и воду им не вскипятили. И хоть бы корень хрона дали, так нет, давай раненных ягодами мороженой ежевики кормить. На мое счастье и на мою беду хромым помощник гостинцам не препятствовал.

А за ночь до этого многое передумала и на благо всех решила уйти. Лишь бы успеть пройти через перевал и спуститься к деревеньке Ог до вьюги. Последняя зимняя метель самая лютая и яростная, на месяц другой закрывает нашу долину в снежном капкане, и ни обоз сюда не проедет, ни охотник не пройдет. Время наступает голодное и холодное. Зверье непогоду чувствует, уходит из долины, а мы в снежных окопах последние запасы открываем, чтобы пережить Весеннюю Тосу. Одна беда, к перевалу дней десять хода, а от него тете моей еще десять. Итого двадцать дней и первые десять до бури и у меня их нет, потому что вьюга девица коварная. Хочет, придет пораньше, а захочет и опоздает на неделю или две.

Тетя Варрия с отцовской стороны давно к себе приглашала, а я все не решалась. Мечтала, что в ночь Ледокола Варос под венец позовет. И Севуню с дядей покидать не хотела, привыкла к ним. А теперь оставаться нечего, уходить надо. И решив так, на следующий день встретила Белого варвара в доме Олы. Мощный, грозный, в плаще,

отороченном черными шкурами. Его движения плавные, взгляд хищный, стаким в толпе встретишься, десятой дорогой обойдешь. А я к нему шагнула.

Затаив дыхание и сжав кулаки, попросилась через три дня из деревни уехать.

Решила, что дам указания Саиру и Оле, как за раненым приглядывать, перевязывать, чем поить и кормить. Через три дня мужики наши с охоты вернутся, а с ними и Захар-травник от дальнего гребня придет. Втроем они справятся.

Решить решила, но свое оправдание ничего придумать не успела, а варвар и не позволил.

— Уйдешь, когда они смогут на ноги подняться...

Пусть так. Останусь, а Тосу в охотничьей сторожке переживу. Для меня важнее из дома дяди уйти, а потом и из деревни скрыться.

— Ваша милость, заберите в свой замок принца и его людей.

Три дня на подготовку к переходу в замок, два дня на объяснения с Захаром. Вдвоем с Саиром они справятся.

Не согласился Белый. Усмехнулся:

— Уехать ей надо, а по какой причине?

И что тут скажешь? Ничего.

— Тогда хотя бы принца в свой замок заберите...

Рак так... семерых солдат оставлю на попечение Олы и Захара, когда тот явится. А я с Саиром за принцем пригляжу. С ним мороки больше, раны глубокие, то в жар бросает, то в холод. И, как маленький, ест все, что предложат.

Оборотень своим уходом сказал — нет. А и у меня выхода нет. Уже не прошу, предупреждаю:

— Заберите принца в замок.

— Или что?

Как метнулся вниз, как за шею схватил, не заметила. Смотрю в черные глаза оборотня, а вижу Вароса и деревенских с грязными ухмылками, баб брезгливо оборачивающихся и Рату, что за дядю моего замуж не пойдет...

— Я все равно уйду. Заберите принца.

— Уйдешь? А кто отпустит?

Он и не отпустил.

Барон в тот же день уехал в столицу, дав указ Лису — с меня глаз не спускать. Думала, везение от меня отвернулось, оказалось — нет. Первые пятна чернухи у раненных солдат и Гаро появились к вечеру, озноб и судороги возникли вскоре. И все что подопечные мои съели и выпили, они всю ночь сплевывали. Пока старец и оборотни болезных мыли и ведра подставляли, я варила травы для прочищения и молилась, чтобы не помер никто. Чернуха болезнь страшная, через посуду и еду передается, сильного на ноги поставит, слабого в гроб заведет.

Обошлось. Принц в себя через два дня пришел, солдаты чуть позже. К тому времени мужики наши с охоты прибыли. Захар-травник осмотрел солдат и Гаро, поддержал решение об их переезде в замок белой стаи. Волки чернухой не болеют, это все знают. Не думала, что молодым дурехам благодарна буду за их «гостинцы», и вот оно как вовремя оказалось. А дальше что ни час в замке стаи, то новое знание. По крупице собрала, порадовалась, есть возможность уйти до Тосы. Для дяди камнем на шее не буду, грязь в его дом не принесу и тряпкой красной для деревенских мужиков не стану.

И вот, там не осталась, теперь могу остаться здесь в снегу, на северном перевале.

Вьюга воет, подкрадываясь к перевалу мягкими снежными шагами, обманчиво медленно, хотя давно зависла в вышине, нагнетая тучи, и просто ждет удобного момента, чтобы завалить долину сугробами.

— Я дойду! — говорю себе громко и голоса своего не слышу. — Дойду...

Вот впереди чернеют камни, за ними между скал есть спуск.

Дерек говорил, что тропа эта видна не сразу, он и сам ее распознал, когда поскользнулся и кубарем покатился вниз. Тогда оборотень еле-еле выжил, с перебитым хребтом, лежал три месяца, пока он обратно не сросся. Я человек, мне такое не под силу, поэтому тропку ищу сразу. Пригнувшись ниже к снегу и перебарывая порывы ветра, медленно дошла до камней. Цепляясь за их острые выступы, пустилась на двадцать шагов и радостно выдохнула, есть дорожка, есть! Укрытая скалами без снега и наледи, она уходит вниз по склону и тает в темноте. Если ветра внутри не будет смогу, зажечь фонарь, а с ним спущусь быстрее. Я ступила по навес скал и нерешительно замерла. Просто не верилось в такую удачу. Здесь было тихо, безветренно и тепло. На тропке есть наледь, но нет глубокого снега. Если она спускается к самой деревушке, мне несказанно повезло.

И ради Бога, пусть так и будет!

Быстро расправляясь с завтраком, барон вызвал к себе оборотней, так называемых надсмотрщиков. Оглядел понурых и с усмешкой предложил рассказать, о что у них немощ человеческая спрашивала. И как сказал старец, так и вышло. Ариша задержалась в замке, потому что вьюга к долине шла неспешно. А за это время девчонка многое у оборотней разузнала.

Лис ей поведал, что к северному перевалу братство белых волков использует более короткий путь, и спуск с него существует безопасный, по тропинке под навесом скал. У Тарона, выведала, что есть у реки самый узкий участок, спрятавшийся под скалами замка. И какая неожиданность, братья близнецы за ее благосклонность соревновались в меткости на этом самом участке. Ирт и Лер захлеб рассказали, как дочь мясника им задания усложнила — к арбалетным стрелам привязывались веревки, и в дерево на противоположном берегу нужно было попасть так, чтобы второй оборотень стрелу выдернуть не мог. Ради поцелуя кареглазой они безвылазно три дня на том берегу провели и с заданием справились. Победителю поцелуй, проигравшему поднос медовых оладий, а чтобы увековечить подвиг оборотня Иртыша немощ предложила веревку на берегу укрепить.

Что ж ее уму можно было порадоваться, перейдя на ту сторону, она не срезала веревку и не оставила следов. Через двадцать минут после расспросов Стафорд лично убедился в этом. Держа лошадь под уздцы, принюхался: медового запаха нет, только стойкий полынный, как у настойки, которой девчонка натирала принца. Молодец. Оборотень криво улыбнулся. Пусть Дерек и далее говорит, что немощ реки боится как огня, и северный перевал проверять бессмысленно, но барон знает, она неспроста для побега Ночь Ледокола выбрала. Когда горная река осмелевшими потоками срывает с себя ледяной панцирь, ни один зверь, ни один оборотень к берегу не подступится. А немощ не только подошла, она по ней перебежала, цепляясь за крепкую веревку, благородно растянутую белыми.

Ныне река ревя и бушуя несется через долину беспрепятственно, нет на ней ни мостов ни плотин, а до ближайшей отмели четыре дня хода. До заката осталось меньше двенадцати часов, и приближающаяся буря отчетливо ощущается в порывах ветра. Любой другой решил бы, что погоня бесполезна. Вот только Белому варвару известно, что под рекой есть подземный ход, ведущий прямо к перевалу. Пришпорив лошадь, оборотень устремился вниз по течению, продумывая, что он сделает, когда девчонку найдет. Если Ариша успеет пройти перевал, глава стаи белых заберет только клинок, не успеет — он и ее сцапает.

— Хитрая немошь встречается редко.

Проехав несколько километров, он свернул в лес и спешил. Спуск в пещерную глотку извилист и крут, в нем легко свернуть шею и переломать все кости, но только не для оборотня. Лошадь Стафорд отпустил, через час другой она сама вернется в стойло. Он же неспешно поднялся вверх по крутым скалам и мягко соскользнул к незаметной расщелине. Несколько мгновений стоял перед ней, стараясь развеять давние воспоминания. И обернувшись волком, шагнул вниз. Знакомые выступы, знакомые трещины, здесь ничего не изменилось. Пусть наверху ежегодно бушуют бури и грозы, ревет река; раз в десятилетие смещаются пласты пород и происходят оползни. Под землей время протекает медленно и незаметно.

Сырой запах ударил в нос, рассказывая о горных породах, что залегают внизу, напоминая о потерях, оставивших белый снег на серой шкуре. Пещера знакома оборотню не понаслышке. Пятнадцать лет назад здесь он скрывался от преследования собратьев, прятал сестру и мать, зализывал раны и мечтал умереть. Дорогих сердцу волчиц в живых уже нет, но воспоминания все так же тревожат душу. В пещере мерещится запах крови и мокрой шкуры, но он знает — это оплот его воображения, который стоит развеять, похоронить. И потому, не останавливаясь, волк стремится вниз мимо скал, каменных обвалов, петляя меж клыков, растущих в пещерной глотке сверху и снизу, мимо озер с чистой водой, вверх по лестнице из уступов. Годы прошли, а он помнит пещеру наизусть, словно бы еще вчера в поисках выхода излазил ее всю вдоль и поперек. А выбравшись, попал на территорию белой стаи. Тогда от отчаянья он прорвался вперед, пролетел мимо белых стражей, ворвался в замок, пролетел в верхний зал, где находился глава.

Щенок из серых, всего семнадцать лет, но отступать нельзя, сзади последние родные сестра и мать.

— Примите меня в стаю!

— Зачем?

В пещере померещилось рычание грозного Дарга, прежнего главы. И волк остановился, переводя дух.

Как наяву перед глазами видится огромный оборотень, темный зал с высокими потолками, слышится волчий рык и сучий смех. В ребрах тут же заломило, туда пришелся первый удар главы стаи, там не осталось целых костей, но щенок не чувствовал боли. За одну лишь надежду, что родные волчицы будут в новой стае и останутся живы, он мог и раньше умереть. Еще в травле, где пали брат и отец. Но только не тут, среди белых, не сейчас, когда есть шанс на спасение...

Барон прогнал видения кровавого боя с вожак Даргом, сбросил с себя оцепенение и, фыркнув, устремился дальше, вперед. Он выжил в бою и получил место в стае, привел в замок белых волков мать и сестру. Долгие годы тенью ходил за ведущим альфой и участвовал во всех сражениях волков во имя Гневного Табира IV. Он не был белым, но он им

стал. И хоть клинку сам не подчиняется, ради мира и покоя в стае, барон должен его вернуть.

Стафорд давно лишился веры в людское племя, и подтверждение тому кабальный договор с проклятым королем. Только что надежды на мирное соседство с черными были уничтожены. Будь они неладны, но проникнуть в замок белых барон им более не даст. А потому он не намерен вверять клинок и судьбу своей стаи в руки немощи. Девчонка может быть сколь угодно умной и прозорливой, но уйдя от одних оборотней, обязательно попадет к другим.

И если тайна реликвии раскроется белым несдобровать. Клинок — проклятая игрушка некроманта!

Сжав челюсти, барон летел по пещерной глотке, подгоняемый картинами возможных событий. Если она попадет в другую волчью стаю вместе с клинком и тайной своего исчезновения от оборотней, братству белых долго не жить. Пусть за последние пятнадцать лет стая окрепла и усилилась. Она может дать отпор любому братству оборотней, но против реликвии она не пойдет. Белые волки слабы перед реликвией и не в силах противиться безоговорочной покорности, которую она вызывает.

Он выскочил из пещеры и ринулся к тропе, уходящей вверх по склону. До заката оставалось три часа, но стемнеет намного раньше из-за бури. Огромный белый волк остановился.

Вряд ли девчонка шла к северному перевалу проверенным путем. Наверняка, боясь погони, поднималась сбоку параллельно тропе охотников. Возможно, она посещала охотничьи сторожки, что разрушились несколько зим назад. Пусть съестных запасов там не осталось, но на ночлег укрыться можно. Одна из сторожек, как раз должна быть тут, совсем близко.

Барон нашел ее спустя несколько минут, следов не заметил, выходит, она ходила по скалам.

Молодец, подумал он, но от меня не скроется.

Прошел в сторону и припал к снегу, стараясь учуять горьковато полынный тон, каким пахла веревка на реке. Запахи вновь раскрыли перед ним книгу с тысячей историй.

Вот лисица, лось, кабан из крупных... и поросята, четверо. Оборотень подавил голодный рык и продолжил принюхиваться, синицы, перепелка, мышь пробежала за ней куница... да мышке не повезло. А вот и тонкий запах горечи. Нашел! Принюхался, определяя время. Ариша здесь была не более двух дней назад.

Сюда дошла, плутовка! Кто бы подумал! Девчонка, и добралась, не заплутала.

Подгоняемый чувством охоты волк сорвался с места. Тонкий запах полынной горечи вел его меж сосен, и скал, вверх, параллельно тропе, идущей к северному перевалу. У второй сторожки, он оказался еще через два часа, замерзшей девицы в снегу не обнаружил, усмехнулся. Здесь она была в прошлую ночь, спускалась тяжело, на крыше виднеется след маленькой ладошки, а в полуразрушенной сторожке остался резкий запах настойки из какой-то мелкой горной травы и подорожника. Такую настойку не пьют, выходит, обрабатывала вывих или рану.

Теперь сомнений не было, он найдет ее до перевала, зареванной, а может быть и замерзшей в снегу. Клинок вернется в стаю, а тело девчонки придется передать ее дяде, чтобы неразумное дитя похоронили, как требуют того людские обычаи. Жаль если так, красивые были глаза у немощи.

Но чем дальше он бежал, тем очевиднее становилось — Ариша северный перевал достигла и перешла, и быть может, еще дышит. Хотя, это невозможно в непроглядной бушующей тьме, где небо смешалось с землей, а снег залепляет глаза и уши. Стафорд, рыча и скалясь, сам с трудом добрался к нужным скалам.

Что ж если у нее хватило ума дойти сюда, наверняка и каменной тропкой девчонка воспользовалась, а если нет, то он найдет ее на склоне, где из снежной тьмы выступают острозубые скалы.

Оборотень быстро спускался сверху, время от времени заглядывая за выступ на тропку, прислушивался и принимался. Но зря, полынный запах здесь если и был, то не улавливался толком. Мерещился, но что не померещится, если ты желаешь найти девчонку и отобрать клинок. Под навесом скал было тише и суше, а вскоре появились первые капли застывшего воска. С фонарем спускалась, молодец. Но вот уже деревенька Ог показалась из-за холма, ее плавные очертания видны оборотню хорошо, здесь до нее пару километров — рукой подать, а девчонки нет.

Неужели спустилась ниже? Или сорвалась?

Думая так, он перевоплотился. И на скале уже стоит барон Стафорд в плаще, отороченном черным мехом с капюшоном надвинутом на грозно сверкающие глаза. Он легко взмыл вверх и проскочил между скалами на тропку. Разогнулся, прислушиваясь. Присутствующая здесь относительная тишина настораживала, отсутствие запахов бесило. Здесь кто-то был помимо мелкой сумасбродки и этот кто-то все еще таится среди скал. Человек или зверь, пока не разобрать.

Разбитый фонарь и огарок свечи барон нашел через минуту, поднял, почувствовав на пальцах вязкие капли, поднес к лицу, принял. Кровь... густая, замерзающая и не ее... животного. Завидев копошение за следующим выступом, он уверенно шагнул вперед.

— Ариша?

— Рррррав! — здоровая обезумевшая собака бросилась к оборотню и тут же схлопотала по морде, раз, другой. Сын ночи грозно рыкнув поднял ее за горло. И псина жалобно скуля, повисла. Разобрала, облезлая, на кого кинулась. Сожалеет. А пожалеет еще больше, потому что разит от нее не только собачьей кровью, но и горечью полыни.

— Девчонка, отзовись!

— Аааааааа — ях... — раздалось где-то ниже, совсем тихий звук, с радостью съеденный бурей.

— Еще жива. — Стафорд откинул облезлую дворнягу в сторону и ринулся вниз.

Совсем рядом упала сосна, со стоном и скрипом рухнула, разметав под собой камни и снег, засыпав каменистую дорожку огромными осколками. Оборотень летящие на него скальные осколки не заметил, в три прыжка оказался за пределами тропки и белым волком продолжил опасный спуск. Здесь в одну из бурь Дерек перебил себе хребет. В другую, умер под завалом камней Тарис. Гиблое место, слишком много расщелин, и непрочных уступов, а девчонка все еще ходит на своих двоих.

Барон увидел ее барахтающейся в снегу, незадолго до того, как сам оказался рядом. И ожидал он чего угодно только не нападения. Как во времена войн в крестьянских поселениях, она кинулась на него с дубинкой, заголосила:

— Фу! Плохой пес, плохой! — замахнулась для устрашения, ничего толком не видя, — Уйди с дороги...

— Я оборотень, — он выбил из ее рук дубину, ответил с громким рыком. — С дороги не

уйду.

— Ваша милость? — пискнула девчонка, опадая в снег. — В-вы?

Волков подзуживать на стрельбу из арбалета не побоялась, через реку перешла, и под покровом бури с перевала спустилась, а встретив меня, дрожит. Он досадливо фыркнул. Девчонка!

Проснулась и долго прислушивалась к тишине, изредка нарушаемой треском дров. Темно. Тепло. Пахнет сушеным яблоком и настойкой для растирания. Неужели, мне опять грезится, что я смогла спуститься к деревеньке Ог, а на самом деле замерзаю там, на каменной дорожке? Или в снегу..., а вокруг ревет вьюга, и сосны падают со стоном, разметая груды камней. Кисти и стопы не чувствую, пальцев словно бы нет. Отморозила? Лучше так, чем стать добычей, той обозленной псины. Тупая боль плывет от поясницы к самой шее. Если чувствую, слава Богу, хребет себе не перебила. Губы пекут, голова раскалывается, на плечах болезненные синяки и ссадины. Но оставаться в снегу нельзя, нужно идти, идти вниз, к людям, к теплу. Я не просто ушла из родной деревеньки, я еще и сбежала от братства белых волков, прихватив с собой их реликвию на хранение...

Нельзя останавливаться, нельзя.

Вставай, вставай... приказала сама себе, вставай.

Я должна дойти, должна.

Ничего не видя и не слыша, выбралась из колючего снега и упала на скалу. Кисти вспыхнули огнем:

— Боже...! — стон и тихий вскрик. Закусив губу, попыталась встать с четверенок и распласталась на каменном плато. Стопы словно покрытые волдырями не слушаются.

— Ааааах...

Послышались шаги и скрип дверей. Но этого не может быть! Мне кажется, мне это кажется, вставай! Ты в снегу, ты замерзаешь!

Шаги приближаются. Скрип. И вдруг пространство вокруг меня заполняется желтым светом, а где-то наверху, надо мной слышится знакомый голос:

— И куда ползем?

Сильные руки отрывают меня от скал, поднимают вверх. Смешок с саркастическими нотками:

— Какая прыть...

Я знаю этот голос, я знаю кто он! Еще толком не разлепив глаза, прошептала:

— Барон.

Довольный хмык. Меня уложили обратно в колючий сугроб, и укутали снегом. Или это шкура оленя грубая и колючая, если ее настойкой борки пропитать? Только сейчас вспомнила, что он нашел меня в снегу и пообещал вернуть в деревню. Молила, Боже, как я его молила не возвращать меня обратно, к дяде.

К горлу подкатил комок, спросила сипло:

— Где я?

— В деревеньке Ог. В доме повитухи.

— Но вы сказали: «возвращать».

— Я и вернул. Ты на несколько километров спустилась ниже деревни.

— Спасибо, — прошептала еле слышно, погружаясь в беспросветную тьму.

И опять липкий сон о буре, о ветре, ускользающем времени и о бешеной собаке, напавшей на меня. Очнувшись, ничего не вижу, но слышу, в комнате я не одна. Облизав пекущие губы, попросила воды.

— На стуле подле тебя, — последовал ответ оборотня.

Он здесь. Сторожит?

Повела рукой направо, потом налево, но кружки или ковша не ощутила.

— Сейчас опрокинешь, — заметил Белый варвар сердито.

— Не вижу, и руки... совсем не чувствую. Позовите кого-нибудь...

— Рррр, я сам.

Поднял, взяв за больное плечо, поднес питье к губам, расплескав половину, благо по зубам деревянным ковшом не стукнул, иначе осталась бы без них.

— Пей.

Пила много с жадностью до дна.

— Еще?

Я кивнула, а он что-то прорывав, вышел. Когда вернулся, не знаю, уже спала крепко и на этот раз без тягостных сновидений.

А проснулась от приближающегося раздраженного рычания, скрипа двери и перепуганного женского лепета:

— Боже помоги мне!

Повитуха, видимо она, накрыла меня тонким одеялом, затем шкурой и погладила по руке, когда барон влетел в комнату. Раздраженный, еле сдерживающий рык, он потребовал ответа.

— Что нашла?

— Ваша милость, на ней нет того, что Вы ищите...

— Все проверила?

— Д-д-да, — заикаясь, прошептала она. — Шкуры вытряхнула, кровать перестелила...

— Под кроватью, в полу, между каменными плитами? — продолжил допрос оборотень.

— Барон, полы вымыла, комнату проветрила, как просили. Нооо-ожа не нашла. Богом клянусь! — и едва различимым шепотом: — Может быть, в сапогах?

— Думаешь? — сыронизировал Белый варвар, от чего повитуха испуганно ойкнула. Он рыкнул. — Выходи.

Повторять перепуганной женщине не пришлось, извинившись перед его милостью, она выскочила вон и тихо прикрыла двери. Стул или что-то тяжелое тут же полетело в угол, барон разъярен и не скрывает этого.

— Вставай. Я знаю, ты не спишь...

— В вашем присутствии это невозможно, — ответила я хрипло и с трудом разлепила глаза. В комнате уже серо, за окном раннее утро.

— До этого сурком спала.

— Я о том, чтобы встать.

Посмотрела на свои руки, лежащие поверх шкур, тряпок на ладонях нет, и одежды на теле я не чувствую. Вставать не буду. Перевела взгляд на барона, вздрогнула.

Он скривился:

— Ни рожи, ни кожи, одни глазищи остались.

— Лучшая часть меня.

— Сомневаюсь.

Оборотень грохнул об стенку котомку, которую я взяла с собой. Из съестного в ней уже ничего не осталось, а вот склянки с настойками звонко разбились, и комнату заволочло запахами трав.

Я вздрогнула:

— Что вы хотели найти?

— Клинок, — варвар приблизился к кровати, прожигая меня черным взглядом.

Проверяет на ложь, принимает.

— Я возвращаю его в стаю.

— Вы не заберете Гессбойро... Оборотень это волк, а не предатель. Слово, данное Главой стаи — закон...

Белый варвар злобно прищурился:

— Сделаем исключение.

Я знала, что шансы на спасение ничтожно малы, и все же шла вперед, теперь же их вовсе не осталось и идти некуда. Обернувшись в одну из шкур, медленно встала с кровати и с трудом расправила плечи. Тело все еще ноет, но это ненадолго. Вскоре придет облегчение, барон мне его даст сам. И пусть оно будет мгновенным, не хочу плакать и просить о смерти. А потому слова произношу четко и с запалом, пусть убьет сейчас.

— Исключайте. Пока я его не соберу, Вы клинка не увидите!

Ожидаемо подлетел, схватил за шею, замахнулся. Напугал до дрожи, но я не плачу, мне терять нечего. Все что я могла потерять, было утеряно в деревне. Пусть удушит, пусть загрызет...

— Сломала?! — взревел барон, покрываясь белой шерстью, и острые когти выступили на мощных руках.

— Разобрала... Иначе, не смогла бы унести. — Говорю, леденя от страха, и крепче цепляюсь за шкуру.

Вот сейчас, его глаза стали непроницаемо черными, исчезла радужка и белок, в нечеловеческом оскале проступили волчьи клыки, убьет, слава Богу, быстро. А что потом? Разобранный клинок он не увидит, значит, так никогда реликвии своей и не найдет. Гордый глупец и поделом.

Я зажмурилась, ожидая сокрушительного удара, но он не последовал.

— Упрямая девчонка! — оборотень отшвырнул меня на кровать, как матерчатую куклу.

Ударилась больно, но не настолько, чтобы умереть. Жаль. А он навис сверху прорычал сдавлено:

— Где клинок?

— Останется со мной.

Оскалился. В состоянии полу-оборотня, это выглядит ужаснее, чем в ипостаси волка. Взбешенный человек со звериной ухмылкой, сверхсильное разумное чудовище. Именно такими они уходили на войну под предводительством Табира IV, именно такими их запомнили жители захваченных городов и разоренных селений.

— От тебя самой сейчас ничего не останется, — оглушительно тихо пообещал барон, клацнув зубами у моего лица.

— Как и от вашей стаи... — прошептала я, отползая к изголовью кровати. — Думаете, черные просто так примкнули к братству? Уверены, что хорошо защищены и в замке угрозы нет?

— Ариша...

Утробное рычание волка, который вот-вот вцепится в мое горло, предостерегало от дальнейших слов. Но мне терять нечего:

— Очнитесь! Они не только вошли в ворота, они и в комнату Гаро пробрались. Незамеченными!

— Замолчи... — произнес он предупреждающе, но я уже не слышу.

— Не доверяйся принц мне, герцог Равии сейчас вытирал бы ноги о вашу шкуру! Привезите в замок любой другой клинок, назовите Гессбойро и вы увидите, как быстро он окажется в руках врага!

И грозный рык меня не остановил.

— Оставьте реликвию у третьей стороны... После коронации я его верну Гаро.

— Клинок наш!

По лицу Барона пошли судороги, в следующее мгновение на меня взирал оскалившийся белый волк. Огромный с вздыбленной шерстью и горящими черными глазами.

Моя смерть будет мучительной и долгой, поняла я. И от осознания этого, взор заволкло серым туманом.

— Б-б-боже...

— Никаких обмороков! — проорал барон.

Пощечина обожгла щеку, но лишь ускорила мое падение во тьму.

Перед следующим пробуждением я пролежала неподвижно очень долгое время. В комнате уже темно, трещат дрова в печи, пахнет все теми же сушеными яблоками. Выходит сумку уже убрали и разлитые настойки с мазями тщательно смыли. Даже запаха не осталось. Сколько же времени прошло?

Правая рука затекла и сейчас колит невероятно, особенно в плече. И спина саднит, все же оборотень силен, швырнул так, что стену всем хребтом прочувствовала. Сейчас лежу, боюсь дышать. Губу от боли прикусила, а двигаться не посмела. Барон все еще тут. Следит. Нутром чувствую, хоть и не вижу его из-под ресниц.

— Кого ищешь? — горячее дыхание опалило ухо. — Не меня ли?

А вот и сам барон, сидел все это время сбоку от меня на сундуке. Вздрогнула, попыталась встать, но мужская рука за плечо пригвоздила к кровати.

— Лежи. И не смей реветь... — зло предупредил он, заглянув в мое лицо сверху.

— Тогда плечо отпустите, — я поморщилась от тупой боли, и руку он забрал.

— Рубашка и штаны на кровати, оденься. И поговорим. — Оборотень размашистым шагом направился к двери.

— Я сама не сумею, позовите...

— Повитуха сегодня у сестры гостит. Из всех помощников только я. — Он ухмыльнулся, прожигая взглядом, и белая улыбка сверкнула на смуглом лице.

Таких помощников мне не надо!

Сглотнула, прежде чем тихо произнести:

— Справлюсь.

— Так и думал.

Уходя, грохнул дверью так, что крынки на печи мелко зазвенели, а вернулся тихо, ровно через пять минут. Я в это время держала рубашку в руках, не зная как ее надеть. Штаны со слезами на ноги натянула, но вот с рубашкой сладить не смогла. Плечи болят, левая рука не поднимается, правая огнем горит.

— Не справилась... — произнес барон, неожиданно оказавшийся за моей спиной. — Помочь?

Его рука опустилась на ноющее плечо, от страха и боли я отпрянула в сторону:

— Не нааа-до!

Но он вернул меня обратно, резко дернув на себя:

— Ужин стынет, а ждать еще я не намерен.

— Так не ждите... — прижала рубашку к груди, расправляя так, чтобы голого тела видно не было. Обернулась. — Ступайте себе.

— Одному скучно. А ты раздетой за стол не сядешь.

От такого заявления щеки заалели, а барон погасил свечу и в кромешной тьме рубашку потянул на себя.

— Что...? — оставшись без прикрытия, схватила шкуру, но барон со смешком и ее у меня отобрал. — Что вы делаете?

— Я ускоряю твоё облачение.

Повернулась спиной, грудь руками закрыла, возмутилась с укором:

— Но вы видите в темноте!

— Чего я в темноте только ни видел.

— Так это вы... чего только ни видели! То есть... я хочу сказать...

— Так и не возникай, — отрезал он. — Одевайся.

Быстро помог одеться, затем сказал, что под кроватью тапки меховые и вышел. Накинув шкуру на плечи, пошла за ним, медленно стараясь не шипеть от боли на каждом шагу. Вхожу в кухню, на столе мясо жаренное и домашние колбасы и картошка с фасолью, барон неспешно расправляется с едой. Даже грациозно как-то, с вилкой и обычным кухонным ножом.

— Доковыляла? — хмыкает оборотень и придвигает ко мне тарелку. — Садись. Ешь.

— Зачем?

— Голодные обмороки ни к чему.

Тут он прав, есть хочется, в животе урчит, и в то же время боязно. Согласился барон с моим предложением или нет? А если нет, тогда зачем меня перед смертью кормить?

— Но что вы решили? — спросила, медленно-медленно присаживаясь рядом.

— Ешь.

Больше не спорила, набрала себе картошки, к ней мяса, потянулась за хлебом. Барон движение заметил, блюдо с кусками подвинул.

— Спасибо.

Кивнул, указал рукой на молоко в крынке, которое ближе ко мне стоит. Других пояснений не потребовалось, поднялась за чашками, что на полке стоят.

— Ты куда? Так дай.

— Из чашек удобнее, я и себе налью.

— Сядь! — разозлился. — Тебя только за смертью посылать.

Сам встал, выбрал чашки, со стуком их поставил на стол, затем разлил в них молоко так, что часть расплескалась.

— Бери.

Пока ели старалась помалкивать и глаз не поднимать, вдруг озверевает. За столом он теперь уже был быстрым, резким и каким-то громким. Слова не сказал, чтобы нарушить молчание, и все равно громкий.

Когда я ложку отложила, он щедро накладывал себе вторую порцию.

— Поела? — спросил, отрезая большой кусок колбасы.

Как по мне, так с таким аппетитом волчьим, лучше бы не мелочился, сразу все колечко сцапал и вместо небольшой тарелки картошки весь казанок взял.

— Да.

— Неси клинок, — приказал он.

— Что вы решили?

— Ничего не решу, пока сам не увижу Гессбойро, — последовал ответ. — Принеси и собери.

Под стол руки спрятала и сжала в кулаки:

— Дайте мне слово волка, что не отберете его у меня. Поклянитесь.

— Слово ни к чему, — произнес оборотень, прищурившись. — Сейчас не отберу. Но позже...

— Вплоть до коронации Гаро, — потребовала я.

Об этом меня просил принц, об этом предупредил старец Саир, да и мне так будет легче, не придется у сердца держать клинок. А барон в ответ с ухмылкой:

— Я подумаю...

— Решите сейчас.

Неожиданно кухонный нож, который он в руке держал, пролетел в нескольких сантиметрах от меня. Не дрогнула и ухом не повела. Смотрю на оборотня, глаз не отрывая, а он улыбается и в руке вертит еще один нож. Проверяет, сдамся или нет.

— За три года может многое произойти: в лесу заболеешь, где-нибудь на перевале шею свернешь... И что ты скажешь, бесстрашная?

Издевается Его милость, как пить дать, издевается. А вот не сдамся, хода назад у меня нет и если жива до сих пор, то более перед ним не струшу.

— Скажу, что вокруг вас опасностей больше. А я доживу, и клинок попадет в королевский дворец в срок.

Второй нож пролетел вблизи меня и срезал локон. Испугалась чуток, но дрогнуть не успела. Подумаешь, ножи метает, на волосы мои покушается! Жил бы с моим отцом, понял бы, что такие уловки бесполезны.

— Ваше слово?

Прищурился злобно, но произнес:

— Ты вернешь клинок в белую стаю.

— Я верну его Гаро в вашем присутствии. И, если пожелаете, в вашем замке.

Прожигая меня черным взглядом, он думал минуту, потом медленно и глухо произнес.

— Хорошо, даю слово.

— Ваша милость, полную клятву.

Душа уходит в пятки от звериного немигающего взгляда. Руки трясутся, зубы, чуть ли, не стучат. Но что я глупая, что ли, на такое слово соглашаться? Простецкой клятве цена малая. Он ее даст и за мной другого волка пошлет.

Что за бес в нее вселился? Полную клятву подавай!

На перевале спас, здесь одел и накормил. Хватит с нее и простого слова. Но нет. Сидит напротив, как каменная, смотрит выжидательно, осторожничает где не надо. И ведь, чувствую: девчонка, то задрожит, то вспыхнет. Боится немоощь, но отступить не собирается и ножей не боится.

Затянувшееся молчание она поняла по-своему, поинтересовалась невозмутимо.

— Вы клятву помните?

Волк помнит все. И мне до старости далеко, нахмурился Стафорд.

Уверовала в свою безнаказанность. А вот это зря, я подобных выходок не прощаю.

Возвращаю в нужный час в двойном размере.

— Увижу клинок, вспомню.

— Так не пойдет, — заартачилась, как маленькая. Глазищи огнем полыхнули.

— Сильно хочешь, получишь, — Белый варвар улыбнулся.

Дав свое слово, он его не нарушит, если пошлет Дерека по запаху полыни. И никуда девчонка не денется.

— Я Стафорд Серый сын волка, брат человека даю тебе слово оборотня, что не посмею отобрать клинок, пока не выйдет нашей сделки срок.

Девчонка клятву слушала с недоверием, а под конец прищурилась сердито.

— Что не по нраву, немощь?

В ответ она пролепетала:

— Забыли упомянуть о братстве волка и лесах оборотней, которых призываете в свидетели клятвы.

Всю клятву требует до единого слова. А не много ли просит?

— И зачем тебе свидетели? — барон улыбнулся, как зайцу русаку, который не успел скрыться в кустах и вскоре будет съеден волком.

— Чтобы вы не послали оборотня по моим следам.

И об этом знает. Кто ж натаскал?

— Умная?

Она поежилась от простого слова, но взгляда не отвела:

— Ученая.

— Учиться тебе еще и учиться, — Белый варвар хитро прищурился. Что ж волка по следу не пошлю, направлю рысь. И не спрячется от нее Аришка, не схоронится.

Подумав так, барон поднялся со скамьи. И возвышаясь над столом и притихшей девчонкой, произнес полную клятву:

— Я Стафорд Серый сын волка, брат человека призываю в свидетели братство Белого Волка и леса оборотней и даю тебе, Ариша — человеческая немощь, слово оборотня, что не посмею отобрать клинок, пока не выйдет нашей сделки срок.

Комнату осветила белая вспышка и осыпалась мелкими искорками над немощью.

— Спасибо! — неожиданно возликовала она. — Слова вашего, милость вашу не забуду. Богом клянусь, клинок будет при вас передан Гаро сразу после коронации.

Теперь пришла очередь оборотня с недоверием смотреть на искреннее счастье дочери мясника. Она чуть ли не вприпрыжку помчалась в комнату, а вернулась с сапогами в руках и рваной курткой, которую у одного из раненных солдат взяла.

Неужели, помешалась за бурю и с головой теперь не дружит? Я ее одежду трижды прощупал, просмотрел, сапоги измял, нет там клинка.

Стафорд нахмурился, прорычал:

— Ты что, дура?

— Дура, немощь, тварь человеческая... пустое это все, — отмахнулась она, как от надоедливой мухи. — Вы слово дали, теперь немного подождите.

Одежду на скамью сгрузила, руки уперла в бока.

— Нож где?

— Сзади.

Помешанная, как есть, с сожалением подумал барон, глядя на ее метания.

Девчонка, нож из стены выдернула и на курке начала пуговица отпарывать. Здоровые, металлические. Такими застегнуться сложно, а она упорно их срезает. Вслед за пуговицами с ремня куртки была срезана бляшка. Далее очередь дошла и до сапог, с них застежки отстегнула. Одежду отложила на скамью, пуговицы и ременные бляхи сгрузила на стол, смотрит на добытое железо, улыбается.

— Вот Гессбойро.

— Белены объелась? — взревел оборотень, отшвыривая тарелку. — Или головой стукнулась?

— Терпение, — ухмыльнулась немощь, и пуговицы с застежками начала воедино собирать.

Горло оборотня от удивления сдавило, когда в ее руках блеснуло лезвие клинка, а затем и эфес, украшенный красными камнями. Через минуту Ариша передала в руки оборотня серебристый клинок с зеркальной поверхностью лезвия.

— Вот.

Выходит, два дня подряд Гессбойро был рядом. Но откуда знания у девчонки?

— Как...? Кто...?

— Саир научил, — прошептала она, поглядывая с опаской. — Старец был хранителем вашей реликвии еще при Табуре IV.

На себе носил, понял оборотень и нахмурился. Выходит, правда все, до единого слова.

— Стая черных... Говори что знаешь.

Прямо сказать, что знаю мало и лишь догадываюсь, не смогла. А потому начала говорить, что в замке белых оборотней холодно, в коридорах темно и от окон дует.

— Я не о том спросил.

— А я веду к тому, что из-за холода собачьего пришлось всех солдат настойкой полыни растирать и горячим вином поить, чтоб не заболели. Мне ни того ни другого было нельзя...

— С чего вдруг?

Вот сейчас взяла и рассказала! Обойдетесь, Ваша милость, без моих секретов. Я продолжила говорить:

— Взяла у раненных куртку на меху и кушак. А в день, когда черные прибыли переговорить с Гаро, я осталась в его комнате у камина...

— Долго тянешь. Черные когда пришли? — рыкнул он.

— Явились через несколько минут. Один все осматривает и обнюхивает, второй чем-то прозрачным натирает: столбики кровати, поверхность стола, сундук, дверную ручку, даже горшок...

Барон брезгливо поморщился и кивнул на накрытый стол:

— Нашла когда говорить.

— Извините...

— Что дальше? — оборвал он мой лепет. — Тебя заметили?

— Если бы заметили, меня бы в живых не было.

— И кто спугнул?

От его холодного взгляда я плотнее закуталась в шкуру, и все равно не помогло. Покрылась мурашками от пят до макушки.

— На лестнице в коридоре послышались шаги, они оборотней и спугнули.

— Черные уши, так тебя не заметив? — недоверчиво переспросил он, вновь принимаясь за завтрак. Тарелку новую не взял, придвинул к себе казанок. — Глупость.

— Правда.

— Сказки рассказываешь, немощь, — недобро прищурился оборотень. — Сказки.

— Не хотите не верьте!

— А я и не верю.

— Слушайте вы...! Я не двигалась, и они меня не учуяли, потому что стойкий запах настойки в тот день не только комнату, весь этаж заполонил. — Бухнула по столу рукой и отвернулась. — И благодаря ему я в Ночь Ледокола скрылась незамеченной.

Глава белой стаи что-то прорычал сердито, то ли по имени позвал, то ли проклял. Ну и пусть!

— А знаете, вы правы. Уж что-что, а побег девицы от белого братства оборотней это сказка из сказок. Такое уж точно никто выдумать не мог...

Решила встать, но он меня за руку схватил, приказал сесть обратно. Села, смотрю на оборотня, а он мне с гадкой улыбкой:

— Молодец. Хвалю. Настойка полыни твоя?

— Моя.

— Принеси.

— Нечего нести, вы все разбили, — прошептала, опять коченея от ужаса перед его черным взглядом. Неужели он сейчас скажет, что склянки такой там не было? Но пронесло. Не сказал, правда, утробное рычание оборотня заставило поежиться: — Она в моей сумке была, и пока не выльешь хоть каплю настойки, полынью не пахнет.

По лицу барона прошла судорога, руки сжались в кулаки и ложка, которую он держал, со скрипом и треском осыпалась щепками на стол.

— Только не оборачивайтесь, — попросила пискляво и закашлялась. — Доказать свою правоту, как с клинком, у меня не получится.

Не услышал, оскалился. Я вскочила с места, готовая в любой момент бежать без оглядки. И пусть синяки и ссадины все еще болят, убегу, как здоровая, потому что страх большой.

— Барон, силой вы ничего не добьетесь, я правду говорю.

— Силой я многого добиваюсь, — он опять застыл в приграничном состоянии оборотня, говорит спокойно, а сам злющий. — Но раз уж встала, ложку дай.

Ложку нашла на полках, дала.

— Иди, досыпай, — рыкнул барон и принялся есть.

— А но...?

— Утром договорим.

Я уже шмыгнула к двери и схватилась за ручку, как слышу сзади:

— Из дома ни шагу.

Не оборачиваясь, кивнула и ушла.

Сон не шел. Я сидела на кровати и ждала, стараясь унять дрожь в руках. Жаль, занять их было нечем, потому что свечу и клинок, не разобранный, я оставила там, в кухне. Чего

ждала, сама толком не знаю, барон слово дал, сдержит. И все же боялась, прислушивалась и дрожала... Ничего, так и не дождавшись, уснула в предрассветный час. В сером морозном утре слышался лай собак, скрип шагов по снежному насту и далекий стук топора, почти как дома.

Вот только дома через час после рассвета меня из кровати никто за шкуру не выдергивал и не рычал:

— Встань. Руку дай.

Спросонья не сразу поняла, кто и что явился спозаранку. Руку вперед вытянула, и в нее ткнулся чей-то нос, потянул запах с ладошки, начал подниматься выше к локтю. Стою, хмурясь вспоминаю, что я в доме повитухи в деревеньке Ог, что попала сюда не одна, и вот тут поняла, что это злобный Белый варвар сейчас мою шею обнюхивает.

Укусит!

Глаза открыла и встретила с его черным пронизывающим взглядом. Вздрогнула.

— Не шевелись, — приказал он с улыбкой и, принюхиваясь, вниз к груди спустился, коснулся губами ложбины, спустился ниже.

И когда только рубашку у горловины развязать успел? Дернулась, прикрыться. Так он в ответ рыком:

— Руки убери, — и рубашку мою задирает.

— Ч-ч-то вы делаете?

— Тихо, — ручищей мои штаны опустил ниже пояса и стал на колени.

Боже... Раньше с девчонками в деревне мы часто шутили, каково это подчинить себе оборотня, видеть, как он опускается перед тобой на колени. Сейчас поняла, это жутко страшно!

— Ваша милость!

Снова утробный рык:

— Руки убери.

— Ба-барон!

— Не надругаюсь я над тобой, — носом вокруг пупка провел, вызвав мурашки на спине, а затем фыркнул и разогнулся, отпуская меня. — Пушистая.

Усмехнулся, потеряв нос, и смотрит вопросительно. Ждет.

С болью вспомнила, как Варос в шутку волосатой называл и слишком смуглой, а этот... Красная, как маков цвет, отдернула рубаху, завязала горловину и грозно взглянула на оборотня.

— Вы чего хотели?

— Запомнить запах.

— Зачем вам мой запах?

Переступила босыми ногами и только сейчас поняла, что стою не на каменном полу, а на шкуре. Спасибо ему за предусмотрительность, позаботился о здоровье нового хранителя.

— Нужен, — он указал на стол, где лежит разобраный клинок, сам, выходит, справился. — Пришьешь.

— Хорошо, — потупилась стыдливо. Отойти некуда, комната узкая и длинная, чтобы удалиться от белого можно лишь на кровать стать.

Не знаю, как понял, что мне подле него не уютно, сам отошел к сундуку, сел и оперся спиной о бревенчатую стену. Я вздохнула с облегчением:

— Так зачем вам мой запах?

— Каждый месяц после бани будешь писать мне. Сама собственной рукой. И без всяких масел на коже.

— Отправлять как? — спросила, не поднимая глаз.

— С голубем. Путь ко мне ему знаком. — Глава белой стаи указал на клетку, стоящую в углу, а там сизокрылый с красной ленточкой на лапке.

Обидно. Не все птицы из отцовской голубятни покинули долину перед бурей. Один голубь к замку оборотней прибил, вот меня и нашли.

— Что, не оправдались твои расчеты? — ехидно спросил барон, правильно истолковав мой взгляд на птицу.

— Вышло лучше. Не киньтесь вы по следу, меня бы в живых не было.

— Тоже верно.

И молчит. От его молчания в мороз бросает не хуже, чем от взгляда. Поежилась, взяла еще одну шкуру на плечи:

— Что в письме вам отправлять?

— Пиши: «Ваш сын все еще болен» и подпись короткая «А».

— Накаркаете. Писать буду, что он жив и здоров, — я прямо посмотрела на оборотня. — И к чему мне писать о сыне? Уж лучше о погоде.

— Возможно, — он хитро прищурился. — Ты в свою деревушку вернешься?

— Нет.

— А новости из Ог туда быстро дойдут, — сказал с намеком и внимательно смотрит на меня.

— Еще и приживалкой оборотня стану...?

— Барона, — поправил он.

— Как хотите, так и называйте. Все одно — позор! Такого в деревне не прощают.

— За прошлые тоже не простят.

С кривой улыбкой поднялся, медленно подошел.

Слова его, как по сердцу ножом. Слезы обиды подступили к глазам, пусть не прощают, главное ушла. Теперь им всем вольготнее заживется без меня. Соленые капли обиды стерла рукавом, губу прикусила, чтобы не расплакаться.

— Вы что-то хотели... еще? — спросила тихо.

Обнюхал, унизил, что еще?

— Пятнадцать монет на столе.

— Что?

— Ты выиграла в споре. Нemoщ.

Пять минут, как ушел, а я все еще стою истуканом. Вспоминаю, как Белый варвар меня в лоб поцеловал. Горячим дыханием лицо овеял, теплыми губами прикоснулся, и растаял, как не бывало.

Показалось.

Через минуту, а может и час в комнату влетела раскрасневшаяся повитуха Ирия, женщина средних лет и огромных возможностей. Матушка моя с ней дружила, письма друг дружке писали, делились рецептами мазей. Люблю ее за характер добрый и человеческое отношение к больным. За кого она не возьмется всех на ноги поднимет, от младенчика, до старика.

— Ариша, жива! — она подскочила ко мне, крепко меня к себе прижала. С мороза в полушубке холодная и колючая, но я ей рада, как родной, обняла, поцеловала.

— Здравствуйте!

— А я уж думала, не дождемся! — Ирия отстранилась. — Белый злющим на тебя был, все искал тонкий нож. И никак не мог успокоиться, рычал что-то о чучеле из немощи... — взялась разуваться и вдруг остановилась. — Он не тебя ли имел в виду?

— Я цела и невредима.

— Какой невредима! — воскликнула Ирия. — Рыбця, я же, как тебя с ним на полчаса оставила, так на спине твоей новые ушибы появились, а сама ты двое суток проспала. — Она всплеснула руками и начала раздеваться. — Уж думала, все, не очнешься. Комнату убрала повторно, тебя вымыла, сумку твою почистила. И как есть, пообещала белому ироду, что башку его седую на твою могилу положу. А он знаешь что?

— Что?

— Убегая, сказал, что у тебя есть дело незавершенное, мол ради него ты с того света вернешься. И не ошибся... — спрашивает деловито. — Ты ела?

— Только поднял..., поднялась.

— Тогда пошли, стол накрою. Знала, что ирод в хате не растопит, горячего с собой принесла.

Она прошла на кухню, я за ней следом иду неторопливо, чуть ли не кряхтя.

— А Белый варвар уходил?

— Убегал волчара. Двое суток отсутствовал, пока ты спала. Вернулся злее прежнего и с голубем в клетке. — Она махнула рукой в сторону комнаты, где я спала, и из корзинки горшочки глиняные достала, ложки, кружки, крынку с молоком. — А меня к сестре отослал и нагрубил напоследок, суший варвар

— Ирия, а сколько я у вас уже... гощу?

— Пятый день пошел.

Пятый? Мысленно подчитала время и ужаснулась. Только бы повезло, только бы успела вслед за ними из деревеньки Ог уйти!

Схватила женщину за руку, спросила тревожно:

— Обоз с дровами в сторону селения Ажуг уже ушел?

— Этим вечером только поползет, — она меня за стол усадила аккуратно, плечей и спины не касаясь, придвинула ближе горшочек с вареной крупой и луковой за жаркой, соленья из помидор. — Снега много навалило, они два дня назад ехать не решились.

— Это хорошо, — даже вздохнула с облегчением. — Слава Богу.

Женщина прищурилась, прищипнула языком:

— А ты у меня не останешься?

— Нет.

Нельзя мне здесь оставаться, нужно уходить и чем дальше, тем лучше.

— Ариша! — воскликнула она сердито. — Кто ж в Весеннюю Тосу за обозом идет?

— Я иду.

— Как идешь?

— Пешком, — ответила с улыбкой. — По их следам пойду. Так надо.

— Что за дурь?! Сиди у меня до весны... Родителей нет, так ты хоть дядьку твоего пожалей и Севуню, как они без тебя, а?

— Им без меня должно быть очень хорошо. Женился дядя на белошвейке в эту Ночь Ледокола.

— Счастье-то какое! Рата согласилась и в дом его вошла?

— Согласилась. Вошла. — Глянула уверенно, а голос не сдержала, слезливо просипела на последнем слове.

— А ты что, не прижилась? — вглядываясь в мое лицо, Ирия с тревогой спросила. — Или для дядьки твоего белошвейка дороже племянницы?

— Не дороже, я решила жить от них вдали.

— А как же Варос, парень твой?

— Женился... — голос стал совсем глухим, слова обрывистыми. — На Марийке рыжей.

— Девчонка из Княжих? — ошеломленно переспросила Ирия. — Ей же всего пятнадцать лет!

А я вспомнила, как Варос ею хвастал меж друзей и все-таки тихо всхлипнула:

— Зато у нее грудь большая, бедра широкие, кожа, как молоко и косища толщиной с кулак, а еще приданное. Пусть не дочь старосты, но тоже из семьи торговцев и под венец голой не пойдет, с... с... с приданным она.

Тяжко вздохнула и шмыгнула носом:

— А то, что молодка, ему на руку. Такая слово поперек сказать не посмеет, к тому же нетронута...

— Ариша, — хозяйка дома оказалась за моей спиной, обняла, по голове погладила, — ну что же ты, что же ты плачешь? Пусть и живет себе кабель блудливый с рыжей курвой.

— Ирия, как можно так о девочке?

— Можно, еще как можно, — она села подле меня, обняла крепко. — Я что ли семьи этой не знаю? Девчонка хоть и молода, но нрав у нее, как у ослицы упрямый, а кровь горячая. Варос сам вскоре вззоет. И из приданного не получит ни гроша. Зря, что ли чета Княжих в своем дворе дом построили? Сейчас переманят на готовое зятка и будет он на их семью пахать, как вол. Не свой, такого не жалко.

— Если так, то пусть идет! — махнула рукой и улыбнулась. — Спасибо, Ирия.

— Вот! Умничка. Улыбайся чаще и плохого в голову не бери.

Она села напротив и за все время завтрака глаз от меня не отвела. То пальчиками по крышке стола стучала, то молоко в чашке громко помешивала. Знаю, спросить хочет и не решается. Выходит вопрос барона коснется. Не беда, чтобы не спросила, краснеть не буду, отвечу.

Отложила ложку и поблагодарила за еду.

— Рыбця, тебя более ничего не тревожит, а?

Тревожит, но... Не хочу рассказывать о том, как сын торговки меня окучивал. Как полгода опылял, говорить не желаю вовсе. А признаваться в том, что я пустоцвет совсем не хочется. Повременю, проверю еще раз с другим..., вдруг получится.

— Здорова, как лошадь, — ответила я.

— Лошади тоже болят, — отмахнулась повитуха. Губы поджала, подумала немного и все же вопрос задала. — У тебя с бароном что?

— Договор.

— Какой договор?

— Я за иглами к тете еду.

И за иглами тоже, можно считать не соврала.

— Он видел мою работу с рваными ранами, пожелал таких игл штук пять приобрести. Так что я по его поручению еду. Закажу у мастера, подожду, пока изготовит.

— А вернешься когда?

— В начале осени.

Главное, не говорить в каком году.

— А вот оно что, а я уж думала... — женщина смущенно глаза отвела и вздохнула протяжно. — Эх, напридумывала себе с три короба, а тут все просто. Жаль.

— Что? Ирия, что там с бароном?

— Ну как что... Молодой, холостой, своих детей с волчицей какой не имеет. Так хоть бы с женщиной завел. Вокруг вон деревенок сколько, незамужних пруд пруди. И хоть бы с одной за пятнадцать лет-то. Глухо. А тут буря, и он с тобой на руках. Красиво, хоть и злой явился, а ты замерзшая и в крови... все равно в душе кольнуло — нашел Белый варвар свою отдушину.

— Найдет, — прошептала в ответ. И подумала, что такой все найти может и даже голубя с красной ленточкой.

До сих пор не могу понять, как он успел меня догнать. Пусть голубя нашел и о моих планах догадался, но как догнал? В Ночь Ледокола барон все еще был в столице или на пути из нее. Значит, в погоне за мной должен был от замка спуститься к переправе. А это четыре дня пути вниз по течению, затем столько же обратно. Для оборотня данное время и расстояние короче вдвое, тогда два дня туда и два обратно, плюс за двое суток короткий путь от реки к северному перевалу. И все равно не сходится. Не мог он успеть, никак не мог.

А теперь вторая загадка...

Предвидеть мой отпор барон был не в силах. Ему все подчиняются, и поперек слова не говорят. Так что либо поверил мне еще тогда, а это маловероятно, либо проверил. Но как? Неужели он за двое суток добежал к замку и вернулся обратно с голубем? Возможно ли, что есть еще более короткий путь? Или где-то за перевалом на подступах к долине находится еще одно стойбище оборотней? Если так, то одну меня барон не отпустит, обязательно кого-нибудь пошлет по следу. Но и в этой защите есть своя прореха.

То, что охраняют белые очень скоро заинтересует и черных. Неровен день, они меня найдут и убьют. И, как приживалку варвара, обезглавят, чтобы передать кровавый подарок Его милости.

Решено. Из Ог уйду сама среди бела дня, и с обозом встречусь за селением Ажуг ровнс через сутки. Сумею договориться они меня за серебряный к самому городку тети довезут.

— Ариша, вижу, ты решила остаться, — заулыбалась довольная Ирия.

— Нет. Я сейчас же уйду.

Стафорд смотрел на записку от немощи с толикой одобрения и внутренней усмешкой — опять перехитрила. На тонком клочке бумаги было всего две строчки.

«Ваш сын жив и здоров. И очень боится идущих по следу волков»

Бумага пахла Аришей, тонкий девичий аромат переплетался с запахом сена, сушеных грибов, красной глины и металла. Стальные капканы. Их кровавый вкус оборотень ни с чем не спутает и он знает, где такие продают. Вот так легко оборотень определил, где ждет своего голубя хитрая девчонка. В свете данных сведений сообщение от Дереха выглядело довольно-таки смешным.

«Ог, Ажуг, Ратар, Лобра, Шак девчонки нет. Обоз ушел пустым»

Белый Лис остался без добычи, потому что не проверил охотничью сторожку возле Ажуг. Опять прошил. Человеческая немощь догадалась о слежке и сбежала раньше, чем планировала. Возможно сразу же после ухода барона. Хитрюга.

До сих пор Стафорд был уверен, что затея с клятвой волка и клинком решится быстро. Теперь же получалось, что маленькая инсценировка затянется. И ведь он предвидел сложности и перестраховался. В первый же день своей погони, дал указание обманутой четверке оборотней, спуститься к переправе и следовать через северный перевал к деревеньке Ог. Пока они были в пути, а Ариша в бессознательном состоянии, пришлось вернуться в замок. Сокол принес дурные вести: калека, сопровождавший Гаро в побеге из дворца, сорвался со скалы. Якобы Саир пожелал спуститься к реке и упал со скального уступа.

Несчастный случай или нападение? И если второе, тогда кто так рискнул: свои, чужие?

Раненных солдат не тронули, Гаро так же, а в комнате принца явно кто-то был и что-то искал.

Когда Стафорд вернулся в замок, бледный малец сидел у кровати старца и уговаривал его остаться в живых. Мальчишка, перепуганный маленький щенок. Он не имел здесь власти, и не имел опоры, жался к единственному верному человеку и скулил, боясь потерять его.

Глядя на принца, барон неожиданно вспомнил себя и мать. Ведь в свои двадцать лет так же просил не оставлять его... Не вышло, со смертью не поспоришь. А сейчас, что он может сделать сейчас? Если Саир крепок духом он останется, если же нет, уйдет. И это не во власти барона. Но отвести следующих удар от старого хранителя он может. И вместо допросов с пристрастием, барон устроил ловушку. Воспользовался идеей Ариши, и за реликвию стаи выдал другой клинок. И подложный Гессбойро, был выкраден черными той же ночью.

Похвально для упрямой немощи, она оказалась права.

Больше глава белой стаи на счет нее и клинка не раздумывал. Прихватив голубя с красной лентой и пятнадцать монет от принца, он вернулся в Ог. Какого же было его удивление, когда упрямец потребовала полную клятву оборотня и в свидетели призвала стаю и лес. Да, уж теперь за ней придется не просто присмотреть, а проконтролировать, чтобы в другие неприятности не вляпалась.

Создать удаленный контроль — именно так он сказал четверке обманутых, когда встретил их на перевале: «Шкуру спущу с каждого, если с девчонки упадет хоть волосок. На глаза ей не попадаться, держаться в стороне». Тогда ему ответили хмурыми взглядами —

троица волков и потаенной улыбкой — Дерек. Теперь же хмуриться и улыбаться может он. Простофили, опять упустили немощь, и не догадываются, что все это время она шла позади них.

Стафодр держал записки в руках и улыбался, когда в дверь постучали. С позволения в комнату вошел молодой Аго:

— Барон, к вам гости. Просят принять безотлагательно.

— Как, даже не гонец?

— Процессия. Говорят важно.

— От кого?

— От герцога Равии...

Белый варвар задумался и спросил:

— Скажи, Аго, они что-нибудь особо ценное привезли?

— Золотом не пахнет, — отрапортовал оборотень с улыбкой. — Прятать ничего не прячут, а вас тревожно ждут.

— Гонцы с плохими новостями, — произнес барон вслух и прищурился.

Подложного клинка с собой не взяли, хотят выманить в столицу и уже там сделать выгодное предложение в обмен на мертвого Гаро. Но кто сказал, что после этого белые получают «клинок»? Скорее уж нового хозяина с грандиозными планами.

Если они хотят игры, я тоже поиграю, решил он.

— Проведи в общий зал. После переговоров проследишь, чтобы хорошенько выпили и расслабились, подготовишь гостям надлежащие комнаты...

От его интонации паренек поежился, но все-таки спросил:

— Ваша милость, комнаты в подземелье или в башне?

— В башне, — Стафорд хищно усмехнулся. — Самые лучшие.

Подземелье они посетят во вторую встречу с волками, когда уверуют в свою безнаказанность.

— Исполни.

— Да, барон.

Предвкушающая улыбка коснулась его губ, и Стафорд быстро написал на бумажных листках два коротких послания.

«События набирают ход. Возвращайтесь».

«Волки уйдут. Пиши о природе».

Сотый раз про себя повторяю: «Мне повезет», а сколько не повторяй, все равно не верится. И вишу я с подветренной стороны и молюсь, чтобы оборотни обыскавшие сторожку меня не заметили. С белыми спорить сложно, но возможно, с черными — мне слова сказать не дадут, убьют, ничего не спрашивая. А это они пришли, я точно знаю и потому злюсь.

Какой бес дернул барона посылать за мной группу Дерекы?

Отпустить было сложно? Дать фору недели три, потом кого-нибудь из братьев прислать для проверки. Но нет. Теперь по следам белых идут эти. Медленно идут, все перепроверяют, во все внюхиваются. А на скале висеть все труднее и трудней. Пусть сумки легкие, но тело нестерпимо ломит еще от прошлого путешествия.

Если черные не уйдут через две-три минуты, я сорвусь.

— Полынью... несет, — голоса из-за скалы долетают ко мне обрывками.

Ему ответили насмешливо:

— Богару... после логова белых... везде мерещится.

— Заткнись... Я знаю, о чем говорю. И вот белый голубь с красной ленточкой... оттуда.

Неужели, барон уже ответил на мое послание? Быстро же он. А может это другой голубь, из сизокрылых, ведь в голубятне отца были и такие. Я прикусила губу, чтобы не всхлипнуть от боли в плечах, и прислушиваюсь к обрывкам фраз.

— Если он белый..., еще не значит, что от белых... прилетел.

— Но с ленточкой! — рокочуще ответил второй.

Моя голубка. Боже спаси и сохрани! Только бы они ее не поймали, только бы не поняли от кого, не начали рыскать по скале. Я же из последних сил держусь.

Ответ шутнику не расслышала, зато слова третьего долетели кое-как:

— Да, разит полынью... голубей... Я после бури таких не видел... Проверить.

— Вот следы... ведут... — согласился так называемый Богар и предположил. — Раненный охотник.

— С маленькими стопами? — поинтересовался шутник наигранно весело. — Ив, что скажешь?

— Искомая... девка, — последнее слово третий оборотень выплюнул.

— И что, по-твоему,... она со скалы сиганула?

— После варвара... могла. От него... сбегали. — Поддержал Богар и пнул дерево. Отчего с ветром ко мне прилетели пушистые снежинки.

Красиво. Но не хотелось бы, чтобы это было последним, что я увижу. Продержаться, главное продержаться еще несколько минут, из-за сильного ветра не учуют. Под навесом скалы сверху не заметят, плюс каменный хребет от спуска меня скрывает, так что какое никакое, а все же убежище. Только терпи и держись, и по возможности не всхлипывай.

— Говорят, и нашей... лапы на спину заки... — Шутник, словно бы не мог нашутиться, во всяком предложении подковырку ищет. — С тех пор... она... волков ненавидит?!

Их гадкие смешки, оборвал злобный третий:

— Графиня... всех ненавидит... Но за нее и... Герцог Равии всем... оторвет. — Оборотни присмирили от его рыка. — Ты поймай голубя,... проверь скалу.

Нет! Только не голубя!

Послышалось хлопанье крыльев и протяжный птичий крик. Сокол. Кажется, теперь послание пришло к черным, но главный Ив не спешит отзываться соплеменников. Неужели вдумчиво читает зашифрованное послание?

О голубице я волнуюсь зря, она может улететь куда угодно. Мне же лететь только вниз. А оборотень уже спускается. И затаив дыхание остается только ждать, когда он обогнет нависающий уступ и заглянет за хребет. Вот камешки сыплются, слышится скрежет когтей о скалу, тяжелое дыхание и рык.

— Здесь нет никого, — и уже тише. — Но все так же, разит... полынью.

Что мне сейчас слезы от выкручивающей боли и немеющие руки, боюсь вдохнуть лишний раз или всхлипнуть. Пусть мне повезет, пожалуйста!

— Богар! Что ты там завис?

— Запах...

Как запах? Откуда! Запаха быть не должно!

Когтистая рука вцепилась в каменный хребет перед самым моим лицом. Если он подтянется...!

— Поднимайся, — прозвучало сверху, — мы возвращаемся.

— Почему?

Я видела загривок оборотня, прильнувшего к отвесной скале, слышала его тяжелое дыхание сквозь собственный гулкий стук сердца и молилась.

Боже умоляю, пусть он меня не заметит!

— Клинок в нашей стае, — сообщил Ив, — у девчонки нет ничего.

Оборотень еще некоторое время раздумывал, и затем его лапа скрылась из виду. Он быстро поднялся наверх, а я еле сдерживая вздох облегчения, вцепилась зубами в ворот куртки, горький от полыни. Удивленно замерла. Вот откуда запах! И ведь привыкла к нему настолько, что не ощущала. Теперь ясно, как меня нашел Белый варвар.

— Шут, спускаемся, — последовал приказ второму, и соколиный крик вторил ему.

Уходят. Хорошо. Когда шаги оборотней стихли, я попыталась подняться на онемевших руках. Но тщетно, все болит, словно ножом распорото.

Держись, только держись...

Свобода никому не дается легко, право следовать своим путем никогда не стоило дешево. Вперед и только вперед, страх останавливает, но он же, и дает загнанной добыче силы на борьбу. Сжав зубы, оттолкнулась ногами от скалы. Рывок, еще рывок, и рукам уже легче. Шипя, повела плечами, посмотрела вниз, где расходится дорога. На мое счастье оборотни решили обойти скалу справа, а не слева. Поэтому для них я еще некоторое время буду неуловима, три минуты или пять. Но стоит им выйти на дорогу, и мое убежище раскроется, как на ладони. Проклиная недоверчивого барона и черных преследователей, я кое-как перебралась на хребет и подтянулась.

Получилось сейчас, получится и дальше.

Уговаривая себя, заставила сделать еще несколько рывков и, добравшись до отвеса. Через минуту получилось.

Молодец. А теперь еще чуть-чуть, еще совсем немного и как можно скорее. Черные уже внизу!

Животный ужас подстегнул меня не хуже отцовского окрика: 'Ариша, подойди сюда!'. Не разбирая куда наступаю и на что опираюсь, выкарабкалась наверх незамеченной и без сил повалилась в сугроб. Спор оборотней о том, что с вершины скалистого обрыва вдовое сильнее веет полынью, я уже не слышала. Беззвучно захлебывалась слезами, закусив мокрый ворот куртки, и лежала не шевелясь.

Спасена, но надолго ли?

Я очнулась, через несколько часов в темноте. Замерзла, ослабла, заплакалась и, пошатываясь, вернулась в сторожку, где мало что сохранилось от прежнего быта. Оборотни разнесли все, не забыв проломить мебель и выбить окно. Маленькая печурка уцелела, но я ее сейчас вряд ли разожгу. Сбросила сумки у входа и, с трудом переставляя ноги, добралась до лежака. Сорванный со стены, он теперь валялся на полу под выбитым окном, не лучшее место для ночлега, но сил, чтобы сдвинуть его в сторону, попросту нет.

Время потекло сквозь пальцы, как полгода назад, когда похоронная процессия ушла за двумя пустыми гробами, и я часами бродила по ледяной реке. Надеялась найти тонкий лед и провалиться. Не успела, тогда за мной пришел дядя. Сейчас прийти некому, а я словно бы все на том же льду, пронизываемая холодом, потерявшая смысл жизни и надежду на светлое

будущее.

Несколько раз уплывала в липкий сон из видений прошлого и возвращалась в гнетущую реальность, отстраненно подмечала снег заносимый ветром в уже светлое окно, голубку, воркующую под потолком и звук стремительно приближающихся шагов.

— А! Попалась?!

Громкий оклик Дерека от двери мне явно почудился, как голоса родителей, которые всю ночь говорили со мной, просили потерпеть, дождаться.

Дождалась... больных видений.

— Ариша?

Нет, его здесь быть не может. Это не он бережно поднимает меня с пола, не он, глядя с нежностью, зовет по имени.

— Малыш, что произошло?

Свист, приправленный хрипом, вот все что получилась ответить.

— Да уж! — усмехнулся Лис, — погоди с объяснениями, я вначале растоплю.

В моем видении он стремительно наводил порядок в сторожке, заколотил чем-то окно, поставил на петли двери и растопил печурку. Вскоре в маленьком пространстве сторожки стало теплее. Оборотень вышел, и где-то там за пределами тепла послышались голоса. Их было несколько, разных, а вернулся один лишь Лис с загадочной улыбкой. Бестелесный призрак бредового состояния снял с меня куртку и сапоги и предупредил серьезным голосом.

— Аришка, сейчас я тебя раздену и разотру.

— Не надо, — прошептала почти беззвучно, но он услышал.

Улыбнулся, потрепал по волосам:

— Стесняться не надо, считай, что меня здесь нет.

— Тебя и так нет. Уйди... — всхлипнула и просипела. — Я всего лишь замерзла...

— На «всего лишь» не похоже, — ответил призрак и потянулся ко мне.

Странное видение, волк из братства белых раздевал меня с улыбкой, попутно задавая простые вопросы. Я отвечала не чувствуя ни смущения, ни рук оборотня, ни рубашки на онемевшем теле.

— И где ты мерзла?

— Тут на скале...

— Ты там оставила шапку?

— Неет... — мой тихий смех превратился в хрип с натужным кашлем. — Шапка... в Ог, на спуске у ручья.

— Что ты там делала?

— Написала барону, чтобы он вас отозвал, — прошептала сипло.

— А перчатки? — не унимался призрак.

Я следила за тем, как руки несуществующего оборотня скользят по моим ногам, касаются пальчиков, потом забираются под рубашку к груди, переходят на плечи, видела оставшийся на коже влажный след какой-то мази, но не чувствовала ее.

— За Ажуг, когда уходила от черных с прямой дороги...

— Это ты кубарем летела по сугробам? — хмуро спросил призрачный Дерек и стал за мою спину. — Опасный маневр.

Кивнула, соглашаясь:

— Зато... без следов.

Волков черного братства я заметила с опозданием и то, нечаянно. Обхитрив группу белых, отошедших далеко вперед, я перестала замечать следы и чуть не попала в лапы их врагов. Впереди открытая местность, слева скалы и чахлый лес, справа крутой берег оврага, уходящего обратно к деревне. На раздумья времени не было, чтобы не попасться, спрыгнула вниз. Счастливица, не свернула себе шею у первой же скалы и, скатившись по склону, упала в глубокий сугроб. От преследователей скрылась на два часа не более. И все это время, как умалишенная искала оторвавшуюся часть Гессбойро. А пока нашла, окоченела.

Вспомнив те поиски в снегу, зажмурилась и вздрогнула.

— Тихо-тихо, не бойся, — они уже ушли. Плохое закончилось, начинается хорошее. — Ободряюще прошептало видение светлоголового оборотня и поинтересовалось. — Скажи, а кушак твой где?

— В озере. Тут недалеко...

— Провалилась, — понял он.

Моя рубашка поднялась до груди. Спину промазывает, догадалась я. Какой заботливый призрак, если встречу Дерека еще раз, обязательно ему об этом расскажу.

— Теперь яснее ясного, почему ты пришла сюда, — и воскликнул тихо, — сушиться!

— Догадливый.

Рубаха опустилась и улыбчивый призрак сел передо мной на корточки.

— Не хочешь узнать, как мы тебя нашли?

— Х-хочу...

— Случайно, — потрепал меня по щеке и приказал непререкаемым тоном. — Ложись. Сейчас мазь подействует, предупреждаю сразу, будет жечь.

— И я умру?

Лис весело рассмеялся:

— Ты поправишься!

Верхний зал замка белых оборотней медленно погрузился во тьму.

Стафорд запретил зажигать свечи и сам потушил камин, чтобы в полной мере ощутить восход ночной королевы — луны. Ночь. Одно из самых совершенных созданий божественной силы. Черная глубокая или ясная звездная, она прекрасна в своей первозданной чистоте и, как женщина, изменчива. Жрица тьмы может быть: невинной, смущенной, страстной, разгоряченной, нежной, терпеливой, как шальная разбойница ветреной, игривой, как бесстыдница обнаженной или как монахиня закрытой, умиротворенной.

Свечи и костры, горящие во тьме ее покроя, смешны. Это жалкая попытка вернуть сияние солнца после заката лишь подтверждает человеческую немощь, куриную слепоту и недоверие. Оборотни же истинные сыны ночи, верят ей, молятся на нее. За что получили дар оборота и невероятную звериную силу, способности видеть во мраке черной красавицы, слышать ее шепот и ощущать тончайшие ароматы.

Вот только сейчас барон усомнился в своем даре, приближение Лиса он скорее ощутил по движению воздуха, а затем по звуку, но запаха оборотня не почувствовал.

— Вы опоздали.

— Доброй ночи, Ваша милость, — улыбнулся Дерек и с усмешкой исполнил приветственный поклон. — Мы выполняли задание, поэтому задержались.

— Все-таки нашли девчонку.

— Нам повезло встретить ее, спасти и сопроводить к городку Берит, как было приказано.

— Повезло? — разозлился Стафорд. — Сбежала, спряталась, обманула. Что еще она учудила, чтобы вам повезло ее встретить?

— Чуть не лишилась жизни.

Теплая улыбка помощника не оставляла сомнений, в этой встрече четырех оборотней и девчонки что-то было не так.

— Рассказывай.

— Только после того, как нас покормят и напоят, мой барон, — шутя раскланялся проказник.

— Дерек...

Грозное рычание нахального оборотня ничуть не смутило, наоборот позабавило. Лучший друг и первый заместитель, сел в широкое деревянное кресло и закинул ноги на подлокотник.

— Путь сейчас же подадут еды и вина.

— С чего вдруг такая уверенность?

Лис пожал плечами и состроил наивную рожицу:

— Иначе я буду приставать с расспросами о том: как ты учуял малышку, почему сторожил ее, как сумел за двое суток преодолеть путь из Ог во дворец и обратно, а главное... зачем.

— У нее есть то, что мне нужно.

— Не о самой ли девчонке ты говоришь?

— Нет, — голос барона тверд и грозен. — О том составе, который кроет твой запах. Что это?

— Секрет от Ариши, — ухмыльнулся оборотень. — Как я уже сказал, нам крайне повезло ее встретить. Но... — Дерек жестом остановил следующий вопрос барона, — все расскажу после сытного ужина.

— Обязательно расскажешь, — Стафорд позвал Аго и отдал распоряжение.

Стол накрыли в закрытой кухне, натопленной и сладко пахнувшей розмарином и жареным мясом с кровью. Четверо самых отважных из волков его стаи утоляло голод быстро, а потому отвечали коротко, один только Лис юлил и в своей халатности не признавался:

— Мы вернулись в Ажуг до того, как нас настиг сокол с твоим посланием.

— Не может быть! — развеселился барон, — только в пятой деревне поняли, что девчонка так далеко уйти не могла?

Оборотни потупились, но продолжили есть. Дерек же сморщил нос и отмахнулся:

— На самом деле могла. После бури из деревень в разные стороны поползли торговые обозы. — И произнес с намеком на некоторые условия присмотра за девчонкой. — К сожалению, мы не знали, как она пахнет... было бы намного проще.

Белый варвар тихо усмехнулся:

— Каждому свое.

Немощь и так хлебнула горя с деревенскими, не хватало еще и от оборотней хлебнуть. А

был бы Дерек умнее, понял бы, что после долгого общения с ранеными от кожи лекаря веет настойками, в случае с Аришкой, полынными. И сколько не три, запах остается.

Тарон оторвался от бараньей ножки и оскалился:

— Было бы проще, не будь тамошние торговцы настолько перепуганы. Увидели оборотня, сели в снег и трясутся. Слова не вытянешь, а страхом от них разит за версту. Приходилось самим все сани проверять.

— А сторожки и деревни, — подхватил Ирт. — В наших селениях волка приветствуют, как почетного гостя, там же, как вора.

— Доходило до глупого, — кивнул второй брат близнец. — Закрывались, требовали, чтобы уходил, иначе пожалуются Белому варвару.

— Почему мне?

На вопрос барона братья ответили в один голос.

— Их грабят. Исходя из сбивчивых признаний, это черные.

— Ясно, — кивнул барон, стараясь унять широкую улыбку. Приятно знать, что твоим грозным именем пугают распоясавшихся волков. — Так как и где нашли дочь мясника?

— Случайно. В охотничьей сторожке под деревенькой Ажуг. — Ответил Тарон. — Мы телятину купили в дорогу, решили поесть, как люди, в тепле.

— Поднимаемся... — Ирт перехватил нить повествования и сделал таинственную паузу. — Свежих следов вокруг сторожки натоптано множество, а запаха нет.

Глухое рычание Белого варвара наполнило кухню дребезжащими звуками, дрогнувшей утвари:

— Что еще?

— А в разгромленной сторожке Аришка замерзает на полу, — вздохнул Лер.

Барон сжал кулаки. Глупая девчонка, трудно было обождать с очередным побегом!

Дерек, разливающий терпкое вино в деревянные кружки, язвительно улыбнулся:

— Она была жива, в отличие от голубя с красной ленточкой на лапе. В записке, которую он нес, было твое послание нам: «События набирают ход. Возвращайтесь».

— Проклятье! — от рыка главы стаи зазвенели стекла, волки затихли.

Лер понял недовольство барона по-своему, поспешил сообщить:

— Наш посланник опоздал, но долетел.

— Это радует! — глядя на друга в упор, барон спросил. — А немошь что, была не в силах растопить?

— Хорошо сказано, — развеселился Лис, — после встречи с черными Аришка действительно была не в силах.

И молчит, с любопытством взирая на Стафорда.

В тягучей тишине раздался треск дерева. Все посмотрели на кружку в руках Белого варвара, сам же он и бровью не повел, продолжает сидеть расслаблено, спокойно.

— И?

— Сбегая от них, она спрыгнула в овраг, затем провалилась в озеро, а настигли они ее у сторожки, где малышка хотела согреться.

— Что значит «настигли»? — белую шерсть и выпущенные когти на своих руках глава стаи заметил с удивлением, а светловолосый друг-умник с очередной саркастической ухмылкой. Подавляя звериную сущность, Стафорд рыкнул:

— Договаривай...

— Ничего не значит. Счастливая она. Все время их визита, провисела под скалой. И

осталась незамеченной.

Варвар надолго замолчал, погрузившись в раздумья, он прокручивал в руках пустую кружку. Казалось, даже огонь в печи затих, ожидая его реакции. Но обошлось, он ни одним словом, ни жестом не проявил своего бешенства. Вот только настороженности у оборотней, сидящих рядом, не убавилось.

— Замерзла, — буркнул Тарон.

А братья близнецы одновременно добавили:

— Зато узнала много нового.

— Что узнали?

— Между герцогом Равии и графиней Драво есть связь, — молвил Дерек.

— Родственники, — предположил барон, скривив губы.

Жаль, что он ранее об их связи не знал, не отослал бы от себя страстную волчицу Экхею еще год, а то и два, чтобы позлить самодовольного осла с высоким титулом.

— Или партнеры в сговоре. Вряд ли он с ней спит, оборотней милорд ненавидит. — Лис произносил слова четко, но к сознанию барона она проходили, будто бы через подушку, глухо. — Одного из черных оборотней, побывавших в нашем замке, зовут — Богар. За Аришей он шел с каким-то Ивом и шутником.

— Как я понял, у последнего рот не затыкается, — добавил Тарон, — а таких в стае черных немного.

Братья близнецы обрадовались:

— Найдем легко!

— Искать не нужно, — Белый варвар говорил натужно, но отчетливо. — С некоторых пор они уверились в том, что украли нашу реликвию.

Оборотней дернувшихся встать Дерек остановил с улыбкой:

— Несомненно, они уверились в этом с позволения нашего барона.

— Именно, — резко кивнул глава стаи и тяжелым взглядом посмотрел на каждого волка. — В ближайшее время Герцог Равии ожидает получить голову принца в обмен на клинок.

— И как скоро он ее получит? — спросили братья.

— Голову никогда.

— А неприятности? — подался вперед Тарон.

— Как только мы обоснуемся в столице, — улыбка варвара обрела хищный оскал. — Выезжаем завтра утром. Собирайтесь. А ты... — он перевел тяжелый взгляд на ухмыляющегося друга, — останься.

Когда оборотни оставили их наедине, Дерек позволил себе довольный смешок и теплое подзуживание:

— Я знал, что ты печешься о ней не просто так!

— Уймись! — оборвал его барон, сел ровнее и устало повел плечами. — Почему вы не отправили мне птицу?

— Мы оставили сокола Аришке. Думаю, вести от нее куда важнее наших. — Он выудил из рукава маленькую склянку и поставил ее на стол. — Например, о той горной травке, что скрывает запах оборотня. Это ирд.

— И как немошь догадалась?

— Сложила дважды два, — Лис мягко поднялся из кресла, пересел ближе к главе стаи. — Первое: раствор, которым она натирала ушибы раненных, второе: травяной состав,

который проявляется синевой на когтях оборотня.

— Вот и весь секрет? — глава стаи шумно выдохнул. — Она ускользнула благодаря настойке, которой лечила.

— А поняла она это, только лишь сбежав от нас.

Дерек с улыбкой взирал на руки барона, и таинственно молчал.

Выжидает. Понял Стафорд, но не спешил разрушить тишину. Долго обдумывал, услышанное прежде, чем задать следующий вопрос.

— Как долго она останется в Берите?

— До лета.

— Это точно?

— Так же точно, как и то, что она жива, здорова, все так же хороша, как и прежде.

В ответе оборотня слышится улыбка, а сам он с серьезным видом по-дружески советует:

— Отставь волнение.

— Это мне не свойственно, — надменный голос барона отразился от стен и пространство комнатки опять зазвенело.

— До сих пор я тоже так думал, — дождавшись, когда кухонная посуда перестанет дребезжать, хитрый Лис выхватил кружку из рук главы стаи и поставил ее на стол. — Но сдается мне все не так просто, как кажется.

Он прикоснулся к деревянной ручке, и громоздкая утварь осыпалась мелкими щепками.

— Показательно, не думаешь?

— Нет.

Барон скривился, словно бы это не его рук дело.

— А что произошло? — поинтересовался Дерек, отходя подальше. — Очередной обмен любезностями или она тебя опять приложила?

— Попридержи язык. Девчонка дура...

— Не скажи. Ты дур, может быть, и спасаешь, но не стережешь.

Глава белой стаи поднялся так стремительно, что к стене отлетел стол и разлетелись стулья. И его плотоядный взгляд заставил Лиса зажмуриться, но не замолчать.

— Только не ссылайся на Гессбойро в ее руках. Видит Ночь, я не поверю. — Друг приложил руку к груди и словно бы клятву произнес. — Клинок слишком важен, чтобы отдавать его малышке, — он открыл один глаз и весело прищурился, — а она слишком хорошенькая, чтобы просто так ее отпускать.

Наперекор всем ожиданиям друга Стафорд тихо рассмеялся и под недоверчивым взглядом светлоголового оборотня ответил.

— Не верь...

Берит всегда славился своими ремесленными мастерскими, а потому от прочих городков предгорья отличался самобытностью каменных строений, декоративных украшений и общим устоем города. Улицы здесь от центральной площади расходятся лучами, кварталы же кольцами и чем дальше от центра кольцо, тем больше лучей его пересекает. За чистотой люди следят, потому что градоправитель, хоть и не оборотень, но очень грозен. Датог Суро — в простонародье Суровый, со всем что ему не по нраву разбирается быстро и легко: постройки сносит, людей изгоняет. А то, что нравится — весь вынужден оберегать, иначе пощады не жди — выдворит за городские стены.

Говорят, несколько веков назад еще в бытность свою молодую юный скиталец за этот город душу продал дьяволу. И с тех пор жизнь его зависит от того, насколько в Берите дружно, чисто и светло. Красивая легенда о долгожителе, но как сказал мне Дерек, в семье градоправителя Суро вот уже несколько столетий первенцев независимо от пола называют Датог. Но все они, как и древний их прадед, трепетно относятся к родному городу, и прозвище Суровый каждый зарабатывает сам и за дело.

Уговаривая оборотней отпустить меня одну, снова уверилась, что прозвища им, как и людям, не просто так дают. Хитрюга Лис кивал и весело шурился на мои разглагольствования о свободе и постоянном везении, но до города все же сопровождал. К стенам Берита мы подошли все в месте, к дверям тетиного домика только я и он. Черная ночь на улице, снег светится и скрипит, из печных труб поднимается дым, слышатся людские разговоры. Я счастлива, как весенняя капель, все же добралась, а Дерек серьезен, словно в дальний путь собирается.

— Аришка, береги себя и в новые истории не попадай.

— Да куда я денусь. Из дома до лета носа не высуну.

— Ну, смотри, прибегу в июне проверю, — клетку и перчатку для сокола в руки дает. — Птицу оставляю с тобой, держи связь с бароном и как обещалась, пиши ему.

— А тебе? — спросила с надеждой в голосе. Кто-кто, а этот оборотень поймет, если я попрошу с дядей Моратом связаться.

— Мне тоже пиши, малышка, — по волосам потрепал и, вручив сумку, подтолкнул к дому. — Не болей.

Обернулась, чтобы пожелать хорошего пути, а он уже исчез. Подумала, что услышит и все-таки крикнула:

— Удачи!

Как же я ошибалась, считая, что с приездом к тете многое решится само собой. Ничего не решилось. Маленькая деревня мало чем отличается от большого города, потому что люди везде одинаковые.

Недели не прошло, соседки за расспросы взялись. Кем я тете прихожусь, где родилась, кем воспитывалась, есть ли приданное за мной и куда это прошлые женихи смотрели, раз такую красу проглядели. Выделялась я на фоне светлокожих, светлоглазых, что правда, то правда, но вот красавицей среди них не была. Оттого и обидно, что даже в простом вопросе подковырка имеется, хотят знать порченная я или болезная.

На что могла тетя Варрия отвечала, а в основном отмалчивалась, мол, сама толком ничего не знаю, племянница не рассказывает. Для мирных жителей и такого ответа

достаточно, сплетницам же детали подавай. Потому и вышло, что на десятый день моего пребывания в Берите языкатые кумушки не стыдятся сами с расспросами подошли. Самые несдержанные и самые язвительные — две товарки с охотничьего ряда. Одна звериными шкурами торгует, вторая добротной выделанной кожей. Обе холенные, здоровые, улыбочивые будто бы не они за этот день шесть часов на морозе отстояли. Глядят на меня, хитро щурятся. Чует мое сердце, что здешних торговок я тоже невзлюблю.

— Доброго дня, Ариша.

— Доброго, — я спустилась с крыльца тетиного дома и поправила на плече сумку.

— Спешешь? — любопытствовала Упа, та из них, которая говорить умеет складно и порченную шкуру может продать дороже прочих.

— К кузнецу иду, свой заказ забрать.

— Случаем, не за поясом ли верности идешь?

Ах, это они похохмить пришли, видели, как я молодого плотника от себя спровадила, а первому красавцу улицы Зеленый Буг на улыбку улыбкой не ответила. За одно лишь это еще месяц косточки перемывать будут. Уверена, что говорить будут так, девка цену себе набивает и в руки здешних парней не идет. В городе я не первый день, отчего цепляются? Неужели других дел нет? Если и дальше так пойдет, плакать будут слезами горькими. Уж больше не отступлю и в душу плевать не позволю. А потому плечи расправила и отвечаю.

— Я за иглами. Но если нужно взять и ваш заказ, так прямо и скажите, заберу и его.

Упа смешком своим подавилась, растеряно переглянулась со второй. Матрена за товарку вступилась, подбородок вперед выдвинула, руки в боки уперла и с шипением пошла на меня.

— Ты что, девка, охамела?

— Как можно? — удивляюсь искренне, смотрю удивленно. — Подсобить, решила.

И уже к Упе обратилась с вопросом:

— Так вы его не заказывали? А я поняла...

— Поняла она! — фыркнула вторая. — За языком следи. Не маленькая, чтобы такие заявления отпускать. По головке никто не погладит.

— Постараюсь, — кивнула я и пошла своей дорогой.

— Смотри, на глаза не попадайся!

На такую заяву обернулась и ответила с улыбкой:

— Так вы сами пришли.

Отошла на добрые двадцать шагов и в спину полетело злобное:

— Шарка беззубая, а уже кусается!

Как не называйте, а я себя отстаивать буду. Мне стыдиться нечего, плохого не думала и не делала, сама от чужих хлопот пострадала. Там гордость не позволила с грязью семьи Вароса тягаться, здесь же я грязь к себе близко не подпущу. И Дерек меня во всем поддержал, сказал, чтобы себя отстаивала смело, как и раньше. А будут сложности, он их решит.

По заснеженным дорожкам к кварталу мастеров я поднялась быстро, завернула к кузнечной лавке и, остановилась, как вкопанная. Мой давешний ухажер — городской плотник со своими друзьями стоит у самого входа в лавку и тихо переговаривается. Поджидает кого-то, зубы скалит, гогочет через слово. Не меня ли ждут? Не хочется ссоры. Но если задела гордость своим отказом, пусть простит. Потупившись со скромной улыбкой глупышки, подошла ближе.

— Добрый день.

И не дав им слова ответить, залепетала возмущенно:

— Что же вы на холоде стоите? Замерзнете и заболаете. Кто потом лечить будет?

В ответ удивленное молчание, один Савелий чуть ли не рычит. Правильно, я же его уловку использовала. Это он по причине крайнего холода ко мне обниматься полез, согреть решил. Подножку получил и на снегу разлежся, как так и надо. Сейчас, видимо, вспомнил детали двухдневной давности, покраснел, желваки на щеках заходили, ноздри гневно раздулись.

— Ой, что это я! Видно же, жарко. Красный вот весь, явно любовь греет с утра до ночи. Счастливый...

Взгляд с молодого плотника перевела на его друзей: — А вы не знаете, кузнец еще принимает? Или нет?

Опять слова вставить не дала, торопливо залепетала.

— Я так спешила, так спешила, боялась к нему не успеть... Если договорились встретиться, так надо вовремя. Люди работающие ждать не любят, каждую секунду ценят, и каждый час. А я вот иду к нему за иглами по специальному заказу. Смешно звучит — спец заказ. Сразу и не понять о чем речь идет, а ведь дело хоть и хитрое, но простое. Всего-то изготовить иглы изогнутые с толстым ушком.

Изумленно молчат, я дальше продолжаю:

— Как кузнец сказал, тут такими мало кто интересуется, в основном шило заказывают. И не одно, а множество и совершенно разные. Ну, так это для животной шкуры, мне ж для человеческой кожи...

По мере моих слов лица у молодых вытягиваются, а глаза от удивления увеличиваются. И уже не столько на меня смотрят, сколько на Савелия недоуменно косятся.

— Пока в Берите гошу надо чем-нибудь руки занять. Так вот шить буду. Только не платья и не платочки всякие с цветочками и ленточками, а раны рваные, порезы, проколы. Если кто-нибудь в капкан наступил или с дерева рухнул, брюхо вспорол, или ноги изрезал, но жив остался, так это ко мне. Но на примерки не напрашивайтесь. — И с шальной улыбкой добавила. — Мне в руки лучше не попадаться. Целее будете. То есть не из-за меня, а от... ну вы же поняли.

Дождалась их рассеянных кивков и радостно переспросила:

— Ну, так что принимает кузнец или нет?

— Принимает.

— Какая радость! Я все же успела. А то думала, что в этом часу уже...

— Принимает-принимает, — ответили поспешно, лишь бы тараторить перестала, и дорогу мне уступили. — Иди, а то не поспеешь.

— Да? Ой, ну тогда ладно, поспешу. — Руками замахала и с улыбкой поблагодарила. — Спасибо. Доброго дня вам.

Я в лавке скрыться не успела, слышу, как парни у плотника спрашивают:

— Это она?

— Она, — Савелий в ответ чуть ли не прошипел, — дурой прикидывается.

Пусть и дурой, зато лишних претензий не появится. Что с наивной глупышки взять? Ничего.

Поначалу думала, что зря я им про иглы рассказала, потом просчитала свои возможности заработка и пустила слух через торговков, что в помощницы к повитухе с

радостью пойду.

Двух дней не прошло, врачевательница Людора меня к себе позвала среди ночи. Известник, прибежавший ко двору моей тети, был бледен и напуган. Сразу поняла, что дело серьезное не разговаривать зовут. Все свои травы и настойки взяла, иглы, жилы и тряпки, какие имелись, мазей намешать еще не успела, но и к ним ингредиенты прихватила.

К дому повитухи шла пешком, оттого опоздала и встретила Людору около ее дома. Видимо беда не в один дом постучалась, если бойкая Людора уже запыхалась и измучалась. Ей было за шестьдесят, такие помнят войну, видели, как в наше предгорье пришли оборотни и знают беспокойную жизнь без звероподобных. Худая, статная и уже седая, как белый снег, она смотрела на меня пристально, словно все еще не решилась принять помощь.

Но вот я стала напротив и прямо посмотрела в ее глаза. И пусть не знаю войны так, как она, но за жизнь биться умею. Женщина, оглядев меня, улыбнулась, кивнула своим мыслям и сразу к делу перешла:

— Я к роженице, живет тут через дорогу. Девчонка вторые сутки никак не разродится. Худая как щепка, а зачала от богатыря. — Кутаясь в тонкий плащ на меху, она протяжно вздохнула: — Ты едешь в дом нашего градоправителя.

— К Суро?

— А других градоправителей в Берите и нет.

Повитуха прошла к калитке, тяжело ее открыла и пропустила вперед меня:

— Не пугайся, не одна ты там будешь, у него уже трое лекарей. Но шить, как сама знаешь, не могут, предлагают тряпками стягивать.

Значит там работы на час или полтора, промыть и зашить, если дело не серьезное.

— А что случилось?

— День назад младший сын Датога Суро в пещерах прятался под городом Черхи. Что там, да как не знаю, не видела. Только сегодня мальчонку домой привезли. Лекари сказали, что ноги правой больше нет и ходить он не будет.

— Отрезали?

— Датог не позволил, ищет помощи.

Вспомнила, как то же самое дядьке моему говорили, когда он в расщелину упал. И не сбылось ничего. Захар с отцом моим к его ногам жгутами палки прикрепили, и на вытяжку к изножью зацепили. Морат полгода в постели провалялся, зверел, как оборотень, рычал не хуже рыси, за время своей неподвижности всех поубивать обещался, но встал. Коленьями погоду чувствует, если в пути долго, то чуток прихрамывает, а все-таки ходит, на своих двоих ходит, а не поленом не печке лежит.

— Ты костей раздробленных не боишься? Крови, кожи?

— Куда мне бояться, не одну скотину с отцом разбирала.

— Ка-какую скотину? — удивилась она.

— Животную, человеческую только шила. Я дочь мясника и травницы.

— Вот оно как?! — женщина с облегчением выдохнула. — А я уж подумала..., ну да ладно. Дашь старшему Датогу сразу при встрече. Она передала мне послание, сложенное вчетверо и поспешила вниз по улице.

— Людора, стойте. Как к Суро быстрее добраться?

— Сюда сейчас сани подъедут. Дождись! — крикнула она.

— Дождусь. Быть может, и к вам на подмогу успею.

— Вряд ли.

Поспешила я с выводами, ой как поспешила. Сани не приползли, как это часто бывает в маленьких селениях, а прилетели, возница меня вместе с сумкой одним рывком на них втащил и, дав лошадям плетей, помчался дальше.

От центральных кварталов мы ехали к периферии, в сторону самого высокого участка к скрытой скале, как ее назвала тетя Варрия. Почему обитель градоправителя находится на отшибе и за скалой, я поняла лишь, когда мы завернули за угол. Огромный каменный особняк там попросту прятался. Скалой он был защищен от лавин и оползней, обрушивающихся на город с юга каждые три четыре года. Можно было бы сказать, что первый Датог Суро трусил, но в отличие от других построек Берита только его дом с крепостными стенными по краю, нависая над обрывом и пешей тропой, веками защищал город от незваных гостей из степи. С приходом оборотней в предгорье визиты грабителей из равнины Нариви прекратились. Но этот дом, как и люди старшего поколения все еще помнят те страшные времена.

Сани промчались через ворота и, разметав сугробы, затормозили у дверей заднего входа. Здоровый возница легко спрыгнул с козел, и меня на каменный двор опустил. Из-за мехового воротника, шапки и шарфа лица его я не видела, но по голосу поняла человек он не простой.

— Людора, вы дорогу знаете.

— Я не...

— Отставьте разговоры, ему нужна помощь, — он за руку завел в дом и, грохнув дверью, оставил меня одну в натопленной кухне.

То, что помощь нужна я поняла уже там. Некогда просторная и чистая кухня и добротными шкапами и столом, была завалена грязными окровавленными тряпками, кастрюлями и чашками с пахучими составами, железными инструментами врачей и битой стеклянной тарой, от которой кое-где вверх поднимался голубоватый дымок.

— Эй, кто-нибудь есть?

Ответом мне был грохот где-то наверху и громкие споры:

— Я сказал, что это поможет! — протяжный говор южных морей я услышала впервые за семь лет. Так Захар травник раньше говорил, пока наши напевы не перенял.

— Вы не имеете права так утверждать... — а это говорил северянин, у них голоса резкие, и после каждого слова, словно бы наступает пауза.

— Помолчите, я уже использовал свою настойку, вскоре жар спадет. — О! А вот это уже наше наречие. Выходит местный лекарь тут тоже есть. Но двое других ему менее всего рады.

— Что?!

— Как вы посмели!

— Датог, позволил, — отрезал тот, чем несказанно позабавил лекаря с юга.

— Ваша трава была вымочена в вине, вы сами его недавно лакали.

— Пьянь! — грубо заявил север. — Отойдите от мальчика!

Исходя из послышавшихся возгласов и оскорблений, столкновения светлым головам не избежать. Сейчас север устроит свару с местным и юг, если будет умнее пойдет лечить сам. Я поспешила наверх. У лестницы встретила еще троих, мужчину среднего возраста и двух женщин. Прислуга или жильцы, были смущены происходящим, но не спешили разорвавшихся врачей унять. Они стояли у дверей в ярко освещенную комнату и глазели на кавардак происходящий внутри.

— Доброй ночи, — поздоровалась я. — Давно здесь так?

— Вторые сутки, — ответила мне женщина постарше.

— А с мальчиком что?

— Ничего хорошего, — слезливо выдохнула она и указала в угол, где среди кровавых простыней свернувшись в клубок лежит маленький человечек.

— Боже мой! — я ухватила за руку грозного вида мужчину, выведя его из оцепенения. — Заберите отсюда ребенка. В новую комнату, натопленную, немедленно.

— Торрома сказано не двигать, — заметил он, буравя меня взглядом. — И вы не Людора...

— А вы не столб, сделайте, как прошу. С ребенком плохо, двигай не двигай, если не вмешаться, умрет. — Посмотрела прямо и твердо. В Берите глазам верят больше чем словам, вот и я глаз не отвела, когда он злобно прищурился.

Хмыкнул, оценив мой напор, и все-таки вошел в душную комнатушку, где трое лекарей уже избивают друг друга всем, чем ни попадя. Я же даю команду притихшим женщинам:

— Нужна комната чистая, свечей побольше, растопленный камин, кровать без перин, твердая.

— Но... — попыталась воспротивиться старшая из них.

— Твердая, — повторила непререкаемым тоном. — А еще теплая вода ведро. Лучше два или три... и быстро!

Когда в дверях появился мужчина с мальчиком на руках, он кивком головы указал, назад как бы спрашивая, а с этими что делать?

— Закроете, пока не утомонятся или не поубивают друг друга, — процедила я, ощупывая лобик раненного. — Горит. Быстрее перенесите.

На ходу стянула с себя шапку и куртку, вещи отдала удивленной молодой женщине. Пройдя за мужчиной в комнату, я освободила сумку от поклажи и на столе развернула иглы и жилы.

— Воду принесли?

— В углу, — ответила женщина, пряча мои вещи в шкаф.

— Хорошо, вот, — я вручила ей мешочек с травами и объяснила, как их заварить и остудить. — Зовут как?

— Кого?

— Всех вас.

Сняла с ребенка рубаху, осмотрела ушибы на теле..

— Я Элия, моя мама Мирта мы на кухне готовим и по дому прибираемся, Борб, — она указала на стоящего в углу мужчину за двор отвечает. Еще возница Орбас, он сейчас болеет. А лекарей я не помню как зовут, зато их звания...

— К бесам лекарей и их звания! — прорычала, осматривая волдыри ожогов от соприкосновения двух сильнодействующих мазей. — Лучше настой сделай. Все беги, Элия.

Аккуратно стянула, а кое-где и соскребла с маленького Торрома все травяные компрессы и составы, попросила Мирту мальчишку помыть. Она, всхлипывая, взялась стирать с детской кожи грязь.

— Маленький, бедненький, солнышко наше светлое...

Послушав ее испуганные охи и ахи, поспешила впечатлительную женщину предупредить:

— Он вскоре забудется сном, дышать будет очень-очень тихо. Так как слаб и крови много потерял, кожа может чуток похолодеть. Не пугайтесь, живой.

Настой Элия принесла вскоре, поставила аккуратно на столик, по моей просьбе дров в

камин подбросила, новые свечи зажгла и вышла. Борба и Мирту попросила я ранее отправила из комнаты, позову, если понадобится помощь. Так они в коридоре остались стоять. Но дальше я на них не отвлекалась, хоть и краем уха слышала, что я для повитухи слишком молода, нахальна, напориста, и что хозяин, вернувшись, будет зол, как врачеватели орут в закрытой комнате, тоже слышала, но не вслушивалась. Для меня важнее вот этот несмышленищ, которому в пещере повезло больше, чем дома. Не будь лекари так заняты своими доводами в пользу методик, давно бы ребенку помогли. Но, нет. Каждый кулик свое болото хвалит, а каждый врачеватель его еще и кулаками отстаивает.

Продельывая промытые жилы в иглы, дала указания грозному Борбу:

— Тряпки и простыни, оставшиеся в кухне, спалить, склянки и все те мази, что использовали лекари собрать в одну корзину и вынести. Травы и порошки не использованные, поднять сюда.

— Что с их приборами делать? — спросила Элия из-за двери.

— Тоже ко мне принесете, но на отдельный стол или вот на подоконник поставите, — я указала в сторону окна.

— А если перепутаются, смешаются и не понять будет — где чей?

— Мне все равно, а им... — махнула головой в сторону грозных воплей, — чем не повод для новой драки.

— Так дрались уже, — шепнула кухарка и пошла.

Долгое время было тихо. Я, ощупав ноги ребенка, проверила состояние кожных покровов и костей. Да, случай сложный, но излечимый. Сейчас зашью, где надо, потом поставим на вытяжку и закрепим.

В процессе шитья меня прервали, холодный голос, раздавшись над ухом, потребовал объясниться:

— Ты кто такая? И что тут делаешь?

— Ариша. Шью я. Не отвлекайте.

Он и не отвлек меня совсем, зато громко потребовал ответа у Мирты:

— Кто пустил?

— Вы, — ответила она дрожащим голосом.

— Я не мог!

— Вы от Людоры меня забрали и перестаньте кричать, лучше плотника привезите.... - сказала, не поднимая головы и не отрываясь от работы. И совсем забыла, что плотников у них к больным и раненым только для изготовления гробов приглашают. Напугала мужика.

— Что?! Зачем плотника?

Огромные руки сжали мои кисти, заставив выпустить иглу, а то, что она впилась в ладонь мужчины, он и не заметил, в отличие от меня.

— Отойди от него. Богом клянусь... Убью не глядя, если еще один стежок сделаешь!

Из-за рыка его, я чуть ли не оглохла, а мальчик дернулся и тоненько захныкал. И как по закону подлости в комнате, где были заперты лекари, раздались совсем уж душераздирающие крики.

— Кто там? — прорычал перепуганный.

— Бестолковые врачеватели. Надеются, что их выпустят.

— Так выпустите!

— Позже, — я медленно разогнулась и позвала Борба из коридора.

— Зачем тебе он? — рывкнул взбешенный мужчина, вызвав новый всхлип ребенка. —

Ты меня слышишь? Зачем он тебе?

— Слышу, но очень плохо, особенно когда на меня орут, — ответила тихо почти шепотом, чтобы и он был вынужден снизить громкость собственного голоса. — Отпустите меня. Стежка не сделаю, вам и так игла впилась в руку.

— А плотник? — спросил, сжав мои ладони еще сильнее. Вот же, вцепился мертвой хваткой, не отстает. А прислуга молчит и с места не шелохнется. Неужели я с хозяином говорю? Боже правый! Записку от повитухи я сейчас ему точно показать не смогу, не успею. На кусочки порвет и явно меня.

Если он такой недоверчивый, то придется каждый шаг объяснять.

— Не позову, — медленно выдохнула, собираясь с мыслями.

Он отпустил, и я отступила. Объяснять я люблю, но этот же при людях не позволит сделать втык. А растолковать что к чему надобно. И потому я решила его вывести не только из себя, но и из комнаты просто и легко:

— Плотника сами позовете.

И шмыг в коридор, точно зная, что после моих слов любящий родитель кинется к притихшему ребенку. Прикоснется к холодной коже и дыхания его, понятное дело, не услышит. Оно же у мальчика очень медленное сейчас и совершенно тихое. Стой я рядом, Датог бы слова сказать не дал, убил на месте. А потому бегу я вниз, в надежде оказаться от комнаты подальше.

Но как думала, так и получилось. Разъяренный хозяин дома далеко от лестницы убежать не дал, ручищей к стене припечатал, а я в ответ на резкость стесняться в выражениях и не подумала.

— Датог Суро, как Вы позволили себе испугаться? Вы же, градоправитель в Берите!

От такого напора он остолбенел, но все еще пребывал в гневе.

— Уму непостижимо! Как можно было вызвать трех лекарей с разными методами лечения?

— Что?!

— То! — выдохнула я. — Вы что думали, они взвесят все решения и найдут выход?

Мужчина удивленно замер, ведь ситуация развивается не по первоначально заданному сценарию

— Да каждый в отдельности давно бы помог ребенку. Но ради того, чтобы выслужиться перед вами врачеватели, сцепились, как собаки. — Я отодрала его ослабевшую руку от себя и указала наверх. — И как вы слышите, до сих пор грызутся!

— Слышу, — с досадой буркнул он.

— А Ваш сын сейчас в беспомощности.

— Потому что ты их закрыла! — рявкнул, не хуже оборотня, так, что я дрогнула.

— Не выпускайте, — прошипела в ответ. — Если вы подпустите к ребенку хоть одного из них, этот врачеватель из чувства превосходства сделает все, чтобы доказать свою правоту. А правых там уже нет, — он попытался, что-то ответить, но я не дала, — и не будет. Ребенок в бреду, на коже ожоги из-за мазей, раны до сих пор не стянуты и вы меня от процесса затягивания отвлекли!

— Что...?

И раньше видела, как простые мужики свирепеют, но то, что произошло с его лицом, напугало втрое больше прежнего. Может он и не оборотень, но есть в нем что-то от волчьей ипостаси, что-то звериное. Весь подобрался, глаза из светло-голубых превратились в

непроницаемо черные, подбородок выступил вперед, скулы, скрытые щетиной, вдруг стали более рельефными, а рыжие волосы вздыбились, как шерсть на волчьем загривке. И казался он, не Суровым, а Безжалостным.

От такого вида лишь одно желание возникло — бежать. Бежать без оглядки, куда глаза глядят, лишь бы подальше.

— Убью! — он ринулся навверх, но я, вопреки страху, схватила мужчину за руку и потянула на себя.

— Стойте! Потом выпустите... разберетесь, если пожелаете. Сейчас мне нужен плотник.

— Повтори, — Суровый окатил меня уничтожающе презрительным взглядом.

— Бог с Вами, Датог, плотник нужен не для замеров гроба. Чтобы Тором через год или полгода смог самостоятельно ходить, ему нужны детали для закрепления ног и перевязки к ним.

— Он сможет...?

— Да, — заверила с улыбкой. — Можно было бы использовать и просто палки, но лучше, если мастер изготовит сразу несколько дополнительных деталей. Тогда мы меньше его ногу потревожим и кости срастутся быстрее.

— Срастутся? Он ходить сможет? — все еще не верил отец мальчика.

— И даже бегать.

В эти мгновения я видела, как отчаяние уступает место надежде, как лицо мужчины разглаживается, а в глазах загорается совсем другой огонь, теплый.

— Плотника... Сейчас будет плотник! — решительно заявил он и двинулся на выход.

— Датог... — я выскочила за ним, остановилась на пороге. — Только помните, нам хватит одного плотника.

— Понял.

В дороге из замка оборотней в столицу оборотни белой стаи были уже третий день. Двигались проверенными тропами быстро и легко вписывались во временные рамки переезда. Так, что частые просьбы остановиться, звучащие из саней с принцем и его верноподданным старцем, не раздражали. Забавно было наблюдать за Гаро, бегающим по кустам в поисках подходящего укрытия. И весело было слышать, как он, провалившись в снег по пояс, поминает бесов.

Зато урок усвоит, думал про себя Стафорд. Гостинцев от деревенские в рот больше не потянет и чернухой нечистоплотной не заразится. Да и торговка Агафья в деревне отныне не появится. По его указу, она с младшим сыном и дочерью теперь к черту на кулички переедет. И уже где-то там готовкой своей молодцев травить начнет. Вот так одним пирожком с черникой оборотень двух зайцев убил: одного научил, другую проучил. И нет ничего страшного в том, что вчерашнюю выпечку торговки барон чуток настойкой сдобрил для скорейшего результата. Все-таки для пользы дела старался.

Точно так же в своей полной капитуляции он старался уверить «добрых» вестников от герцога Равии. Напоил, накормил, все их доводы и разглагольствования выслушал и позволил малые шалости с опытными волчицами. Затем спать уложил, а поутру свободно

выпустил из замка. Свободно... О том, что за ними белые оборотни неделю следят неотступно, вестники догадались лишь, когда направили герцогу письмо с радостным известием: «Белый варвар со всем согласился».

Слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Что уж говорить о быстром соколе с тайным донесением. Он был уже очень высоко и далеко, когда белые волки взяли в плен наглецов и перенаправили в стойбище оборотней. Вот так уверенность герцога Равии в том, что по прибытию в Адар Белый варвар отдаст голову королевского отпрыска, освободила оборотням дорогу в столицу. Никто не преследовал и никто не нападал.

Скучно, даже когтей не выпустить.

Со стороны сэра герцога было глупо не затребовать кровавый трофей сразу же. Видимо среди вестников, которых он подослал в замок, был кто-то очень ценный, подумал Стафорд. Тот, кто не должен был попасть в пыточную, заикнись они получить голову Гаро. Интересно, кем он так дорожил?

Когда достигнем крепости Тардош, нужно будет свернуть к логову, посмотреть на пленников и допросить их по-своему. Вполне возможно, старый Вастар потерял былую хватку и уже не так скрупулезно вырывает правду из вражеских уст. Размышляя об этом, барон недоуменно посмотрел на светловолосого друга, который вот уже минуту читает письмо, радостно оскалившись.

— Чему ты так мило улыбаешься?

— Аришка рассказывает, как на новом месте устроилась, — Лис с сожалением оторвал взгляд от строчек.

— Она тебе пишет?

— Да. А еще, — светлоголовый оборотень коварно прищурился и сделал таинственную паузу, — она интересуется здоровьем принца и передает наилучшие пожелания моим парням. Волки, вы слышали?

Тарон с братьями близнецами одновременно ответили:

— Да!

— Присылает с другой птицей? — поинтересовался глава стаи, принаравливая свою лошадь к шагам коня Дерека.

— С той же.

— Почему я его не видел?

— Потому что первым делом сокол прилетел ко мне. Как мой воспитанник, а потом уже к тебе, как твой подчиненный. — Подмигнул сын ночи. — И предвосхищая следующий вопрос, скажу, что пишет малышка много и весьма образно.

— Я не это хотел узнать, — Стафорд недовольно фыркнул, — да и она не малышка...

— Ты тоже это заметил? — с язвительным удивлением воскликнул друг, продолжая увлеченно читать. — А я был уверен, что у вас сугубо деловые отношения.

— Деловые, — подтвердил барон, делая обманный маневр.

Попытку вырвать письмо из рук, Лис легко отбил и отъехал подальше:

— Не разевай роток, на чужой листок! Она тебе тоже пишет. Довольствуйся своим.

— Там всего лишь две строчки.

— Да? И как у них с природой? — хохотнул светлоголовый.

— Она пишет о сыне.

— Удивительное дело! — протянул оборотень, похохатывая, и сложил листок. — Когда я ее в последний раз видел, она на сносях не была. И когда только успела?

Варвар пристально на него посмотрел, прежде чем утвердительно произнести:

— Ты видел мое послание ей, но Арише ничего не передал.

— Вначале я разузнал систему ваших оповещений, мой барон. Понял, насколько она уникальна и решил оставить все как есть. — Здесь он сделал паузу и с залихватской улыбкой закончил. — Видимо судьба ей от тебя родить!

— Повтори...

— Зачем? — продолжает, потешается друг. — И так понятно, что глядя на девчонку, ты подспудно думаешь о сыне.

— Глупости.

— Как сказать... Не знаю в курсе ли ты, но чего просишь, то и получаешь. — Взглянув куда-то вдаль, друг продолжил размышлять вслух, — не сразу, конечно. Но к тому времени она как раз подрастет.

— Растолстеет! — фыркнул глава стаи и все-таки выдрал письмо из рук Лиса. -

Так-так-так почитаем...

Запах шедший от бумаги был Аришин, тонкий, медовый, нежный, но к нему примешивался и запах иной. Он был мужским тяжелым и терпким, не оборотень, но что-то в нем было запоминающееся звериное.

Письмо девчонки кто-то вскрывал или прикоснулся, дав бумагу, или стоя за ее спиной поглаживал нежную девичью руку?

Стафорд неожиданно дернул лошадь и заставил ее остановиться. Еще бы, этому способствовали первые строчки письма: «Дерек, неприятно сознаваться, но ты был прав. Новые истории долго ждать себя не заставили».

Пока Белый варвар читал, хмурясь и скрипя зубами, вереница саней медленно проползла мимо, оставив позади глубокие следы полозьев. И, пусть Лис продолжает ехидно улыбаться, глядя на него, барон все-таки спросил:

— Что значит, живу в доме Датога Суро? У ее тетки крыша протекает или у немощи другого рода течка?

— Ариша ухаживает за младшим сыном градоправителя, ее тетя здесь ни при чем.

— То есть там еще и старший выро... сынок, — процедил оборотень сквозь зубы. — Быстро же она приживается.

— Ты не справедлив, — Дерек уже не улыбался, смотрел с осуждением. — Суровый относится к ней, как отец к дочери. Он прекратил все поползновения со стороны местных ухажеров. А их, как ты понимаешь, не так уж и мало.

Они тронули лошадей, и быстро нагнали сани.

Да уж... — вспомнив кареглазую Аришку, Стафорд скривился, — теперь у нее неприятности другого рода.

Перечитав строчки еще раз, он пристально посмотрел на друга и прищурился. Если он знает о Суровом, значит это...

— То есть это не первое ее письмо? — утверждая, спросил барон.

— Нет.

— Что было в первом?

— Рассказывала о тете и сплетницах-торговках...

Уже цепляются, понял глава белой стаи. Что ж за жизнь у девчонки, неприятности находит, не выходя из дома. Или это они за ней по пятам?

Дерек же продолжил припоминать, что было написано в ее первом письме:

— ... о том, что куртку свою и сапоги спрятала в старый сундук и на деньги, щедро данные Суrowым, купила новые вещи.

Варвар фыркнул. Умненькая немощь! Догадалась, что он потребует ответа о пуговицах и ременных пряжках, как только узнает, куда ее бес занес. Предупредила.

— ..., а еще попросила дядьку своего навестить, рассказать, как он поживает. И передала пятнадцать серебряных монет Севуне. — Продолжил рассказывать Лис.

— Почему ему? За что?

— А это он из голубятни мясника три дня подряд выпускал крылатых посланников с красной ленточкой на лапке. Он же Аришкину одежду в снегу вокруг деревни закапал, и раздал молоденьким красавицам ароматные масла от принца.

— Это он сам тебе рассказал? Или из него душу пришлось вытрясти?

Лис усмехнулся. Да уж, этот оборотень руки мараить не любит, действует хитро, но обязательно чисто.

— Сам. Я спросил, за что он получил монеты.

— И он ответил... — Белый варвар сердито поджал губы. — Что ж ты мельтешения сорванца раньше не заметил?

— Потому что он мельтешил по делу. Севуня в деревне на побегушках. — Говоря это, светловолосый оборотень покосился на друга. — Прыткий сорванец, головастый, как сестра.

— Вряд ли. Сестра у него безголовая...

Дерек его оборвал обвинительно:

— Ты сам в это веришь?

— Верю, — усмешка Стафорда была кривой. — Она поселилась в доме, где радушно принимают бесеков.

— Горные гостят у Суrowого? — недоверчиво переспросил друг, приостанавливая свою лошадь.

Вот теперь он начал понимать, что к чему и во что встреча с племенными может вылиться для немощи. Насторожился.

— Ежегодно. Весной. Крепись дружище, быть старшим братом девчонке не так-то легко. — Усмехнулся Стафорд и похлопал его по плечу.

Уж если взял под свое крыло, пусть теперь объясняет, чем чревато ее проживание в доме Датога Суrowо.

Бесеки — наемники с горных вершин. Особое племя людей, возвращенное в черной жестокости ко всему инородному. Они всюду ищут свою выгоду, и данного слова не держат. Словно бы суть их заключена в их же кредо: «Прав тот, кто платит больше». В период войны с ними не пожелал связываться даже Гневный Табир IV — гроза степных, завоеватель крепостей. Дабы обезопасить тыл, проведя через перевалы племени свои войска, король по двойной ставке купил всех горных наемников, но в бою так и не использовал. Правда, и противника к ним не подпустил.

Так он уберег себя от ножа по рукоять вогнанного в спину, но по возвращении домой получил плевков в лицо. Племенные, прознав о ратных делах королевских войск, подняли ставку своей преданности. Потребовали золото или несколько сотен девиц. Наемники знали, когда просить, а Табир знал, почему просят. Казна пуста, а вдов и незамужних хоть отбавляй. Но женщины в руках жестоких испокон веков гибли как мухи, а те, что выживали, уже не могли родить. Холод и бесправие уничтожали их добрую суть.

Чтобы избежать восстаний в поселках и предательства в горах, правитель Дакартии решил издать указ о том, что всех женщин, пожелавших уйти за бесеками, он облагодетельствует золотыми монетами и шкурами. А чтобы согласные уйти имели хоть какой-то выбор, с наемниками он подписал договор, что воин имеет право лишь на ту девицу, которая на застолье сядет слева от него.

Жаль временные рамки этого договора проклятый король не обговорил.

В ту пору победу Табира праздновали долго. И в горы многие ушли, кто с детворой, кто с матерями, не по одной и не в зимнюю пору, а потому хоть и бесправные, но все же, в племени порядок тихо навели. Загодя до холодов племенные отстроили теплые домики, еще через год прорубили новые спуски к воде, а потом и скалы вокруг селений укрепили. К четвертой зиме, скрипя зубами, обзавелись пушными козами. Якобы с перевалов уже не те деньги возьмешь, а вот с зеленых горных склонов еще возможно. Поначалу их стада были малочисленны и худосочны, а вот потом на рынках низины поселков процветать неожиданно появилась новая пряжа и сыр. Наемники с этой торговли потихоньку стали преуспевать. Живите себе спокойно. Но нет... Двенадцать лет прошло, а племенные, видя свое процветание и рост, все не останутся. Где бы их на застолье не приняли отовсюду «невест» забирают. И не важно: знала, не знала, села сама или силой привели и посадили, все одно — согласилась. Принимают бесеков теперь не многие, а если кого к столу и зовут, то исключительно в мужской компании, чтобы уберечь сестер и дочерей от распоясавшихся «женихов».

Узнав в чьем доме я поселилась, Дерек в письме доходчиво объяснил, что от гостей Сурового держаться нужно подальше. Датог же объяснил, что наемников с горных вершин он принимать у себя вынужден — по просьбе свободных горожанок. А потому Мирта подсказала, как из дома выйти через потайные двери, Орбас показал, как уйти со двора, а Элия шепнула, что покидать хозяйский дом надо в брюках. Это чтобы бесеки края юбки не заметили и даже шуршания ее не услышали.

И все бы хорошо, вот только явились горные не днем, а среди ночи.

Я только-только закончила перевязку Торума и добрела до своей кровати и свалилась на нее, не снимая платья, как вдруг во дворе забили в колокол, а затем ритмично застучали по

металлической ковке ворот. Красивая мелодия, подумала я, не придавая значения хору мужских голосов и грохоту их кулаков. Через минуту восходящий шум со смешками и отрывистым говором плавно переместился в дом. Почти сразу же моя дверь распахнулась, и обеспокоенная дочь Датого ощутимо потрясла меня за плечо:

— Ариша! Вставай, бесеки явились.

Я не оторвала головы от подушки, а потому спросила глухо:

— Кто явился?

— Племенные!

— Степняки? — предположила со вздохом, переворачиваясь на бок.

— Горные! — прошипела Патайя.

За руку выдернула меня из кровати и вывела в коридор к другим женщинам дома.

Истинная Суро. И у нее пусть глаза синие, а не светло-голубые, как у отца, и волос не такой медный, как у братьев, но силы в девице немерено. Такая и лошадь на плечах перенесет и любому мужику в городе кулаком рот закроет. Но видимо горных наемников она боится до одури. А как еще пояснить, что стоит она передо мной не в платье, как Мирта и даже не в штанах и рубаше, как Элия, а в тонкой сорочке с рюшами на голое тело.

— Чего смотришь? — спросила она.

— Тебе бы одеться, холодно на улице.

— Поздно, — она взяла меня за руку и потянула за собой.

Мы быстро преодолели коридор, освещенный лунным светом, и на ощупь спустились по лестнице к потайному ходу. Кухарка завозилась с ключами, тихо ругаясь.

— Не открывается! — запаниковала Элия. — Заржавел.

— Не должен был, недавно смазывали, — прошептала Патайя и прошла вперед. — Дай мне.

— Держите, госпожа.

Замок ей тоже не поддался, но гроза Беритских парней поражения за собой не признала и в два удара с шипением сорвала и замок, и петли. Уж лучше бы мы лежали в своих комнатах по койкам или же мерзли на темной лестнице, потому что на ее грохот и отборную ругань во внутренний двор явились не жильцы, а и гости. И все потому, что бесеки чувствуют себя в гостях лучше, чем дома. Жители гор обступили нас со всех сторон. Их было пятеро, высокие, худые и сильные, как вековые сосны, произрастающие на склонах гор. В куртках с острыми воротниками и приталенных штанах даже самые плотные из них смотрелись стройными.

— Ой! — голос перепуганной Суро, попытавшейся прикрыться мной, потонул в довольном мужском хохоте.

Наемники долго рассусоливать не стали, зажгли факелы и осветили нас.

— И кто это сбежать пытался? — поинтересовался ближе всех стоящий к нам.

— Это наши, — прогремел голос Сурового.

— Что ж... — наемник в куртке с множеством железных застёжек, не сводя взгляда с дочери градоправителя, ядовито улыбнулся, — забирайте по одной.

Всем известно, что племенные признают права других мужчин только лишь на жен, а потому не удивительно, что со стороны домочадцев слышала сущие небылицы:

— Невеста, — Борб, накинул на дрожащую Патайю свой плащ, и спрятал ее за спину. Наемникам, попытавшимся сказать что-либо против, мужчина ответил грубо. — Беременная. За золото не отдам.

— Жена, — старший сын Суро стал рядом с Элией, и молодая женщина благодарно улыбнулась.

— Супруга, — хозяин дома притянул к себе крупную Мирту и уверенно обнял.

А я стою, как неприкаянная и забрать меня некому, потому что возникший все еще болеет и на своих двоих не стоит.

— Ариша осталась.

Слова всхлипнувшей Патайи были тихими, как легкий ветерок запутавшийся в вершинах сосен, но хозяин дома их расслышал. И только после этого возмущенно оглянулся.

— Где наш...?

— Орбас?! — рывкнул младший Датог, женщины от его зова дрогнули, бесеки скривились, но никто вслед за зовом во дворе не объявился.

Вовремя они о четвертом мужике вспомнили, да только не явится он никак и свои права на меня не заявит. Я лично его с грелкой уложила в натопленной комнате, предварительно дав крепкого успокоительного отвара. Вот и получилось, что уснул возница крепко, шума не услышал и на помощь ко мне не пришел.

Стою, под хищным взглядом улыбающегося главаря, и понимаю, что просто так меня не отпустят. Золотом не откупиться, да и имущества у меня нет, чтобы ростовщику заложить. Разве что можно припугнуть строптивых, вдруг получится.

— Стало быть ничья, — молвил главный, делая ко мне плавный шаг.

— Болезной лучше быть ничьею, — ответила тихо, но твердо.

— Нам и такая... сойдет.

Он попытался взять меня за руку.

— Не смей соглашаться, — еле слышно прошипел градоправитель, а я и сама уже руки спрятала. Потупилась скромно:

— По договору я имею право выбора.

Бесек что-то неразборчивое прорычал на наречии горных. Затем схватил меня за плечо и дернул на себя.

— Сегодня, — заявил он непрекаемым тоном.

Сразу видно — жестокий, как оголодавший хищник и упертый, как баран. Пусть Патайя ему больше приглянулась, но этот согласен на любую. Даже думать не хочется, отчего он такой непривередливый. Убьет, забавы ради, только в руки попадись. Но скольких бы ты, ирод, не сгубил, меня не получишь.

Я ответила таким же испепеляющим взглядом и поставила свое условие:

— Вечером.

— Хорошо, — главарь группы натужно рассмеялся, рукой коснулся моей шеи и пальцами погладил по щеке и, позволив себе вольность напоследок, коснулся моих губ. — Вечером меня выберешь.

Прикосновение само по себе нежное, но по коже ползет мороз, потому что взор мужчины полыхает ненавистью. Либо с головой не дружит, либо болен тяжело. Если так, то до вечера с ним переговорю о лечении и договоримся иначе. Я ему дам жизнь без болей, а он мне жизнь на воле.

От руки его отшатнулась.

— Раз все решено... — зевнув в кулачок, рукой махнула в сторону дома. — Пойду, досплю.

И под ошарашенными взглядами одних и недоверчивым прищуром других направилась

прямоком в дом. Затем вверх по лестнице и в свою комнату. Пока шла, подумала, что надо бы Дерекка предупредить о нежелательном, но возможном повороте событий. Вроде бы обещался помочь в сложном случае. Суть проблемы описала в нескольких строчках и выпустила сокола в лунную ночь. Опять легла в одежде и сразу же уснула. Кажется, ко мне заходила причитающая Мирта и ревущая Элия, а еще Патайя над ухом гремела возмущенно, чтобы я немедленно слово свое у наемника забрала. На что Датог старший, стоящий здесь же, приказал ей успокоиться и выйти.

— Оставь ее. Утром поговорим.

Но стоило его дочери закрыть двери, Суровый сел на сундук подле кровати и растормошил меня:

— Ты что, сбежать решила, Аришка?

— Договориться, — я подушку обняла, ответила сонно. — Расскажу, что делать, чтобы он не болел в обмен на свою свободу

— Не глупи, — прошипел мужчина. — Лекарей у них в племени нет. После такого тебя без слов заберут.

— А у меня сил на побег нет.

— Но если...

— Нет, — оборвала его предложение на полуслове. Все равно со мной сейчас каши не сварить, да и убежать... От бесеков не убежишь, на то они и наемники.

— Но на маленькую хитрость остались, — сладко зевнула. — Объясню им, почему с травницей спорить нельзя, они поймут и без слов оставят в покое.

— Живой оставят? — осторожно уточнил Суро.

— Там посмотрим...

Ответила и почти сразу же погрузилась в пленительный сон. Правду же говорят, утро вечера мудренее. Да и устала я настолько, что ничего детального придумать не смогла.

А утром, будь неладен бесек и все его племя, любая попытка поговорить с главарем группы была отклонена категорическим: «нет», а затем приправлена противоречивым: «вечером». И не понять толком — он согласится на мои условия вечером или вынудит рассказать все вечером, как только меня посадят рядом с ним, по левую сторону.

Проклиная барана, одарившего этого упряма своим характером, я отправилась на кухню. Села, и шумно сопя, взялась чистить рыбу.

— Травить будешь? — спросила тихо Мирта.

— Нет.

— Опоишь? — это уже Элия присев рядышком и кивком головы указала на кувшин с вином.

— Нет.

Дверь кухни грохнулась о стену, в комнату ворвалась дочь Суро:

— Ну и в чем твоя хитрость?!

— В терпеливом ожидании, — последовал мой ответ.

Патайя схватилась за сердце:

— Ты в своем уме?! Тебе бежать нужно!

— Они тоже так думают. А потому давно готовы и к травле, и к моему побегу.

Все это я говорю уверенно, потому что все перепроверено. Не зря меня отец глазастиком называл и приговаривал, что Аришка все по кругу видит и далеко вперед заглядывает. Хорошим подспорьем было и то, что я наречие горных знаю. Услышала, о чем

говорят, подметила, что едят и пьют, как охрану меняют у ворот и ничего не предприняла. Потому что, знаю — все выпитое и съеденное бeseками, без противодействия яду, само станет отравой.

Я улыбнулась, и приободрила женщин:

— Подождем вечера, а там посмотрим — что к чему.

Завершив получасовой допрос с «верными подданными» герцога Равии, оборотень вернулся в свои покои и, чертыхаясь, смывал с рук и лица кровь.

Чтобы узнать всю предысторию заговора против принца Гаро и его семьи, наглым вестникам не пришлось выпускать кишки. Он даже ноги им не переломал, всего лишь чуть-чуть повредил пальцы.

Старые сопляки! А ведь, как хвастались на застолье в родовом замке белой стаи. Любо дорого было слушать о ратных подвигах герцогской семерки прихвостней. Во имя короны и короля они прошли войну с Табиром, исползали вдоль и поперек скалы некогда вражеской Ларвии, выжили в штормовом море Оттари, но так и не научились держать удар? Чуть! Напыщенные увальни, если и посетили соседнюю страну в период войны, то лишь в надежде разбогатеть на мародерстве. Чтобы потом, в мирное время благодаря окровавленному золоту занять достойное положение при королевском дворе. И это им с блеском удалось, стоит лишь посмотреть на перстни, которые пришлось снимать с их пальцев. Сапфиры, рубины, изумруды, белое золото, черный жемчуг...

Дорогие изделия на дешевых людях.

Все они не знали слов чести, что уж говорить об обете молчания. Хранить его толстяки не умели, хоть и пытались. Надо отдать должное старому волку Вастару он хорошо с ними поработал, можно сказать — искусно избил и оставил в живых, но нужные вопросы не задал. Барон же осведомлен был лучше, а потому получил ответы быстро и легко. Даже обидно стало, что стародавний друг владельца Равии долго не продержался. Омот Фиргус выболтал все ему известное, как только увидел расплющенные пальцы своей правой руки. Испугался, убогий, что не скоро сможет поставить роспись в учетных свитках.

Который день в пути и ни одного маломальского боя, с сожалением подумал барон. А я так надеялся размяться...

В коридоре раздались тихие шаги, в комнату робко постучали и произнесли из-за двери:

— Милорд, прилетел ваш сокол. Он с посланием.

— Наконец-то хоть какое-то движение! — не вытирая рук и лица, оборотень вышел из ванных комнат в спальню. Забрал птицу у помощника и освободил ее от письма.

Послание наверняка от Лиса, думал белый Варвар с улыбкой, несомненно, с просьбой как можно скорее прибыть в крепость или, захватив два отряда белых, прикрыть тылы на спуске, или...

Он развернул письмо, вдохнул его аромат и замер. Послание было тревожным, но не от волка, писала Ариша.

«Встретилась с бeseками лицом к лицу. Вечером придется сесть по левую сторону от наемника. Передай барону — если с горными не слажу, слово все равно сдержу».

Не успела.

Веселый смешок вырвался из горла оборотня.

Строчки были выведены девчонкой, ее чуть дрожащей рукой. Но запахи, исходящие от бумаги, настораживали не хуже слов и прыгающих строчек. Настойка с полынью, дерево, пропитанное смолой, ржавый металл и запах мужчины. Прежде чем написать послание, она прикоснулась к потному телу какого-то здоровяка. Кого? Если выбор ее будет сделан вечером, отчего же этот тюфяк толстокожий так вспотел? Болеет или...?

Стафорд отогнал ненужные мысли. Еще раз прочитал две короткие строчки от Ариши к Дереку и теперь рассеянно поглаживал сокола по темному оперению.

Везет немощи, как утопленнице. И как она хочет с наемниками сладить? Сбежать попытается или устроиться к ним лекарем? Кто не знает горных, решит, что это выход, но все одно — схватят и не отпустят. Пусть за последнее десятилетие племя бесеков стало более гибким в торговле, но оно все так же закрыто для посторонних. И кто бы за это время ни ушел в горы жить, в долины никто более не вернулся.

Сокол протяжно крикнул, возвращая оборотня в реальность. Он словно бы напомнил, о том, что второе логово белых к Бериту ближе, чем крепость Тардош, а холодное весеннее солнце неумолимо клонится к закату, и время девчонки истекает по секундам.

— Не зря я тебя в прошлый раз прикормил, — барон криво улыбнулся, погладив пернатого вестника. — Дочери мясника везет и как утопленнице, и как святой.

Проверить что ли, как она с наемниками разберется? Заодно переговорю с горными. Надо им передать, что проклятый король уже месяц, как умер, а значит, договор не действителен...

К ужину в доме Датога Суро оборотень прибыл с опозданием, а хозяина дома, вопреки всем традициям гостеприимства, встретил во дворе.

— Барон, вы?!

— Я, — волк приблизился и приветственно хлопнул мужчину по плечу. — Слышал, к тебе бесеки заглянули. Хочу с ними переговорить.

На лице градоправителя отразились недоверии, неясная надежда и наконец, уверенность в положительном исходе дела. Он чего-то боялся, но вот появился главарь белой стаи и Суровый расправляет мощные плечи и перестает хмуриться. Справимся, читалось в его стальном взгляде, теперь точно справимся.

— Так и есть. Вы вовремя!

— Могу себе представить, — глухо отозвался Стафорд и, шурясь, осмотрел двор. Судя по утопанному снегу, сохранившимся кое-где сугробам и остаткам сена, здесь совсем недавно убирали. Расчищалась площадка для свадьбы или же для драки? И если второе, значит ли это, что Суровый ждет поддержку из города?

— Пройдемте в дом, — позвал Датог и повел дорогого гостя к входной двери.

Барон шел за ним, все больше раздражаясь. От человека несло вином, словно он был в отчаянии до сих пор и пытался напиться. Случилось непоправимое.

— В чем дело, говори.

— У меня есть девочка... — Суро запнулся на этом слове и тише произнес. — Не дочь. В услужении. Прекрасный лекарь, но...

— От бесекон не успел ее спрятать?

— Как и всех женщин моего дома, — с трудом сознаваясь в своем бессилье, он качнул головой. — Глупо попались. Трех мы «обелили», если вранье можно так назвать, а ее — нет. Нужен заступник.

Такой заступник, которого бесеками не спугнешь, звучало между строк, и барон это понял. Теперь ясен повод для пьянства хозяина и его пребывание в собственном дворе. Ожидал кого-то из города, в помощь.

Что ж, если Ариша сама с вопросом не справится, то запасной план будет ей, как нельзя кстати. Раздеваясь в прихожей, оборотень ответил на молчаливый вопрос: «согласен стать заступником или нет».

— Сядет подле меня, я ее прикрою.

— Спасибо, Ваша милость, — мужчина смотрел с искренней благодарностью во взгляде.

— Пустое, — хмыкнул Стафорд. — Она может согласиться и уйти.

— Вряд ли, не тому она пришлась по вкусу, чтобы уходить. Поэтому Вашу спину прикрывать буду я и мои люди. Если они поспеют...

— Многообещающее начало вечера, — улыбнулся оборотень в предвкушении драки.

Вот где волк затекающие мышцы разомнет и вдоволь порезвится. Бесеки — это не слабый низинный люд, а более стоящие противники. Обозленные и разъяренные они становятся сильнее и быстрее втрое. Таких двумя ударами не прогнешь и в этом их ценность, как наемников.

Войдя вслед за Суро в просторный зал с накрытыми столами, оборотень понял, что попал на развлекательную часть. Действительно, вовремя. Как раз к тому моменту, когда наемники играют в добрых малых и, толкая друг друга локтями, смотрят, к кому сядет бледная жертва в строгом сером платье. К слову о несчастной, это была не Аришка, да и выглядела она не удрученной, а тщательно присматривающейся к горным. Только бы не прогадать, читалось в ее лице, и взгляд зеленых глаз придиричиво скользил по статным фигурам горных. На Стафорде он так же заинтересованно остановился, но ровно до тех пор, пока варвар не мотнул головой.

— Кто это? — барон глухо осведомился у хозяина дома, стоящего рядом.

— Вдова. В эту зиму осталась без мужа, — Датог принялся пояснять, что к чему, — ради нее и еще нескольких женщин моего города, я и пригласил...

— Понял, — оборотень оборвал его на полуслове. Он уже увидел тех счастливиц, которые пожелали связать свою судьбу с племенными. И с каких пор наемники в чести? Или за те двенадцать лет с момента подписания договора многое изменилось

— Изменения были. Они теперь торгуют шерстью и сыром...

— Это еще не значит, что присмирел горный народ, — холодная усмешка Белого варвара слабо отразилась в его голосе. — Знают ли твои горожанки, что Табир IV мертв?

— Знают, это было их решение.

Честный ответ Суро позабавил оборотня:

— Тогда какие вопросы к девчонке, если она против?

— В ее случае настаивают бесеки.

Стафорд презрительно фыркнул.

— Годы идут, а горные не меняются, как не разбавляй им кровь.

— И все равно одеяло на себя тянут и курку выбирают, пожирней, — согласился

Суровый и без улыбки намекнул, кто на девчонку позарился, — ведь, аппетиты их главарей безмерны.

О том, кто тут подобной наглостью обладает, долго думать не пришлось. Светлоголовый наемник, сидящий во главе стола, был здесь самым главным и самым взбешенным. Пусть свою злобу он временно затаил в дурмане вина, но агония ненависти, которой пылает бесек, ощущалась даже на расстоянии.

Выходит, и его прыть немощ искусно остудила. Отрадно, подумал Стафорд. Да, спасти девчонку нужно, иначе она будущего вождя племени до белого каления довела.

— Посади меня напротив Увыра Хотского, — посоветовал оборотень хозяину дома.

— Да, барон.

Пятеро женщин уже тихо сидели подле своих избранников, шестая с выбором долго тоже долго не затягивала и пошла навстречу своей судьбе. Столы накрыты, почти все места заняты, где же девчонка?

Его вопрос своеобразно озвучил светловолосый Увыр, сидящий напротив:

— Моя девка где?

— Какая? — Датог легко разыграл из себя простака.

— Кареглазая.

— Сейчас...

Хозяин усадил Стафорда с поклоном, но не успел уйти, как в комнату вошли женщины этого дома. Их счастливый смех оборотень слышал еще на лестнице. Но стоило им переступить порог, как зал наполнился выжидающей тишиной, а сами женщины смолкли.

— Сядь, — приказал бесек Датогу и тот был вынужден занять свое место.

Не дай градоправитель обещания своим горожанкам, вышвырнул бы за ворота этого наглеца, а барон бы ему помог. Хотя... кто знает, быть может, именно так поступить и придется. Потому что не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кому хищно улыбается главарь группы, на кого с жалостью смотрит Суровый и чего так жадно ждут остальные.

Аришка. Оборотно нет нужды следить за ней глазами, если есть слух и нюх, а образ серьезной девчонки полноценно запечатлен в сознании. Она медленно двинулась вдоль стола, раскладывая блюда, что держала в руках, с улыбкой предлагая долить гостям вина. Но все они отказались. Не доверяют и злятся, ее это лишь позабавило. Освободив руки, девчонка остановилась в нескольких шагах от оборотня и радостно потерла ладошки.

— Что ж если более никому ничего не надо, то... — обращалась она к хозяину дома, но говорила всем, — мы пойдем...

— Отужинай с нами, — слова Увыра прозвучали с нажимом.

— Спасибо, я уже успела поесть.

Невинный ответ девчонки, вызвал неприкрытый гнев светлоголового:

— Тогда посиди с нами.

— Где? Все места заняты.

И сколько наивности в голосе, словно бы не видела, как по знаку главного все воины подле которых были свободные места, сдвинулись, так что сам барон остался сидящим на краю, зато по левую руку от взбешенного наемника пустует целая скамья.

— Твое место, подле меня.

— Вы ошибаетесь, — в голосе звучала лукавая улыбка, но кулачки девчонки нервно сжались. — Я недостойна столь высокой чести.

— Это мне решать!

— Не спорю, но только я вправе согласиться или отказать.

И сколько металла в голосе, из такого впору клинки на армию ковать.

— Подойди... и сядь, — потребовал Увыр, грохнув кружкой по столу, но так ничего и не добился. Она не сдвинулась с места, продолжая улыбаться ему.

Презрительно сощурился глаза, бесек обратился к едва сдерживающемуся Датогу:

— Прикажи ей, иначе...

От недосказанной угрозы Суровый сжал зубы и кулаки, медленно поднялся со своего места, говоря всем своим видом, что за Аришку он будет драться насмерть, не отдаст.

Крепко к ней привязался или же причислил к семье, как родную. Отстраненно подумал варвар и покосился на дочь мясника. Неужели немощь и здесь прижилась или только собирается? Все же старший сын градоправителя еще не женат...

Но не успел Суро и знака девчонке подать, чтобы она немедленно уходила, потому что других вариантов быть не могло, как невозмутимая кареглазка со вздохом согласилась исполнить приказ:

— Хорошо. Подойду и сяду...

И вместо того, чтобы сесть подле настойчивого гостя, она уселась на пол по левую сторону от Белого варвара. Елейным голоском с неприкрытой ехидцей спросила:

— Надеюсь, теперь вы довольны, дорогой гость?

Последние два слова она произнесла с почтением, потому что не подчиниться его требованию, не вызвав скандала, не могла. Желания гостей бесеков исполняются беспрекословно, но кто сказал, что их нельзя править по своему усмотрению.

Под желчную ругать вскочившего наемника и общее удивление: «Как посмела?» маленькая плутовка, оперлась о колено барона и погладила его и прильнула к мужскому бедру щекой, как домашняя кошка.

— Я исполнила все, что вы пожелали, разве не так? — спросила она, искусно играя глупышку.

— Так? — усмехнулся Стафорд, по-хозяйски, прикоснувшись к ее волосам.

Аришка дрогнула и медленно отодвинулась, чтобы только сейчас поднять на него свой настороженный взгляд. Узнала не сразу, несколько раз удивленно моргнула, а уверившись, что перед ней не призрак, улыбнулась. Радостно и облегченно.

Что же это получается? Со спины не узнала и, рискуя жизнью незнакомца, села рядом? Да еще и его ногу обняла! Или это было спланировано Суровым?

Глава белой стаи мельком глянул на не менее удивленного Датога и только сейчас почувствовал мелкую дрожь изящных девичьих рук. Он тихо выдохнул, понимая, что свою уловку дочь мясника ни с кем не обсуждала и решила на нее в последний миг. Отважная. Подставила под удар самого Белого варвара, интуитивно решив, что такой и за себя, и за нее постоит.

Постоять, постою, усмехнулся про себя оборотень, но в обмен что-нибудь тоже затребую.

— Приветствую, — прошептала она и убрала свои руки подальше от его колена.

— И я тебя.

То, что в этот момент произносил наемник, проигнорировать было непозволительно. Барон поднял на зарвавшегося взгляд черных глаз и произнес, четко разделяя каждый звук: «Ургвысур нар!». В переводе: «Сядь и заткнись». И тому пришлось заткнуться, а сел он после того, как Ариша, вскинув взгляд карих глаз миролюбиво добавила: «Рарико унга уто-

орша». Что означало: «Бессмысленно возражать моему покровителю».

Краснеющий лицом, Увыр перенес свой гнев с девчонки на барона:

— Кто такой?

— Стафорд Серый глава стаи белых оборотней.

В комнате раздался шепоток, бесек поморщился:

— Белый варвар? — прозвище с военных лет в устах этого слизня резануло слух. — Что привело сюда волка?

— Мой талисман... — произнося это, барон коснулся румяной щеки девчонки, а затем рыкнул. — И ваше племя. Я с посланием от будущего короля.

Пусть принц еще не знает о самом визите, но этот племенной народец на место ставить требуется уже сейчас. И чем не повод.

Увыр возмущенно фыркнул:

— Табир мертв! Принц Гаро еще молод...!

Распоясались, Стафорд надменно прищурился. Забыли, кто кому быстрее плотку перегрызет. Оборотень, предупреждая рыкнул.

— Перед тобой его регент, — сказал, как отрезал, и в зале стало совершенно тихо. — Завтра обсудим детали, чтобы не портить праздник ни ваш, ни мой. — И следующими словами он обратился к Суровому: — Пусть накроют в комнате.

— Да, Ваша милость. На втором этаже, последняя дверь слева.

Оборотень медленно поднялся со своего места, Аришка же удивленно вскинула глаза и тут же потупилась, нерешительно прикусив губу. Опять испуганно затрепетала, заволновалась и словно бы заиндевала.

В ее руки и голос вернулась легкая дрожь. Прошептала:

— Там-м-м не м-моя ко-комната...

— Станешь моей гостьей.

Знала бы она, что от одного лишь перепуганного взгляда огромных карих глазищ, на волю рвется волк, чтобы защитить, обезопасить, перестала бы бояться. Но ведь не скажешь, не объяснишь. Да и, ни к чему ей эти знания? Еще пользоваться начнет бездумно и оборотней меж собой стравливать.

— Не трону, — шепнул оборотень, пряча коварную улыбку. А она, глупышка, от испуга побелела и вовсе забыла, как дышать.

Правильно, Аришка, усмехнулся он про себя. Не верь простой клятве и ничем не подкрепленному слову. Тут, в этой комнате оборотень может и не тронет, а вот там, кто знает.

Он поднял девчонку с пола, как пушинку, и безмолвную вынес на руках. Одним лишь этим жестом раз и навсегда перечеркнул все поползновения бесеков, никто больше не позарится. Прошел в конец коридора, нужную дверь толкнул, опустил добычу на пол и задвинул засов. Девчонка вспыхнула, как маков цвет, задышала быстро, залепетала про свою признательность и благодарность, ровно до тех пор, пока не заметила, что стол уже накрыт, а кровать расстелена.

— Как это понимать?!

— Как плату за свое спасение.

— Но Ваша милость...! — она отступила в угол комнаты и сжала кулачки. — Я вас тоже пару раз выручила, но ничего не потребовала. И еще три года выручать буду!

— Вот сейчас взаимозачет проведем. И следующие три года будем честными друг перед

другом.

С предвкушающей улыбкой он медленно двинулся к ней. Кричать девчонка не собиралась, но и бездействовать не думала. Кинулась через кровать и там же была схвачена. Он легко притянул ее на край, заставил стоять по стойке смирно.

— К слову, зови меня Стафордом.

— Что вы делаете?!

Объяснять он не собирался. На охоте и в бою, оборотни обязаны быть предельно внимательными, сдержанными, подвластными контролю сознания и, лишь получив добычу в свои лапы, они могут дать волю зверю, живущему внутри. В игре же опасности нет, жесткий контроль не нужен и все желания внутреннего волка становятся предельно ясными и легко выполнимыми, если не противоречат условиям игры. Захотел добычу поставить перед собой на кровати, поставил. Пожелал уткнуться лицом в ее грудь, уткнулся. Появилось охота ухватиться пониже девичьей спины, ухватился. И млеешь, пока можно. Наслаждаешься медовым запахом, бархатистостью кожи и приятной упругостью молодого тела, пока она не понимает, что это всего лишь игра, что оборотень свое слово сдержать обязан, потому что сам дал. И не тронет, как только что пообещал.

К сожалению, немощь была сообразительной. А потому, не зная, куда деть глаза и руки и неподвижно отстоявшая одну минуту, она постепенно начала успокаиваться и ровнее дышать. А затем и злиться, и возмущенно подбирать подходящие слова.

— Ваша ми-ми-ло-ость... — прошептала девчонка в замешательстве, еще не решив, может ли она касаться его, чтобы оттолкнуть или это неуместно.

— Ммм? — губами приник к девичьей плоти, вызвав волну возмущения.

— Барон! — взвизгнула она, упираясь в его плечи кулачками. — Стафорд, отпустите меня!

— Где именно отпустить?

— Спину..., мои бедра. И... и отойдите.

— Я не за бедра держусь, — хмыкнул потеревшись щекой о ее кожу.

Девчонка вспыхнула и от намека и от действия. И не нужно острого нюха, чтобы учуять, как волна смущения изменила ее запах, достаточно ощущать температуру девичьего тела. А малышка красиво краснела, грудью и щечками.

— Барон, вы... меня поняли, — неподдельное негодование слышится в каждом оброненном слове.

Волк сжал ее еще крепче:

— Повтори, как ты ко мне обратилась.

— Ста-т-афорд ты же все понял, — пролепетала девчонка, сбитая с толку. И попыталась своими ручками отодрать его лапищи. — Пусти...

— Хорошо, — в мгновение ока ее ладошки оказались зажатыми в его руке. — Отпустил.

Ответил, все так же уткнувшись носом в вырез платья.

— Это не честно.

— Честно. Пришла моя очередь играть.

Замерла, удивленно и нерешительно спросила:

— Вы... Ты... мстишь, за... — она прерывисто вздохнула, облизнув губы, — за то, что села рядом и обняла колено?

— Это не месть, а... возмещение.

Услышав такое, Ариша мелко задрожала, вот-вот в обморок опять упадет.

С игрой придется завязывать, понял он.

Барон с легким сожалением от добычи оторвался и поднял к ней лицо, подмигнув, как Дерек умеет и весело прищурился. Мол, шутил всего лишь, и ничего такого делать не думал, совсем. Почти...

Дрожать прекратила, вздохнула свободнее и мелодично рассмеялась.

— Боже! Умеете, же вы страху нагнать... — рукой стерла подступившие слезы. — Простите Ваша милость, а я себе такого уже напридумывала, стыдно признаться.

— Чего такого? — поинтересовался, продолжая удерживать ее по стойке смирно на краю кровати.

— Ну, как... вы же Бelay варвар, — всплеснула она руками, словно это что-то да означает. — Такое прозвище не просто так в войну дают. Слухи о вас в селениях ходят невероятные. А вы как разгневаетесь, так все сплетни подтверждаете. Вот и я испугалась, что все...

— Что все? — не отпуская ее взгляда, спросил оборотень.

— Довела. Разозлились.

Она с недоумением посмотрела на руки оборотня, а затем выразительно на него самого. Дала понять, что стоять вот так, тесно прижатой к мужчине, ей неудобно и довольно давно.

— Было бы из-за чего злиться, — Стафорд, отпустил ее с неохотой и пошел к столу. — Садись, рассказывай, что задумала?

Не могла она просто так подставить незнакомца и обернуть против него всех гостивших в доме бесеков. Учитывая прошлые ее выходки, тут должен был быть хитроумный план или скрытая многоходовка.

Но вопреки всем ожиданиям, Аришка опустилась на кровать, степенно сложив руки на коленях:

— Ничего. Я жду.

Оборотень, настороженно обернулся к ней:

— Отравила?

Сложно было не поинтересоваться, он только что набрал полную тарелку угощения и уже решил с чего начнет сытный ужин. С мяса. У Датога его превосходно готовят.

— Нет, не травила. И не смогла бы. Жизнь любого человека очень дорога.

— Даже гнилая жизнь бесека?

— Мне могут не нравиться его убеждения или вера, но это еще не повод травить. Разве что сонным зельем опоить, и то временного действия. — Пролепетала кареглазая, нервно хихикнув. Хмурый взгляд барона на кувшин с вином и наполненную кружку, она заметила с тихим — ой.

— Что, «ой»?

— Я этого не сделала, не думайте...

Опять испугалась меня и моего гнева, а горных, выходит, совсем не боится. И спрашивается, зачем примчался спасать?

Стафорд помотав головой, изумленно спросил:

— Ты ничего не предприняла?

— Зачем?

— Для своего спасения, — прорычал он.

На что дочь мясника пожала плечами и посмотрела в окно:

— Бесеки сами все сделали.

— Интересное замечание, и что оно значит?

— К тому же, — продолжила она в раздумье, — все мои поспешные решения обернулись против меня и в прошлый раз и в позапрошлый. Пусть я осталась жива и невредима, но рисковать сейчас не хочу.

Аришка вскочила с места и прошла вдоль кровати по кругу, разглагольствуя вслух:

— У меня есть обязательства перед принцем Гаро и перед тобою..., то есть вами, Ваша милость. К тому же тете нужна помощь, и вот Ола говорила, что я еще не нашла себя...

Надкушенный кусок мяса, оборотень отложил, а всю ее тираду пропустил мимо ушей, дабы позже обдумать. Если вспомнится. Сейчас его занимал иной вопрос:

— Что значит, сами все сделали?

— Отравились сами, — добродушно пояснила она.

— Как?!

Под тяжелым взглядом Стафорда она спряталась за кресло у окна и, запинаясь, поспешила объяснить:

— Я ничего никому не подсыпала. Они ожидали, что в угощение будет отравка и пили противоядие.

— Ты поэтому ничего не подлила?

— И не собиралась, — девчонка сложила руки на груди и назидательно произнесла, — потому что жизнь человека ценна.

— И какова ее цена? — поинтересовался, якобы шутя, но прожигая черным взглядом.

— Я не о том! Поймите...

Возмущение хитрюги оборвал тихий стук в дверь.

— Кто? — громко спросил оборотень и поднялся из-за стола.

— Простите, барон. Отец Аришку зовет. Она у вас?

Тихий лепет из коридора был хорошо слышен, как и позвякивание ножа на бедре красотки, и запах страха исходящий от нее самой. Молодец, защитница явилась. Дрожит, чертовка, хоть и прячет тонкий клинок в правом рукаве, а в левом метательные лезвия. Вооружена не хуже Сурового.

Дверь от его рывка с грохотом отворилась, дочь Суро, стоящая за нею поежилась от страха, но плеч не ссутулила и не отступила.

— Зачем зовет?

— С бесеками неладное творится... — пролепетала рыжеволосая.

— Что там с горными? — это уже немощь из-за его плеча выглянула и вперед прошла.

Встревожилась сердобольная за наемников, как за родных, словно поганой сути их не знает.

— Трясет племенных, некоторых выворачивает.

— Кровью или желчью рвет? — задала девчонка новый вопрос.

Неужели побежит спасать несчастных?

— Крови нет. Но сама я не видела, Борб не пустил. — Патая внимательно осмотрела Аришу, затем пронизательным взглядом вперилась в волка.

Сильная чертовка искренне переживает за немощь, как за сестренку. Отрадно знать, что дочь мясника прижиться может где угодно и независимо от обстоятельств.

— Мы сейчас, — заверила девчонка и, дождавшись, когда хозяйская дочь уйдет, встревоженная повернулась к барону. — Помогите.

— Вот это наглость, так наглость, — фыркнул он. — Кому помогать? Наемникам...?

— Помогите мне.

Видя, с каким выражением на лице Белый варвар держит очередного вырывающегося бесека, в сотый раз подумала, как сгруппировалась. Его нужно было не прямо о помощи попросить, а, как мама учила, заходя с десятой дороги по десятому кругу. Так, чтобы барон уяснил степень женкой беспомощности и сам вызвался разделить тяготы врачевания. Но, нет, попросила прямо и мне теперь приходится пожинать плоды.

С сожалением вздохнула и напоила горного наспех приготовленной настойкой. Вкус омерзительный и первые минуты боль от нее невозможная, зато действие бесподобное — к жизни возвращает. А потому я оборотня прошу не только подержать наемника, чтоб не вырывался, но и усыпить прикосновением к шее. И если первое барон проделывает, фыркнув, то второе с глухим рыком. Будь его воля, он бы всем племенным головы оторвал, а мне открутил.

До сих пор от его взгляда мороз по коже, а ведь всего лишь обратилась с маленькой просьбой, не убивать отравившихся, а спасти. Возьми я Борба или двух Датогов, они бы поняли, не кривились и не рычали. Но что таить, и помочь мне они бы не смогли — с разъяренным от боли горным наемником мало кто сладит. Не говоря о том, чтобы одним прикосновением усыпить.

Глядя на действия барона, я тихо его позвала:

— Ваша милость, аккуратнее.

— Что?

Глаза несчастного в его руках закатились, кожа побелела. Да он же его сейчас убьет!

— Прошу вас не давите так сильно на шею!

— Ну, что ты! — усмехнулся оборотень, откидывая бесчувственного племенного. — Он ничего не ощутит, когда проснется.

— А проснется? — с опаской спросила я и отступила в сторону.

— Это уже от тебя зависит, — сын ночи сделал значительную паузу, заставляющую подумать, что угодно. А затем посмотрел с усмешкой. — Не я их отпаивал.

— А вот вы о чем, — только сейчас поняла, что ожидая ответа, перестала дышать. — Не переживайте, настойка целебная не наоборот.

— По мне, так лучше бы наоборот.

— Как вы так можете?!

— Могу, — произнес он сердито.

— И слишком легко это у вас получается, — мой укор, вызвал новую вспышку неподдельной ярости.

— Это отродье топить надо при первой же возможности! — он ногой двинул ложе, на котором лежали трое неподвижных бесеков. — Убийцы, предатели, насильники и изуверы... Рожденные в черной жестокости и в черной жестокости воспитанные.

— Барон!

Оборотень вскинул гневный взгляд, от которого я пошатнулась.

— Что, Ариша? Что ты так смотришь? Или совсем не знаешь, кого отпаиваешь?

— Знаю.

— Тогда в чем дело? Трудно отпустить эту падаль к их Богу?

— Вы бы их не отпустили, а отправили.

— И что с того? — прошептал с намеком. — Одним бесеком больше, одним меньше.

Смотрю на него и каменею от страха, от боли, от горечи. Боже, спаси и сохрани! Глава белой стаи когти выпустил и в плечах чуток увеличился. Только бы совсем не разозлился и полуживых наемников собственными руками не придушил. С него еще станется, на живых кожу содрать, ведь и такое о в деревнях говорили об оборотнях в послевоенное время.

Подступила ближе, попыталась вразумить. Тихонько, коснувшись ладошками его груди, отодвинуть от ложа:

— Говорите о них, словно и не люди, а ведь они живые.

Он сделал назад только шаг, больше не подался и рыкнул грозно:

— Бесеки — грязь. Горная болячка.

Как смеет барон? Не уж то забыл, что сыновей ночи в свое время и похуже называли лишь за то, что инородные, другие. Не похожие на нас, а значит звери. Та же грязь. Но король Табир запретил их трогать, сослался на помощь в войне, в защите территориальных границ и был бесспорно прав.

В другой раз я бы от одного рыка Белого варвара съежилась и постаралась спрятаться, сейчас же во мне поднялась волна возмущения. Где руки на его груди держала, там в кулаки его рубашку и взяла.

— Мой барон, так что же никто до сих пор не очистил горные склоны от этой заразы? Может быть — это полезная грязь. Своеобразная прослойка, защищающая Дакартию от врагов, — почти прошептала, — такая же, как оборотни.

— Каких врагов, идущих через горы? Вряд ли. — Ответил глухо и решительно разжал мои кулачки.

Убьет, он всех их сейчас убьет! По глазам вижу, не пожалеет.

Бесстрашная или глупая до безрассудства я ухватила его руки, сбивчиво залепетала:

— А если это политически обосновано? Вреда от них не так уж много, особенно сейчас. Посмотрите на прошедшие годы. Кровь им уже разбавили, новые устои через женщин привили. Бесеки в кои-то веки отстроили теплые дома, а еще сыром и шерстью начали торговать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Все равно, — рыкнул оборотень и шагнул вперед.

Отшатнулась, как от прокаженного и посмотрела на него, словно бы в первый раз. И это наш благородный барон? Оборотень, которому рады во всех пятнадцати деревнях долины? Глава стаи, что без жертв захватила четыре города под столицей Ларвии?

Не знаю, что в моих глазах увидел, но вдруг добавил злобно:

— Это гнилое племя.

— В любом случае, я не хочу брать грех на душу, — произнесла сдавленно и сглотнула горький ком. — То, что сделали они на их совести, то, что сделаю я — на моей.

Потупилась под его прожигающим взглядом, но все же, сказала:

— А я не могу оставить людей умирать, зная об их излечении. И...

— Что?

— И вас прошу мне не мешать.

Рассмеялся тихо и совсем не весело:

— Забыла? Я здесь помогаю.

— Помню. Надеюсь, вы об этом тоже не забудете.

— Надейся, — ответил в непринужденном тоне, как будто бы погоду обсуждали до сих

пор.

— И не нужно на убийство меня подбивать.

— А что взамен, Аришка?

Я вздрогнула:

— О чем вы? Кому взамен, вам или им?

— Тебе, — он осмотрел меня с ног до головы и едко улыбнулся. — Ты, что рассчитываешь получить в счет спасенных жизней, помимо черной неблагодарности?

— Нет. Я вообще об этом...

— А ты подумай, — оборотень неожиданно оказался стоящим вплотную и, схватив за подбородок, властно заставил смотреть на него. Глаза в глаза. — Как тебе оплатят горные, если посчитают, что опоила их все-таки ты?

— Но я... я ничего не подливала! Это они противоядия перепили.

Голос сел, а сердце остановилось, потому что я знаю, что племенные делают с провинившимся, знаю. Отец с Захаром травником много лет назад нашли тело женщины меж скал. Я нечаянно услышала, что они обсуждали, когда пытались залить вином ужас увиденного. Слышала и до сих пор не могу забыть.

— Ситуация говорит об ином, — продолжил Белый варвар, проведя пальцем по моей скуле. — Они ели то, что было тобою приготовлено, и заставить тебя отужинать с ними Увыру не удалось.

Слова прозвучали отрезвляюще, как пощечина. Он отпустил меня.

— Теперь поняла?

Поняла, но произнести в ответ ничего не сумела. Глядя на бесчувственных бесек, лежащих вдоль комнаты на полу и на кроватях, я содрогнулась от ужаса. А ведь они могут! Могут все понять именно так, как сказал барон.

Барон же не пожалел деталей для моего полного просвещения:

— В скором времени или с небольшой отсрочкой настигнут и убьют. Быть может, помучают для начала, изнасилуют всем скопом потому, что девка молодая, а затем... — зловеще продолжил он и был прерван.

— Воды...!

Услышав зов, словно бы вышла из оцепенения и отогнала видения расправы над собой. Барон хмыкнул, и с мужеством встретила его черный прожигающий взгляд.

— Спасибо за предупреждение. Но от своих слов я не откажусь.

Будущего вождя племени я водой поила, стараясь не смотреть с жалостью.

Очнулся первым потому что первым мою горькую настойку получил. Несчастный, из-за действия травяных брусков и чаев, которые они для противоядия пили, он вновь познал силу разрывающей головной боли. Как Увыр метался по комнате, раскидывая, мучающихся соплеменников, я уже не помню, куда ярче в памяти сохранилось, как его барон успокоил и парой ударов к полу пригвоздил. Поэтому и страдает бесек больше прочих.

— Пейте мелкими глотками. Не спешите, воды достаточно и я никуда не уйду.

После этих моих слов и действий барон вылетел из общей комнаты, напоследок грохнув дверь. На столах, которые мы еще не убрали, зазвенела посуда, а на лестнице что-то грохнулось и тяжело бухая, по ступеням покатилось вниз. Я поежилась, наемник в моих руках содрогнулся.

— Тихо-тихо, все хорошо, — убрала светлые волосы с его лба, еще раз убеждаясь, что правильно определила его источник боли. Голова. — А будет еще лучше, если позволите мне

помочь.

— Спасибо... — он с трудом прохрипел слово благодарности и посмотрел на меня подбитым глазом. Второй был закрыт и слезился.

— Пока нет за что, — постаралась улыбнуться. — Поблагодарите, когда на ноги станете.

— За то, что убить не дала.

Слышал! Боже правый, если он слышал только конец, то мне не жить, а если середину...

Хотела отодвинуться, но он не дал, схватил меня за руку, потянул на себя.

— Ты права. Права! Мы изменились.

Говорить ему тяжело, каждое слово произносится с хрипом. Уж лучше бы горло поберег, а он все порывается еще что-то важное сказать, чтобы не дать мне передумать.

— Изменились давно и окончательно. Наше племя... не грязь..., не горная болячка...

Все слышал. Я невольно поежилась, закусила губу, чтобы не начать из его захвата вырываться. Бесек заметил, поспешил заверить.

— Не тронем... Жизнью клянусь! Слышишь, Аришка?

— Слышу.

Но не верю, страшно такому доверять, он убийца, бесчестный и безжалостный, рожден таким и умрет таким. Подавив дрожь в голосе, попросила:

— А теперь отпустите меня.

— Зачем? — он сжал руку крепче, прорычал сквозь зубы. — К варвару побежишь? Рассказать!

— Не глумите, Увыр, — посмотрела на него с упреком и кивком указала за спину на тихо постанывающих наемников. — Ваши люди потихоньку приходят в себя, им тоже воды нужно дать. Ну же, отпустите.

Несколько мгновений он недоверчиво вглядывался в мои глаза, затем разжал пальцы:

— Иди.

Трудно было поить остальных бесек под немигающим взглядом их главаря. И приближаясь к следующему наемнику, я все думала, что Увыр мне не доверяет. Но все оказалось прозаически проще, он следил, чтобы очнувшиеся не попытались перерезать мне горло. Поэтому тех, кто слишком резво тянулся к кружке, будущий вождь племени предупреждал всего лишь одной фразой:

«Ыргиб уллар!», что в переводе значит: «Наша сестра!»

Когда все были напоены, двадцать горных наемников одновременно назвали меня доброй сестрицей и поклялись в братской верности. Сестра племени, сестра каждого племенного. Высокое звание для неприкасаемых и оберегаемых наемниками. Таких «родственников» у горных было лишь двое:

Дядя — лекарь, заплутавший в горных цепях более тридцати лет назад. Спасенный ими от смерти, он остался с племенем до конца своих дней.

Мать — пожилая женщина, пришедшая в их селения за дочерью в первый набор невест.

А теперь третьей стала я — сестра, не посетившая их поселений и оставшаяся на свободе.

— Это честь для меня, — тихо произнесла в ответ на их клятву. — Спасибо.

— Родная всем нам, ты обязана погостить в моем доме, — непререкаемым тоном сообщил Увыр. Он заметил мой недоверчивый прищур и с кривой улыбкой добавил. — Сможешь приехать, когда пожелаешь, и уехать, когда считаешь нужным.

Я кивнула. Знаю, этим словам можно верить, но в поселение их не въеду никогда. Поберегусь.

— До утра осталось лишь несколько часов. Спите, боли больше не потревожат вас.

Тихо вышла из комнаты и закрыла двери.

Оборотня, оказавшегося за моей спиной, я не увидела, скорее ощутила. Обернулась в черном коридоре, тихо спросила:

— Что?

— Не верь ни единому слову, — рыкнул он. — Обезглавят и обесчестят.

— Хорошо, если в этой последовательности, а не в другой.

— Что?!

Уставшая от волнений и душевной встряски, я лишь пожала плечами и обошла его:

— Ничего.

Спускаясь вниз, с удивлением отметила, что меня охраняли всем домом. Борб сидел в коридоре у двери, Патайя у окна напротив, пятнадцать мужчин во главе с Суровым оказались в соседней ярко освещенной комнате, а младший Датог на ступенях лестницы. Он там хорошо устроился с подносом полных орешков и книгой. Теперь понятно, что с грохотом катилось по ступеням, когда оборотень вылетел из комнаты.

— Все хорошо. Ложитесь спать.

Сообщила я своей многочисленной охране, и забрала свечу у хозяйского сына.

Прошла сквозь кухню, чтобы спуститься во двор через задний вход, на соседнюю террасу. Там мне в последнее время очень нравится сидеть, и там меня не сразу увидят и вряд ли услышат. Хотя, как сказать, меня, правильнее будет выразиться — нас. Идущего за мной барона, я, может быть, не слышала, зато его сердитое сопение в шорохах дома, различала. А потому наперед знала, что сейчас последует, и почти была к этому готова. Почти...

Весна была все еще морозной и снежной, но холода я не чувствовала и вышла не одевшись.

— Как же жить хорошо, — взойдя на террасу, поставила свечу на перила и посмотрела в звездную даль неба. — Прекрасно... Просто замечательно!

Сзади раздался смешок и едкое замечание:

— Так ты поила трусливых сопляков или сама напилась?

— Они не сопляки, и вы это знаете, — я резко обернулась. — А напиться стоило. Тогда бы додумалась раньше, почему вы тот разговор затеяли и, как с цепи сорвались...

— С цепи? — прорычал он.

— Да! — обняла столб и неожиданно расхохоталась. — Вы и с цепи...

Представила огромного белого волка с ошейником, расхохоталась еще громче.

— О, Боже... правда, смешно!

— Не очень? — скривился и досадливо фыркнул. — Прекрати.

Что ж, если он того хочет. Стараясь унять подступающую истерику, я помахала ладошками на лицо и вернулась к сути разговора.

— Вы... это специально, наговорили мне там, наверху! Чтобы будущий вождь племени услышал, осознал степень опасности и запомнил на будущее. У вас ведь слух звериный, вы легко определили, кто и когда очнулся.

— Не может быть, — протянул оборотень издеваясь.

— Увыр теперь трясется при одной лишь мысли о встрече с вами.

— Не знал.

Я не обратила внимания на его слова, пусть говорит, что вздумается. Главное уяснила. Белый варвар хорошо контролирует себя и своего волка, все остальное не более чем игра на нервах непосвященных. Так что больше на слова его не поведусь и пугать себя не позволю.

— А как вы провозгласили себя регентом при старшем принце, так он и понял, что судьба всего племени в ваших руках. А значит спорить особо не стоит.

— Умная немота.

— А потом ваши слова, — я тихо вздохнула, — они напугали меня до легкой дрожи.

— До полубоморочного состояния, — поправил он и с усмешкой поинтересовался. — Тебя пожалеть?

— Не надо. И не умна, раз не поняла вашего хода сразу. И ведь знала, что во всех деревнях нашей долины на главу белой стаи люди молятся...

Он хмыкнул и от слов моих, словно бы отмахнулся.

— Да, деревенские сплетни слушают, собирают и любят, приукрасив, пересказать. Но все равно молятся.

— А оборотни стаи, — продолжила говорить с улыбкой в голосе, погладив столб. Дерек вспомнился и тройка его подчиненных, бесстрашные волки, которых мне временами не хватает. — Они готовы душу отдать за своего вожака и лишиться ипостаси. Что уж говорить о принце Гаро, для него вы почти герой...

Повернулась к внимательно смотрящему на меня оборотню и произнесла, не скрывая усмешки:

— Правда, когда не рычите и не обещаете растерзать.

— Ошибаешься, — тяжелый взгляд черных глаз засветился.

— Нет, — заявила упрямо, — и я разделяю мнение принца.

Он неожиданно оказался стоящим передо мной, оскалившийся и грозный в полуобороте:

— Врешь!

— Барон, — придав голосу твердости, я подняла голову, чтобы прямо посмотреть в почти звериные глаза, — вашей неконтролируемой злости я больше не поверю.

— Даже так? — звериная бровь заинтересовано приподнялась.

— Да, и не буду дрожать.

— Я бы поспорил.

В следующее мгновение свеча погасла, а я оказалась прижата к каменному столбу горячим и твердым телом оборотня в человеческом обличье. Судя по его глазам, наступило самое время слезно молить о пощаде и сознаваться во всех моих грехах, мыслимых и немислимых. Вот только день и без этого выдался беспокойным и насыщенным, силы давно на исходе, а сама я почти что сплю. Не вовремя он меня к столбу прижал, совсем не вовремя.

Поэтому с усталостью глядя на грозного барона, тихо попросила:

— Прекращайте меня пугать.

— Я только начал... — решительно ответил он.

Поцелуй был яростным и ненасытным.

Протестуя, замычала, но его угрожающий рык заставил смолкнуть. Еще немного и оборотень меня в ключья порвет, а ведь Ола предупреждала, нельзя играть с волком, даже, если я для него колючий ежик.

Догадалась бы, как он меня наказать захочет, молчала бы в тряпочку, послушно кивая на

каждое слово. И чтобы не чувствовать осознанную грубость, звериную силу и его злость, согласилась бы со всем сказанным и даже повторила. Нужно было молчать, а еще нужно было обозвать его зверем, двуликим и бесчестным, на что он явно надеялся. Но что потом? Была бы разыграна сцена, происходящая сейчас или хуже нее?

Это уже не важно. Я здесь, он здесь, и мне не нравятся варварские методы подчинения. Углубить свой натиск ему не удалось. Еще бы, сопротивлялась изо всех сил, повторяя про себя, что не сдамся. Так он сдавил мою челюсть и нажал на подбородок, заставив подчиниться. Застонала не столько от боли, сколько из жалости к себе. Противостоять силе сына ночи не могу, идти на поводу не хочу, но чтобы прекратить это, нужно его огорошить. Как? Чем? Чего он ждет?

Ясное дело — полной капитуляции и слез. А чего ожидать не может?

Знаю!

Решение пришло неожиданно, и в то же мгновение было воплощено. Руками до сих пор висевшими, как плети, я обвила торс барона и на ярость оборотня, ответила нежностью. Закрыв глаза, чтобы не выдать себя цепким взглядом, начала посасывая смаковать застывшие горячие губы. Первая секунда, вторая третья... Он не движется и, кажется, не дышит. Но стоило коснуться его неба языком, я руками ощутила крупную дрожь напряженного волка.

— Проклятье! — рыкнул, отступая.

— И не говорите... — не осталась я в долгу, с остервенением вытерла пекущие губы.

Пусть не думает, что подобное могло понравиться, не в нашей ситуации и уж точно не с ним. Стойко встретила рассерженный взгляд и ощутила новую волну его злости. Негодует, но от идеи не отрекся, решил все же, устрашить. Зачем я и так дрожу испуганная его напором. И что на этот раз? Пообещает загрызть при первой же возможности?

— Еще раз встречу раньше срока... — начал барон хриплым голосом.

— И что?

— Простым поцелуем не отделаешься! — рявкнул он.

Многозначительный взгляд на мое тело и наглая улыбка, без слов сказали, чем придется платить за встречу в неурочный час. Угрозу поняла, похолодела. Но ответила, стараясь не грубить, уже знаю, во что маленькая дерзость может обернуться:

— К тому моменту, вы вполне можете согласиться на меньшее.

— Вряд ли.

— Никто знает, как повернется судьба, — произнесла тверже.

Ослабился, дернул меня на себя и прошипел, разделяя каждое слово:

— В этот раз добычу я прочувствовал, — его руки жестко прошли по спине, до самых бедер. — В следующий — останется лишь вкусить.

И он болезненно прикусил мою шею, прежде чем спросить с усмешкой:

— Ты меня поняла?

— Поняла.

— Молодец.

Белый варвар исчез с террасы, словно бы его и не было тут никогда. А я осталась стоять, беззвучно повторяя свою новую молитву: «Больше Вы меня не встретите. Ни за что и никогда».

Как и предполагала девчонка, переговоры с горными прошли слишком просто и легко. Увыр Хотский безмолвно принял нововведения и согласился со всем, а напоследок еще и доброго пути пожелал. Сопляк!

Гнусный бесек не захотел поддаться злобе, обуревавшей его нутро. Оборотень поддевал будущего вождя и так и этак, разве что на мерзкие гадости не переходил. А после с опозданием понял, что все дело может быть в воде. Той самой, которой немощь среди ночи и ранним утром потчевала горных. Она явно что-то в питье им подлила или же натерла кружку чем-то умиротворяющим до глупости.

Поймать дочь мясника и потребовать ответа он не успел, она сбежала к тетке. Предварительно не забыв проведать всех болезных в доме Суро. Ну и пусть, главное он сделал: напугал и обозлил. Теперь она уже сама поостережется покидать знакомые места и круг известных ей людей.

Вернувшись во второе логово белых оборотней, Стафорд первым делом выпустил сокола от девчонки, и предложил старому Вастару освободить заключенных. Несомненно, узнав правду, герцог Равии постарается предотвратить появление барона в столице. Устроит ловушки, быть может, пару тройку коварных нападений или обвалов вдоль дороги. Самое то, для легкой разминки перед боем умов во дворце. В том, что шахматная партия будет сложной, барон не сомневался и для начала, решил дать волю волку. Когда еще он сможет, выпустив когти, побегать за добычей всласть?

И чем раньше Равийский недоумок предпримет какие-либо попытки, тем лучше для него. Если он покажет себя, как умный тактик, я его прихвостней всего лишь покалечу, а не убью, думал глава белой стаи, прищпоривая взмыленную лошадь.

В крепость Тардош оборотень добрался в темноте того же дня. Сбросил узду молодому Аго и размашистым шагом вошел в нетопленный холл.

— Приехал с новостями, но не скоро ими поделюсь, — сие веселое наблюдение раздалось где-то сверху, и в поле зрения барона попал его соратник и правая рука. — Вина, волчицу и постель? — спросил оборотень. Ухмыляясь, как плут он начал спускаться навстречу главе стаи.

— Лис, где Гаро?

— Какие странные предпочтения, — встретив черный взгляд, Дерек перестал скалиться, как девка на выданье, и ответил по теме. — В своей комнате, наверху.

— Все еще жив?

— Что ему станется, он с нами.

— А старик?

— Тоже с нами. Стафорд без тебя никто не умер, — опять ухмыльнулся и деловым тоном продолжил, — но если руки чешутся кого-нибудь убить, то...

Веселился Дерек недолго, секунду, пока вожак стаи не оказался стоящим рядом.

— То, что?

Светловолосый гибкий оборотень выпростал руки вперед словно бы защищаясь:

— Тут недалеко от крепости, в деревушке засели небезызвестные тебе волки.

— Черные?

— Серые, мой барон.

Старая стая. По мою тушу явилась.

— Проклятье!

Серые — противник более чем хороший, к тому же многочисленный. Малыми группками они не выступают. А я еще и герцогских вестников из заточения выпустил. Прошло более двенадцати часов, а значит, и оповестить успели и предпринять меры. Двое против одного.

— За каким бесом их сюда занесло? — рыкнул он, треснув кулаком по каменным перилам. От его удара мелкие трещины тут же разошлись в разные стороны и камень начал медленно крошиться и опадать.

И как назло, в это время Дерек, словно бы не видя ничего, пожелал сделать невинный выпад:

— Тут два варианта, они либо за светловолосым мальцом, либо за черноволосым.

— Саир стар и сед.

— А ты еще нет, — ухмыльнулся Лис. — Я имел в виду тебя, если еще не дога...

В следующее мгновение рассерженный оборотень хватанул друга за грудки и подтянул к своему лицу:

— Ты... что себе позволяешь?!

— Дружеское подтрунивание, — произнес тот, цепляясь за руки барона. — Если ты еще не забыл, я имею на него полное право. Например: как единственный связист с девчонкой...

Громкий фырк, и под рукой барона неподвижно стоящий Лис белеет со странной улыбкой на губах. Нет, душить его окончательно Стафорд не думал, но так хотелось, именно сейчас и еще немного сильнее. Утробное рычание взбешенного варвара наполнило холл вибрацией стекол, а Лис все не вырывался, стоял, глядя на главу, и продолжал кривовато растягивать губы.

— ... и как единственный друг, — добавил, поганец, скрипучим голосом. — Еще немного сдавишь, и даже этого у тебя не будет.

Эти слова подействовали отрезвляюще, глава стаи отшатнулся:

— Прости...

— Бывает, — согнувшись пополам, скрипуче ответил волк.

— Жить будешь?

— Твоими молитвами, — откашлялся, потирая горло, и хитро взглянул на главу стаи. —

Ты сам не свой опять... — здесь он сделал многозначительную паузу, но развивать мысль о девчонке не стал. — Что случилось?

— Ничего. Прикажи, чтобы волки паковали вещи. Мы выступаем.

— В ночь?

— Да.

— Сейчас же? — недоверчиво переспросил Лис.

— Да!

Стафорд начал подниматься по лестнице вверх, но учтивое покашливание, а следом за ним сдавленный смех, заставили его обернуться.

— Что?

— Ты выпустил пленников, заключенных второго логова, — догадался Дерек, и, сложив руки на груди, спросил прямо. — Зачем? Решил сделать нашу прогулку увеселительной?

— Было такое желание, а теперь понял, что поспешил с его исполнением.

— Так мы не повеселимся, а сбежим? — нахмурился друг.

— Лис, две стаи против трети от одной тебе, что-либо объясняет?

— Лишь то, что от трети ничего не останется.

— Я о том же. Собирайтесь!

Отдавая приказы своим волкам, Стафорд думал что, если рассудить верно, то черные идут за принцем, а серые ждут проезжающих мимо оборотней. Здесь важно знать, что старый глава серых, как был тугодумом, так им и остался и плевать какие оборотни пред ним предстанут, все равно нападет. И вот теперь важно произвести такое столкновение противников белых, при котором от обеих стай мало что останется.

Наученный опытом Ариши он всех оборотней обрызгал соком ирт, нательные рубахи принца нарезал на большие куски и зарыл в снегу по направлению к деревушке, где затаилось серое братство. Засаду же белые объехали по верхнему склону и спустились не по направлению к столице, а к южному городку Черхи с подветренной стороны. Они успели удалиться на хорошее расстояние, как вдруг над склоном раздался призывный вой серых. Барон остановил лошадь, и прислушался. Нет погони за санями оборотни еще не устроили, но отчего так хочется, чтобы они были здесь, разъяренные, обозленные и во всеоружии.

Рядом остановился Дерек:

— Сдается мне, я знаю, о чем ты думаешь.

— О чем?

— О том, что лучший способ избавиться от искушения, это поддаться ему.

— Последним моим искушением был ты, бездыханный, — глава братства вскинул бровь и посмотрел на друга. — Стоило поддаться?

— Это в частности, а в общем ты уже несколько недель мечтаешь кому-нибудь набить морду. И вот сейчас твое желание может сбыться в полной мере. — Лис озорно прищурился. — К тому же, увидев тебя серые уверятся, что перед ними стая Белого барона, а не графа Драво.

— И все-то тебе на руку, — фыркнул Стафорд и, спрыгнув с лошади, обернулся огромным белым волком.

— Несомненно, — ухмыльнулся Лис. — Тебя прикрыть?

— Зачем?

Голос варвара все еще интересовался с ехидцей, к чему ему помощь, а белеющее в темноте пятно уже скрылось за пригорком.

Его расчет был верным. Стаи сцепились друг с другом в жарком бою и уже порядком потрепали друг друга. Белый снег горделиво украшали пятна крови и клочья шкур. Потери обеих сторон были внушительны, но не настолько, чтобы можно было, махнув лапой уйти, вслед за принцем. Гаро все еще оставался в опасности.

Стафорд улыбнулся, вот и его разминка с тренировкой, как по заказу!

Разметав мелких «шавок», барон влетел в гущу сцепившихся оборотней и нанес первый удар достойному противнику. Волк отлетел в сугроб и бездыханный замер там. А белый зверь довольно рыкнул, освобождая колоссальную мощь сына ночи. Вцепившегося в лапу щенка серого окраса, он сбросил легким взмахом и нанес сокрушительный удар его взрослому соседу. Слабые сосунки пытались прыгнуть на спину или же снизу добраться до горла. Слишком глупы, чтобы понять, сильнее всего вначале выматывают, а затем уже добивают.

С усмешкой дав каждому пустоголовому, причитавшуюся ему долю, Белый варвар обернулся вокруг своей оси. И одновременно оценил дерущихся рядом.

Появление Сербо, старого вожака серых, оборотень почувствовал не столько нюхом, сколько нутром. Шерсть стала дыбом, клыки увеличились, а когти впились в землю для резкого прыжка. Землей под ним оказался, еще один неудачник из черных, от раздражающей его боли, он взвыл так, что неожиданный маневр Стафорда был еще и громко озвучен.

— Ха-ха! — донеслось со стороны пригорка. — Вы видели этот ход?!

Дерек и его дружеская тройка все-таки решились посмотреть на бойню, понял барон, с ленцой приближаясь к застигнутому врасплох врагу. Если парни здесь, нужно показать нечто завораживающее в этом бою.

Варвар хищно осалился. Первый удар предателю он нанес по морде справа, второй в ребра с той же стороны. Они потрескались, превращаясь в крошку, и оборотень протяжно взвыл.

— Так-то, дядя! С этого боя ты на своих лапах не уйдешь!

Белый волк позволил себе вспышку триумфа и тут же схлопотал за самонадеянность, глаза ослепил черный перец, нос и глотку обожгло огнем. Оборотень замер, сдерживая сдавленный хрип, прислушиваясь к происходящему рядом. Окружили. Сильнейшие волки из серой стаи обступили его со всех сторон. Не прорваться.

Но кто собирается удирать? Уж точно не он.

Не пришлось долго думать о том, кто позволяет себе нечестную игру с заговоренной приправой — Расг. Серый урод, разукрашенный шрамами и проплешинами в шкуре, бета вожака Сербо и теперь единственный преемник стаи, правда, после него, Стафорда. Ради места во главе серых оборотней в прошлый раз он обернул гнев стаи против семьи Белого варвара, теперь же пришел за ним самим.

Обойдется!

Утробный рык барона огласил округу:

— Рра-аа-в!

Не для того он годами поднимался на ноги и отстаивал свои права, чтобы пасть здесь на полпути к свободе от Гаро и договора Проклятого короля. Припав к снегу, Белый варвар потянул носом воздух. Пусть он и ворвался в легкие с огненными приправами, но принес и тонкие запахи. И сопоставляя их со звуками, оборотень запомнил расположение каждого из серых врагов.

С пригорка опять послышался знакомый говор:

— Его могут загрызть, — Тарон волнуется или желает так же размяться.

— Когда он в таком состоянии вряд ли, — ответил Лис со свойственной ему улыбкой.

— Но против него девять «недоволков».

Услышав это, Стафорд внутренне улыбнулся. Слух его не подвел, противников действительно девять и все в полуобороте. Знать бы только, почему от них окровавленным металлом несет.

— Не стоит волноваться. Против барона даже наш прежний глава вышел с опасениями.

По данному поводу с Дерексом никто не поспорит, он же сын прежнего вожака, ныне покойного Дарга.

— Опасения ничто в сравнении с тем, что прихватили с собой серые, — запротестовал Лер. — Ты видел их ножи-заклинателей?

Варвар не ошибся и с металлом, у серых черные ножи, хмыкнул ослепленный оборотень. И если их заметил Лер, значит, выполнены они из очень редкого и потому дорогого материала. Уж кто-кто, а этот брат близнец ценит подобные игрушки. Надо бы ему

пару шгук вручить для коллекции, подумал Стафорд выпрямляясь.

— Видел, это подделка, они даже не ядовиты, — хмыкнул Лис, оборвав восхищенные слова Лера, — так что... предлагаю дать Его милости возможность освободиться от гнетущих размышлений его любимым способом.

— А если ранят? — хмуро спросил Тарон.

— Я знаю, кто его зашпопает и быстро поставит на ноги. Хотя, надо думать, этот лекарь не согласится.

Согласится, я на нее теперь управу имею. Самодовольно подумал главарь белой стаи и начал двигаться.

Седая шкура варвара вскоре стала красной и не столько из-за вражеской крови сколько из-за его собственных ран. Но барон не чувствовал боли и мгновенно возвращал противнику удар в двойном размере или тройном, равно наглости борца. Происходило это молниеносно: получил удар, извернулся и, схватив когтистую руку нападавшего, нанес сокрушительный ответ. Да так, чтобы вылетая из круга, серый предатель выбивал собрата с противоположной стороны.

Рано поседевшего оборотня подпитывала ярость и воспоминания прошлого. Когда точно так же прихвостни беты вышли против его брата и отца. Время было выбрано подходящее, после охоты, один уже был ранен, а второй настолько устал, что был не в силах отбиться от сложных атак. Тогда Стафорд помочь родным не успел, но он увел из стаи мать с сестрой и для их спасения смог заработать место в новом братстве. Пусть единокровных волчиц на этом свете больше нет, зато остались племянники. Двое серых сорванцов, которым еще жить и жить. И он постарается сделать так, чтобы жили они без страха и опасений. Свободно.

Когда звериный рык сменился скулежом и подвыванием, на поляне остался лишь один стоящий волк. Различить цвет его шкуры было невозможно, как впрочем, и признать в скрюченной фигуре могучего барона. Пока он не обернулся, тяжело дыша и улыбаясь безумной и всем знакомой улыбкой:

— Я победил...

Четверка оборотней, застывших на склоне, одновременно кивнула.

— Сам! — заметил довольный Дерек, начиная хлопать.

Глава белой стаи махнул окровавленной рукой и медленно опустился в жижу у своих ног:

— А теперь волчицу мне!

— Волчица подождет, — хмыкнул друг, приближаясь, — и, кажется, не одну неделю.

Третий раз подряд читала весточку от Лиса и в третий раз до боли прикусила губу. Немыслимо. Белый варвар искалечен в бою.

«Он не был повержен, но эта победа слишком многого стоила ему».

Подняла взгляд на молодого Аго, который привез известия и теперь ожидал моего решения я повторила самые страшные строчки послания:

— Шестнадцать колотых и резанных ран, сломанные ребра, порванные жилы и мышцы, сорванные с костей... Это правда?

— Все до единого слова, — кивнул оборотень.

— Но я не смогу подобное вылечить.

Хорошенький молодой паренек смотрел на меня с кривой улыбкой, видимо был предупрежден, что не соглашусь или попытаюсь противиться.

— Ты там будешь не одна. Главное, чтобы зашила. — Он взлохматил рукой свои волосы и глухо произнес. — Возможно, ты не знаешь, что шрам на теле, это проплешина на шкуре, а для оборотня самая настоящая дыра в обороне. Как незаживающее ранение.

Помощь нужна. Судорожно сглотнула, вспомнив его последние слова, и постаралась их отогнать, как несущественные.

— Барон в бреду?

— Нет, он в бессознательном состоянии и почти не шевелится.

Значит можно не бояться встречи, навестить Лиса и его боевую тройку, посмотреть на Гаро и заштопать... этого Белого варвара. Но прежде чем сказать, да, я имею право узнать подробности и решить, что потребуется.

— Что с глазами и нюхом? Я никак не могу понять слов Дерекы о заговоренном перце.

— У Его милости обожжены глаза, а нос и глотка сильнее всего. Там..., - Аго поморщился, — вплоть до легких ожоги.

— Вдохнул? — прошептала я бледнея.

— Он должен был выстоять, поэтому... Да, вдохнул.

Больше не спрашивала, поднялась к себе и начала сборы. Орбас идет на поправку, младшему Суро, Торому постоянный догляд уже не нужен, а вот с бароном все обстоит намного хуже. Если с него не снять ожог, то он потеряет все свои чувства, останутся, лишь тактильные и слух. Датога старшего я предупредила, что уеду буквально на три дня, два из которых проведу в дороге. Элие и Мирте дала указания для присмотра за больными и, накинув плащ на плечи, вышла во двор.

Аго меня уже поджидал. Один без лошади, стоящий подле него Борб, тоже за скакуном не торопился. Странно.

Я насторожилась:

— А как мы поедем?

— Ты верхом, — ответил молодой.

— Хорошо, это радует. Но тогда твой скакун где?

— В городке Черхи, — произнес оборотень, медленно делая шаг ко мне.

— А мой где? — спросила, перекидывая свою сумку через плечо, и обращаясь к мужчине, хотя мысленно уже представила, что сейчас произойдет. Так и вышло.

— Перед тобой.

Парнишка с озорным взглядом обернулся в поджарого белого волка.

— Я подсажу, — сообщил помощник Датога, протянув мне руку.

Его помощь не проигнорировала, подошла ближе, взяла за руку, но прежде, чем дать себя посадить все же, спросила у Аго:

— А ты домчишь? Расстояние не близкое.

— Садись, Аррриша. Время!

Села, руками взялась за шкуру, ногами сжала его бока там, где было сказано. После этого Борб сдвинул под меня какое-то мягкое седло и, закрепив подпруги, на животе оборотня, вдел в стремя мои ноги.

— А уздечка будет?

— Нет, — ответил мой новоиспеченный «конь» и рванул с места.

Мы неслись со скоростью вдвое превышающей бег лошади, а может и больше. Глаза слезились, дыхания не хватало, а еще требовалось рук не отпускать. На поворотах волка заносило. А на особо крутых изгибах дороги его разворачивало так, что кувыркнувшись, он вновь падал на лапы. После пары таких моментов, я поняла, для чего было разработано такое странное седло, и потребовала, чтобы он бежал с меньшей скоростью. Это увеличило потраченное время на путь, но мы все равно быстро добрались. За двенадцать часов вместо двадцати четырех по одной лишь причине — каждые три часа мне меняли «скакового». Аго на Лера, его на Тарона, а уже этого оборотня на Ирта. Но достигнув городка Черхи, все мы прошли пешком к таверне, расположившейся на окраине. Почти пешком, меня им пришлось нести на руках.

«Дырявый башмак», погруженный во тьму, встретил нас тишиной и устрашающим спокойствием. На первом этаже заведения горела одинокая свеча, двор был подозрительно пуст, а в конюшнях не наблюдалось ни одной лошади.

— А где все? — лежа на руках оборотня, я оглянулась.

— В городе, — Тарон понес меня вперед, — Его Высочество и старик с солдатами пожелали поселиться в жилом доме.

— Арендовали, ни много ни мало, целый особняк, — Лер открыл перед нами калитку и пропустил вперед.

А его брат близнец придержал двери в таверну, говоря, что Гаро щедрый малый, на первые два этажа заселил волков.

— Ясно. Здесь тогда, кто остался?

Тарон опустил меня на пол, а Аго помог снять плащ со словами:

— Тут только барон, лекари и Дерек... ну еще и мы.

— На самом деле лекари сбежали, остались только мы, — неожиданно из-за угла коридора появился Лис. — Здравствуй.

— Доброй ночи.

Он крепко обнял меня, я его и через мгновение ощутила мокрую ткань под своими руками и металлический запах крови.

— О Б-б-боже...

— Странное обращение, — протянул Лис и улыбнулся, — но мне нравится.

— Я не о том, — и показала ладони.

— А, пустяки, она не моя, — оборотень прищурился и с улыбкой поинтересовался, какую комнату мне выделить: — С видом на лес или на город, и сразу скажи, что ты будешь есть.

— Ничего.

— Почему?

— Проведи меня к... нему, — забрала сумку у Тарона и твердо посмотрела на Дерек. — Нужно посмотреть, что уже успели сделать лекари и чего не успели. Растопите печь на кухне, мне потребуется вода...

— Ариша тебе предстоит сделать многое, потому что они ничего не успели, — поджал губы, возвращая такой же взгляд. — Тебе нужно отдохнуть...

— Но его шрамы!

— Что со шрамами? — проследив за моим взглядом, он посмотрел на Аго, а спросил. — Так, и что молодой щенок тебе сказал о шрамах?

— Что это брешь в защите волка.

— Брешь, конечно. Но только не у такого, как наш альфа. Он черту совершеннолетия давно перешел и твердо стоит на всех четырех лапах.

— Но..., а...

— А вот Аго еще не перешел, поэтому все мысли лишь об этом, — пояснил Дерек, уводя меня куда-то вглубь плохо освещенной таверны. — Так какую комнату тебе предоставить?

— Лис, я требую, чтобы ты немедленно провел меня к барону!

— Малышка, ты за следующие дни успеешь еще на него насмотреться, — попытался он пошутить.

— Я здесь на два дня. В крайнем случае, пока не очнется, но чтобы решить точно на него нужно посмотреть.

Оборотень щурился на меня, и я ему ответила тем же прищуром, и в конечном счете, со вздохом он согласился.

— Ладно, пошли.

Наверх мы поднялись в молчании, лишь около дубовых дверей оборотень тихо спросил:

— А может, ты для начала все-таки поешь и отдохнешь?

— Открывай.

Дверь светлоголовый сын ночи отворил со вздохом и предусмотрительно обнял меня за плечи.

Вовремя. И без того уставшие ноги теперь вовсе подкосились. От представившейся картины меня замутило. Хорошо, что я не согласилась есть, иначе вывернуло бы тут же у двери. Все в крови, все разодрано, бездыханное тело лежит по диагонали на раскуроченной кровати в почти черных простынях. Ключья чьей-то одежды и осколки склянок усыпали пол и покрылись вонючими синими пятнами. Инструменты лекарей валяются там и тут, а некоторые торчат из конечностей барона под странным углом, словно были в него вогнаны и искривлены.

— Он...? Он же...

— Да живой он. Не переживай ты так. Дышит. Видишь, простынка от дыхания колышется. Значит живой.

— Ты... Ты...

— Извини. В письме я не представил всей картины. Потому что верно решил, что тебя это расстроит. — Сообщил хитрец, поддерживая дрожащую меня за плечи. — А ты, к слову, на мелкие порезы, отеки и ушибы даже не смотри, — отмахнулся, как от пустяка, — они заживут к завтрашнему утру или к обеду.

— Но... — я вцепилась в его руки не в силах войти.

— Но помимо них, к сожалению, огромное количество глубоких ран, которые до сих пор не зашиты, — Дерек аккуратно ввел меня внутрь и ногой расчистил пол, где мы стали. — Местные лекари пытались это изменить, да вот не вынесли некоторых особенностей нашего барона.

Спросила еле дыша:

— Каких... особенностей?

— А как только ему чуть легче он совершает полуоборот.

— Что? — я дернулась отойти, а он меня удержал.

— Стафорд просто перепроверяет свои способности. Боязнь потерять ипостась в нас от рождения.

— Да уж...

Только сейчас поняла что разодранные занавеси, искореженные стол и стул, рассеченные когтями дубовые стены это все глава белой стаи сотворил.

— То есть тут боя не было?

— Бой между стаями был в долине в двадцати километрах отсюда.

— Между стаями? Тогда где остальные раненные?

— Только он, — поймав мой взгляд, Лис усмехнулся, — не в смысле он единственный, кто под ножи подставился, а в смысле, он единственный кто вступил в бой.

— Почему вы не помогли?

— Запретил. И сам справился. — Улыбка сына ночи стала плутовской, — ну что теперь поешь?

— Н-н-неееет! — я вышла в коридор и потянула за собой оборотня. — Новая комната, новые простыни, вода горячая как можно больше и... И почему ты такой спокойный?

— Потому что другим мне быть запрещено. Особенно сейчас.

— То есть в стае еще не знают, что барон при смерти?

— И не узнают, ты же его на себя берешь, — щелкнул меня по носу и заглянул доверчиво в глаза. — А в тебе, малышка, я более чем уверен.

Более чем уверен... Более чем уверен. Более чем уверен!

Его слова я повторяла про себя как молитву и сама заражалась стойкой уверенностью. Она мне была сейчас нужна, очень. Потому что руки дрожат, спину ломит, а ноги подгибаются во все время, пока я отмываю кровь с тела борона, осматриваю ранения и, закусив губу, освобождаю его от искореженных инструментов лекарей.

По решению Дерека в комнате находился один из оборотней в подмогу и..., специально. Чтобы предупредить за минуту или две, до того, как Белый варвар вновь пожелает проверить свои способности. Я боялась и с каким-то маниакальным безумием делала ровным каждый стежок и тщательно выправляла даже крохотную рваную рану.

— После такой выверенной работы и жилы и мышцы сами срастутся, обещаю тебе. — заверял Лис, когда сидел на посту у кровати. Он вызвался первым, потому что остальные устали с дороги.

Я кивала и все же недоверчиво косилась на раненного.

После того, как его глаза, а затем и все лицо я покрыла мокрой тканью пропитанной маслами, он подозрительно затих. Дышал медленнее прежнего, чуть поднимая ткань компресса, и совсем не шевелился. Странно и страшно как-то замер, но все еще теплый и дышит, а это главное. Возможно, на двадцатом шве меня повело, сделала кривой стежок. Чуть не застонала от отчаяния и головой уткнулась в уже перевязанную грудь барона.

Вить и утыкаться, можно было — Белый варвар ничего не чувствует после моего отвара, а Лис вышел из комнаты. На смену ему должен был с минуты на минуту прийти Лер. Совсем рядом послышался шорох и какой-то скрип. Видимо оборотень уже явился, со своими легендарными ножами из черного металла. Их ему барон отбил у девяти сильнейших волков серой стаи.

Неприятный скрежет над самым ухом резанул слух.

— Прекрати, — попросила, не поднимая головы.

Звук повторился.

— Лер, хватит! Не заставляй повторять третий раз.

— Тебе нужно отдохнуть. Сердишься. — Проворчал глухой голос рядом, совсем не

похожий на тембр Лера.

Ясно простыл, придется подумать об отварах для его горла. Кажется, у меня даже подходящие порошки с собой были, нужно посмотреть.

— Это нормально, — ответила я, оторвавшись от груди раненного и, разминая затекшую шею. — Не первый час здесь.

— Бросай все. Иди спать.

Его тон мне совсем не понравился. С каких пор один из братьев близнецов с такой настойчивостью указывает? Ранее он либо предлагал, либо советовал, но уж никак не отдавал распоряжение. Подняла глаза к потолку и ответила со вздохом, не злиться же на него из-за опеки.

— Еще пару стежков и пойду.

— Я сказал, живо!

Вздрыгнула. Сзади у дверей тоже кто-то дернулся, лязгнул металл. Оборачиваюсь, а там Лер, смотрящий на барона во все глаза.

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я. — Уже иду.

Постаралась ответить тихо, без свойственных мне интонаций. К очнувшемуся барону, на всякий случай, лицом не повернулась. На ощупь, вытащила из ушка иглы жилу, вышла. В дверях взяла Лера за руку, потянула на нижний этаж и увела на кухню в самый дальний угол дома:

— Он меня видел?

— Нет, — помотал головой оборотень и радостно оскалится. — Но он очнулся полностью! Даже ипостась перепроверять не взялся.

— Сейчас напоим, и он почти сразу уснет. Только скажи честно, глава стаи точно меня не видел?

— Ари...

— Шшшш! Никаких имен. — Прошипела, сжав его руку. — Так он меня видел или нет?

— Нет. Тряпка была все еще на лице. — Только решила вздохнуть свободно, как он добавил с улыбкой. — Но... это не запрещает слышать тебя, чувствовать запах и тепло.

Я криво ухмыльнулась его словам. Возможно, варвар меня слышал и руки на своем теле чувствовал, но вот унюхать никак не мог. После его сообщения о скорой встрече, я соком горной синей травки ирд пропитала нижнюю рубашу и двое суток боялась выйти из дома, пока не приехал Аго. А потому тканая защита от чуткого волчьего нюха все еще на мне.

— Что произошло? — рядом оказался встревоженный Дерек.

Он словно бы только что выскочил из ваннх комнат, всклокоченный, в одежде натянутой поверх мокрого тела. Проследив за моим взглядом, оправил штаны и пригладил волосы. А затем посмотрел на наши с молодым оборотнем сцепленные руки, точнее на то, как я вцепилась в Лера, и как-то хитро прищурился.

— Так что у вас стряслось?

— Барон очнулся, — ответил волк.

— И почему ты не радуешься? — развеселился Лис, обращаясь ко мне.

Ничего не успела ответить, в это мгновение наверху послышался грохот и протяжный вой предводителя белой стаи, который неожиданно оборвался сухим кашлем.

— Что ты ему пить давала для горла? — насторожился Лер.

— У меня с собой постилка была на гусином жиру и шалфее, ее под язык, а поверх лица марлю пропитанную маслами. — Я неожиданно догадалась, что к чему. — Так барон

проверяет в порядке ли горло?

— Почти, если не брать в расчет, что он созывает стаю.

— Какую стаю, свою?

Оборотни улыбнулись и одновременно ответили:

— Нет. Стаю противника вызывает на бой.

От такого сообщения мой голос сел:

— Нужно срочно его успокоительным отваром напоить, тем который на окне остывает.

— Сейчас сделаем, — заявил Дерек и ушел, а я поспешила следом. В темном коридоре первого этажа с размаху налетела на его спину.

— Ты со мной не идешь, — тут же ответила спина.

— Да я с радостью останусь, только...

— Что? — сын ночи обернулся ко мне.

— Когда будешь говорить с ним, помни, что меня здесь не было. Не я его штопала, и ты за мной не посылал. Хорошо?

— Но почему? Стафорд будет рад...

— Нет.

— Как скажешь, — пожал он плечами и с веселой улыбкой попытался уйти, но я его остановила.

— Ты не понял. Лис, вы меня не видели, слов моих не слышали, все мази и настойки и пояснения как готовить и что использовать, получили с птицей. Вот так вот.

— Теперь понял, — медленно кивнул он, пристально глядя на меня. Этот его любопытный взгляд я бы и без света почувствовала, потому что тут же захотелось поежиться и сбежать. Что я почти и сделала, развернулась, как вдруг он задал вопрос. — А с каких пор ты боишься нашего главу?

— Не боюсь.

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем, — ответила, не оборачиваясь, так он не потрудился обойти и заглянуть в лицо.

— Он что-то тебе наговорил или запретил? Еще там на перевале или в деревеньке Ог? Ариша?

— Нет и нет, — получилось жалко, но пусть пеняет на тяжелый день и мою усталость. — Сделай, как прошу, и не противься.

— А если Его милость потребует к себе девицу, которая раны штопала?

— Не потребует. Он сам девицу спать отправил.

Дерек вернулся на кухню через полчаса. За это время я трижды засыпала на столе и столько же раз просыпалась. С загадочным видом оборотень поставил на мойку деревянную кружку и пустой котелок, в котором я готовила успокоительный отвар. А сам прошел в комнату ленивым шагом и сел подле меня за кухонный стол.

— Выпил все.

— Хорошее известие. Он не проснется до следующего вечера. — Протяжно зевнула и потянулась вверх. — Тогда я сейчас завершу начатый шов. А уже утром...

— Подниматься нельзя. Потому что тебя, — тут оборотень сделал продолжительную паузу, — болезную, женатую, ненавистницу волков, он попросил не беспокоить. Дать золота и направить домой к мужу идиоту.

— Почему?

— Потому что ты на третьем месяце беременности, но боишься, что родить без проблем не получится...

— А это тут причем?

— Ну как же, — всплеснул он руками, — к вам, тебе и твоему идиоту, едет его матушка с племянниками. Наглые людишки с замашками дворян. А у тебя не отремонтирован дом, крыша покосилась, и муж палец о палец не ударит, потому что ему неохота спину гнуть. А проще проповеди студентам читать и ждать худую зарплату. Так что придется все самой и заработать и отремонтировать.

Вот это сказочка на ночь! Сон, как рукой сняло.

— Лис, а с каких пор я ненавижу волков, оказалась замужем за идиотом, да еще от него понесла? И что это за семейная жизнь, где мужик ничего не может?

— Ты сказала, что отвар успокоительный, и барон вскоре уснет...

— Сказала.

— Так вот, — Дерек выпрямился и, продолжая загадочно улыбаться, ткнул в меня пальцем, — он выпил все и сразу, но до сих пор не спит. Отчаянно старается удержать уплывающее сознание безостановочными вопросами о той ненормальной, что его раны заштопала.

— Плохо, — прошептала я.

— Это, да. За полчаса мне пришлось такого наплести... самому стыдно. Вот и сюда сбежал, сказав, что тебя нужно устроить. — Он поднялся с тяжелым вздохом. — Так что пошли, устраиваться. Комнату я сам выбрал.

— А шов?

— Завтра, — и повел меня наверх.

Проснулась поздним утром, от странного стука в голове. Полежала с минуту и поняла, что стучит не «в», а «над» головой. Глаза открывать не хотелось, решила проверить на ощупь, что там и стук неожиданно усилился. Руку отдернула резко, открыла глаза. Бок! Нет, грудь! Мужская широкая с темными курчавыми волосами, бурыми пятнами на коже и бинтами, сползшими с нее.

Барон. Сам пришел или к себе приволок.

Но как? Как добрался? Как нашел? Он же столько отвара выпил!

Стараясь не поднимать взгляда на спящего, оглянулась. Да комната моя, кровать моя и три подушки, которые отделяют меня от Белого варвара, тоже мои. Попросить, чтобы парни его перенесли обратно, или не стоит?

В дверь тихо поскреблись, и могучая грудь над моей головой перестала вздыматься. Прислушивается. Так он спит или нет? А еще важнее, видит или еще нет. Судя по тем тонким светлым изгибам, что вчера были жуткими ранами, восстанавливается он очень хорошо. На всякий случай, чтобы лица не увидел, если еще не успел, забрала подушку и, прикрывая голову, сползла с постели. Дождавшись, когда барон вновь нормально задышит, я прошмыгнула к двери.

Дерек, Тарон, Лер, стоящие за ней, смотрели на меня тревожно, а голоса Аро и Ирты поднимающихся по лестнице с низу были обеспокоенными: — В заброшенной мельнице, у моста, возле роши... нет его. Как и в доме «Веселой вдовушки».

— Уж, в это заведение вы зря ходили, — я улыбнулась подоспевшим, — после настойки на такие подвиги даже оборотень не способен.

— Будем знать, — кивнул Дерек и спросил тихо. — Ты Стафорда не видела?

— Видела, — я толкнула дверь, отходя в сторону.

Разглядев, кто лежит в комнате, Лер дверь тут же тихо прикрыл. На пальцах предложил спуститься вниз и все обговорить. Собрались опять-таки в кухне

— Хоть кто-нибудь может объяснить, как он ко мне забрался?

— Через окно, — со смущенной улыбкой ответил Лис. — Там остались его портки.

— Видимо жар среди ночи поднялся. Решил остудиться. — Пожал плечами Тарон и начал собирать на завтрак.

С этим замечанием согласилась, стараясь не краснеть, ибо обнаженным я барона не видела. Подушка прикрыла. В ходе завтрака узнала, что еще там в замке оборотней Саир упал с обрыва и чудом остался жив, что черные выкрали подложный клинок Гессбойро, а герцог Равии неожиданно прислал своих вестников с предложением сдать принца Гаро. И Барон, чтобы завести их в заблуждение, приказал вестников угостить и отпустить. А как только прихвостни дали ложную весточку своему господину, были тут же схвачены.

У меня для них тоже новости имелись, предупредила, что я вечером отправлюсь в Берит. Барон семимильными шагами идет на поправку. Так как он непостижимым образом учуял меня сквозь толстый слой ткани, пропитанных маслами, то мне самое время уходить.

— Триша, Аяша из наших и Таша и Ария из людских...

Перечислив имена любовниц, побывавших в спальне барона за прошедшие две недели, Дерек нагло ухмыльнулся.

— Какие интересные у тебя предпочтения в выборе напарниц по... бильярду.

Стафорд не ответил, продолжая читать донесения из ближайших к столице городов, но Лиса это ничуть не смутило. Подкидывая вверх подушку, он продолжил размышлять вслух:

— Будь они все миниатюрными кареглазыми шатенками, я бы подумал что ты, мой друг, влюблен и не можешь забыть некую особу.

Повисшее после этих слов молчание длилось недолго. Любопытство барона заявило о себе:

— А среди них были кареглазые шатенки?

— Одна или две, — сообщил светлоголовый оборотень и сел прямее. — Ты что не помнишь?

— Нет. Ночью все кошки серые.

Зрение восстанавливалось достаточно быстро, но не настолько, что бы спустя две недели он мог различить цвета в сумраке. Фигуры, очертания — да, но не цвета.

— Теперь понятен умысел с именем, — хмыкнул Лис и пересел ближе, в кресло напротив стола Белого варвара. Подложив подушку под спину, он испытующе прищурился. — И когда ты успел побывать в Берите?

— В Берите меня не было.

Почти не соврал. Потому что посетил лишь окраину города, а если быть точным, всего лишь один дом.

— Странно... — протянул Дерек и нахмурился, вынуждая задать вопрос.

— К чему твои вопросы, что-то произошло?

— Ну...

Ясно, вопрос касается девчонки:

— И что там с... немощью?

— С Аришкой явно что-то произошло.

— Что? — барон оторвал взгляд от листа, который читал, посмотрел выжидательно. — Говори толком.

— Она мне не пишет, уже две недели. То есть пишет, но... Отделяется, как и от тебя, всего лишь одной строчкой. — Пожаловался оборотень. — Первое гласило: «Бесеки уехали». Второе: «Жива здорова.», а в довершение: «Как ты?»

— Ну и как ты? — ехидно переспросил Стафорд, возвращаясь к донесениям.

— Я отвратительно.

Барон хмыкнул:

— Потому что битый час не можешь придумать и пары строк?

— Потому что не знаю где она, что происходит, с кем видится, куда едет... — возмутился хитрюга Лис, не переставая косить взглядом. Что-то хочет выведать. Интересно, что.

— И к чему тебе подробности?

— Обещался помочь, если возникнут сложности. К кому еще она сможет обратиться,

если не ко мне?

— К мужу, другу, — глава белой стаи с фыркком отложил донесение, — к мужчине, в конце концов.

— Для нее это сродни пытке. Мужикам она больше не доверяет. И как я погляжу, нам с некоторых пор веры тоже нет.

Глава стаи нахмурился. Пусть не доверяет, но заполучает в соратники легко. Стоит лишь вспомнить горных наемников, и то, как все они единодушно называли девчонку сестрой. Думая об этом, оборотень поморщился. Ко всему прочему, они разрешили ей гостить в своих селениях и свободно уезжать. Что это за бесек такой выявился? Совсем забыли устои праотцов, идиоты. Или у них новое вероисповедание?

Стафорд посмотрел на друга и ехидно заметил:

— Зато она легко завоевывает в свое подчинение. Ты вон, на задних лапках уже бегать готов.

— Готов, — уверенно заявил Лис. — После того, что она сделала для... хм, своей родни.

— Всего лишь сбежала, — в голосе барона слышалась неприкрытая ирония, — чтобы им хорошо жилось.

— И не только это. Стаф, я...

Чтобы завершить его словоизлияния о чести и доброте небезызвестной девчонки, барон красноречиво прищурился и потребовал:

— Дай мне ее письма.

Дерек с улыбкой протянул ему оба и замер, выжидая решения главы. Уткнувшись в послания носом, Стафорд медленно потянул воздух.

Та же бумага, тот же запах и те же две строчки, выведенные аккуратным круглым почерком, определил он и вернул листки.

— Все в порядке. Она в доме Датога.

— Ты хочешь сказать, что бумага пахнет домом Сурового? — все с тем же ненормальным интересом спросил Лис, пряча письма в карман.

Его привязанность стала более, чем странной, отметил про себя глава белой стаи. Пока о той «швее» рассказывал, все порывался назвать Аришей. Да и потом, болтая с Тароном и братьями близнецами нет-нет, и называл какую-то девицу ее именем. Вроде бы оборотень не из прилипчивых, а так волнуется. Опоила?

— Да. Она все еще у него.

— Слава нашей Матери, — произнес оборотень и вместо того, чтобы вздохнуть с облегчением, нагло улыбнулся. — Выходит, ты там был. Поэтому она мне и не пишет.

Стафорд поднял на друга ироничный взгляд.

— Или ты ей надоел, — предположил он издевательским голосом. — Твои длинные письма, анекдоты из жизни и извечный оптимизм...

— Могут наскучить? — удивился оборотень с наивной улыбкой.

— Могут, — кивнул барон.

— Я так и понял, что это был ты.

Не дожидаясь ответа, Лис вышел, бесшумно закрыв дверь.

Оставшись один на один с донесениями, Стафорд со вздохом откинулся в кресле и закусил кончик пера.

Чтобы навестить неожиданно приболевшего герцога Равии нужен веский повод. Приблизительно такой же неоспоримый, как и для встречи с Аришей. После всего

произошедшего и сказанного они оба вряд ли обрадуются скорой встрече с бароном белой стаи. Однако, если в первом случае можно создать искусственный предлог или причину, то во втором остается ждать нового оборота, который приведет девчонку прямоком в лапы оборотня.

— Уверен, в ее случае долго ждать не придется, — произнес Белый варвар вслух. — Неприятности дочь мясника притягивает непроизвольно.

А значит, встреча неминуема и она не за горами.

Пятый, а может быть, шестой раз за неделю я сжимаю кулаки, чтобы не сжать зубы. Меня гонят из города, даже не так, выпроваживают под всеми мыслимыми и немыслимыми предлогами. Видите ли, засиделась дома, должна развеяться. Никуда не хочу и не поеду, но сопротивляться напору Сурового становится все сложнее и сложнее. Неужели у меня и в Берите не будет своего простора?

Датог уже ученый, вопрос поднимает не на кухне или за столом, а тет-а-тет в библиотеке. И тут мне не скрыться и по какой-либо важной причине и от ответа не уйти. Что ж придется себя отстоять, потому что больше деваться некуда.

Поправив складку на коленях, я подняла глаза:

— Извините, но я не считаю нужным покидать город.

— Ариша, — он по-отечески мне улыбнулся, — ты всю весну провела в четырех стенах. Все три месяца. Не упрямясь. Собирайся с Патайей и Элией, съезди на ярмарку в Черхи.

— Я выходила...

— Да, лечить других, потому что Орбас горлом более не хрипел, Таром уверенно пошел на поправку, Мирта перестала маяться с зубами, а я с коленом.

— Вот именно! — воспрянула надежда, а вот и достойный аргумент для моего затворничества. — Столько гуляла, что меня теперь весь город знает!

— Столько гуляла, что больше никто не болеет, — последовал его ответ.

Взгляд уперся на гобелен, украшающий стену кабинета, красивое полотно со сценой охоты на лис. Невольно вспомнила о Дереве, будь он на моем месте, обязательно исхитрился бы выйти сухим из воды, не искал сложных объяснений и ускользнул бы, обернув все в шутку.

А что до больных Берита, да, перестаралась. Знала бы, что наниматель поднимет сей вопрос, не спешила с лечением и оставила пару-тройку слабо простуженных. Но в городе есть и те, кто с болезнью неразлучен. Вот моя горькая, но все-таки причина для отказа от поездки на ярмарочную неделю.

— Люди болеют всегда.

Он понял и ответил:

— Для этого у нас есть повитуха Людора. Она ранее справлялась сама и в эти десять дней твоего отсутствия справится.

Не с этой стороны подошла, так с другой подойду, главное, правильно разыграть ситуацию. Набрала побольше воздуха в грудь и выпалила на одном дыхании:

— Хотите сказать, что я... — возмущенно подбирая слова, делаю взмах рукой, — перешла ей дорогу?

Обиженно, с недоверием и совсем чуточку оскорблено — хорошо сыграла. И что ответит на это Датог? Посмотрела на него, чуть вздернув нос, и отчаянно пряча лукавую улыбку.

Насмешливым прищуром оглядел и ухмыльнулся:

— Я хотел сказать, что причин для отказа у тебя больше нет.

Раскусил. Печально вздохнула. И куда запропастилось мое хваленое везение? Неужели Дерек был прав, говоря, что меня не удача поцеловала?

Тяжелые размышления Суро прервал тихим вкрадчивым голосом:

— А чтобы не было возражений, предупреждаю, на эти дни ты в моем доме не останешься.

— Хорошо, — глаз не поднимая, встала думая о том, что тетя Варрия будет рада временно принять меня обратно. Десять дней вне Сурового надзора пойдет мне на пользу.

Но видимо, он все предусмотрел, а потому сообщил уверенно:

— Варрия тебе в приюте откажет. По тем же причинам не примет и Людора. — Заявил серьезным тоном, а глаза смеются.

Не отчаялась, есть у меня еще к кому податься. Как вдруг Датог старший меня совсем оставил без крова, заявив, что кузнеца он предупредить успел.

Вот теперь путей к отступлению нет. Мастер кузничного дела рыжий и задорный, как мой дядя Морат, не только иглы мне сделал, но и лекарские инструменты изготовил. Я же ему помогла, когда у него спину прихватило. Тогда-то Дивар прямо и сказал, что в любой час дня и ночи готов принять меня в семью, назвать дочкой. Да видно, не судьба.

— Что смотришь обиженно? — усмешка Датога была теплой и лукавой. — Лучше скажи, от чего ты прячешься.

Правильнее сказать от кого, но вслух я этого не произнесла. Отвернулась, посмотрела с тоской в окно.

Летняя зелень и цветущие скальники уже давно радуют глаз, небо налилось высокой пронзительной синевой, солнышко нежно припекает. Благодать такая, что самое время к озеру податься. Не будь в лесу ненасытного комарья было бы совсем хорошо, а так из воды вышел и тут же соком травы муртых натираешься. Иначе «съедят». А в полнолуние молодые горожане вокруг костров хороводят, соревнования устраивают и частушки поют. Тому, кто придумает самую задорную Датог лично вручает призовой бочонок янтарной сладости. В Берите есть старое поверие, что смех продлевает жизнь, а потому остро слову весельчаку за шутки отплачивают медом.

Знаю я это не понаслышке, сама в некоторых соревнованиях участвовала. Правда, с оглядкой и опасением, что буду замечена. А вот кем, до сих пор понять не могу. То ли барона боюсь, то ли других оборотней. И все мне кажется, что попаду я в руки волчьего братства, ей Богу, попаду. Потому сидела в доме и сейчас выходить не хочу.

Грустные раздумья прервал голос Сурового:

— Пора взглянуть своему страху в лицо.

Барону?! Его мо... лицо, я точно видеть не хочу!

— Нет!

Тихий скрик мужчину покоробил. Видимо во взгляде моем страх отразился. Датог Суро, сжав кулаки, подался вперед. Я съежилась от тяжелого взгляда.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Ты что-то не поделила с бароном? — проницательно заметил он.

— Нет, что Вы, как я могу... нам делить нечего. — Запоздало вспомнила об обещанной мне разделенной постели и прикусила губу.

Столько времени прошло, а все еще не верится, что он правду говорил. И в то же время опасаюсь. Нет. Боюсь, панически. Оборотень, полу-зверь, а с такими я постельных дел иметь не хочу и не буду. Лучше дома останусь, поостерегусь.

— Мне поговорить с главой белой стаи?

— Спасибо, не стоит, потому что... это простая боязнь нового. Изменений. — Отчаянно выдавила из себя улыбку.

— Не верю. Уж чего-чего, а новизна у тебя на каждом шагу.

Потупилась. Это он о кавалерах внезапно прозревших говорит. Пока дурочкой и болтушкой притворялась, никто не замечал, а как прознали, что врачую не хуже повитухи Людоры, так повадились. Смекнули, лекарь в своем доме лечит бесплатно и золото исправно несет в семейную кубышку. Чтоб познакомиться ближе, некоторые заболеть пытались, другие наоборот нагло симулировали. Прознав о таком беспределе, начала всем свободным мужчинам от двадцати и до старческих седин давать рыбий жир. Нестойкие быстро выздоровели и отсеялись, а стойкие при виде меня все еще вспоминают о жире и кривятся.

— Что ж, если ты лишь на изменения грессишь, то не томи, соглашайся, — он поднялся из-за своего стола, подошел к полкам с книгами взял большую домовую тетрадь. — Денег с собой дам.

Я протестующее замотала головой, на что он внимания обращать не стал:

— Прикупишь платьев, сладостей...

Все, если Суровый решил, значит так тому и быть, выгонят из дому в Черхи, хоть ты тресни.

— Да, — согласилась я грустно и еще печальнее произнесла, — прикуплю...

— Заодно кукольное представление посмотришь, на живность из-за гор поглядишь.

— Конечно...

Ко мне повернулся, оглядел и со вздохом тяжелым сказал:

— И за Патайей присмотришь.

— А что с ней случилось? — вспомнив хозяйскую дочку, удивленно вскинула глаза. — Жива, здорова, в последнюю неделю светится, как солнечный луч.

Тетрадь он бросил на стол и руки на груди сложил:

— Светится, потому что замуж хочет.

— А вы против?

— Согласен. И ей это в плюс. — Не меняя позы, произнес Датог старший. — Я уж глядя на ее разборки с местными парнями, думал внуков не дождусь. Но, слава Богу, пронесло.

— Влюбилась? — он охотно кивнул моей догадке, и в мою душу закралось подозрение. — Это правда или вы придумали повод?

— И правда, и предлог, — Суровый прошелся вдоль комнаты. — Собирайся в Черхи на ярмарочную неделю. Три дня в пути туда и обратно и семь дней на разгуляй, жить будете в доме моей сестры.

Помолчал и добавил серьезно:

— На Патайкиного избранника глянешь, расскажешь потом, что за человек.

Не врет. Я удивилась:

— Но... когда она с выбором успела?

— Еще зимой, — отмахнулся счастливый и с затаенной грустью руку к сердцу приложил. — С тех пор они каждый месяц видятся в Черхи. Патайя так и рвется в южную столицу. Яснее ясного для замужества созрела.

— В таком случае, что же вы сами...?

Договорить не успела, он опередил.

— Не хочу следить, чтоб не обидеть. Дочка у меня с норовом, почует надзор, сбежит.

— Что правда, то правда, не терпит оков и ограничений, сама кого угодно ограничит. —
Согласила я.

— Вот поэтому я тебя и прошу, — хлопнул в ладоши. — Заодно развеешься. Все к лучшему! — Сел за стол и раскрыв домовую книгу, размашисто в ней что-то записал. —
Выезжаете ранним утром, Орбас довезет, Борб сопровождает.

— Спасибо.

— Тебе спасибо, — улыбнулся. — Все, беги.

— Ариш! Вставай, все самое интересное пропустишь!

Патайя уже гремела, отдергивая шторы и выдвигая ящики в шкафу, попутно напевая под нос задорную песенку.

— Мы четвертые сутки в городе и ничего не пропустили... — сонно ответила я и аккуратно обняла подушку руками. — Все болит...

— Выпей своего отвара! — тут же нашла она, громыхнув крышкой сундука о стену, и закопошилась в его недрах.

— Мое обезболивающее уже не помогает, остаюсь дома.

В ответ полетело:

— Ариш, сегодня нельзя!

В сундуке что-то брякнуло и зазвенело, а девушка, закусив губу, протянула со вздохом «ууу!» и пересела к следующему сундуку. Что же она так отчаянно ищет? До сегодняшнего дня дочь Датога Суро собиралась тихо и быстро, точно зная, что оденет и какие украшения подберет, а вот теперь уже час как бежит по дому и шумит.

— Ты тоже самое говорила и о прочих шествиях. Не могу сказать, что было не по нраву, но я устала.

— Да напитаеть ты растерянную энергию! — отмахнулась Патайя. — Этой ночью будет полнолуние...

— Я не оборотень, чтобы радоваться луне.

— Дело не в этом. Из Черхи будет совершен поход с факелами к пещерам старцев! Спустимся по пологим лестницам... — воодушевленно защебетала, роясь в сундуке.

Не отстанет. Со вздохом пришлось сесть на кровати и подтянуть к себе колени. Влюблена младшая Суро, как пить дать влюблена.

— ... бросим монеты в Глотку Беса, — продолжила она, сверкая глазами, — и загадаем желания!

— А завтра что?

— Поджигание голубого озера! — она наконец-то нашла, что искала. Выудила из сундука белое платье с красными цветами вдоль полукруглого ворота и затихла.

— И тоже редкий случай?

С первого раза она меня не услышала, пришлось повторить, чтобы добиться ответа.

— Да, — Патайя повела плечом и прижала платье к груди, — но не такой редкий, как сегодня...

То, что этот день особый было видно по вороху одежды, которую она выпотрошила из шкафов и сундуков, по блеску ее глаз и яркому румянцу на щеках. Со странной улыбкой младшая Суро пальчиками гладит розы вышитые на ткани.

— Вечером опять будем хороводить?

Кивнула медленно.

— И к тебе опять подойдет тот статный? — спросила я.

Она подняла смущенный взгляд и улыбнулась:

— Надеюсь...

Неожиданно в комнату ворвалась Элия, менее взвинченная, но такая же громкая.

— Проснулись, быстро на завтрак!

— Доброе, — ответили мы в один голос, но с разной интонацией.

Патайя принялась разбирать учиненный кавардак, а я уткнулась головой в подушку и тихо вздохнула.

Если наша сопровождающая уже здесь, значит, хозяйка вернулась из гостей и давно крутится на кухне. Вот теперь остаться в доме действительно не получится. Мирранда Суро в девичестве, а ныне Мирра Умогор была на голову ниже и вдвое тоньше, чем ее брат Датог. Хрупкая с виду женщина недостающую суровость перебила командными нотами голоса и крайней принципиальностью во всем. Поэтому ее беспрекословно слушаются: трое сыновей, грозный муж из степных и посетители таверны, которой владеет семейство. И если она сказала, что дома в ярмарочную неделю сидеть нельзя, то в доме никто не останется. При этом оправданий в семье Умогор всего два: ты должен быть либо при смерти, либо мертв, остальное не в счет. О болезни здесь не может быть речи. Надо отдать хозяйке должное, домочадцы ее не болеют и даже мелким недомоганиям не подвергаются. Сама Мирра это объясняет постоянным употреблением варенья из черной смородины, редкой ягоды для наших краев.

Надо будет и мне прикупить пару баночек, на этом меня из размышлений нагло вырвали, точнее у меня резко забрали подушку.

— Вставай, время не ждет, а хозяйка так вообще ожидать не любит, — сообщила Элия.

— Что правда, то правда, — поддакнула довольная Патайя и мне пришлось повиноваться. Пока собиралась, они наперебой начали рассказывать о планах на сегодня.

— После завтрака идем к ратуше, там, на базарной площади будут устраиваться утренние представления.

— Рассказчики и шуты, — подхватила вторая, — еще вчера нагрязнули, но перебрали пошла в «Дырявом башмаке» и смешили не столько словами, сколько собственным видом.

Дочь Датого усмехнулась:

— Моя тетя им бы так напиться не дала.

Услышав название таверны, я вздрогнула. Ох, не к добру о ней вспомнили, чует мое сердце, что мне на площадь лучше не ходить и в пещеры не соваться. Но глядя на воодушевленных спутниц, промолчала. Надо бы придумать действительно важное дело, чтобы эти гуляния пропустить.

— Затем у фонтана выберем сластей и темного кваса...

— Можем вернуться сюда, — предложила Элия.

— Нет. Лучше устроиться в тенишке городского парка!

— Там не так уж и прохладно.

— Но, зато куда больше народа... — не сдалась младшая Суро и жалостливо посмотрела на сопровождающую нас женщину.

— Хорошо, — согласилась та со смешком. — Поступим, по-вашему, госпожа.

Судя по искрящемуся взгляду кухарки, не одна я знаю об увлечении огненной красавицы. Что же это получается, Датог старший меня обманом из своего города выпроводил? И только для того, чтобы развеяться смогла? Приятно и в то же время как-то обидно, а вдруг меня здесь кто-нибудь из оборотней встретит. Радо, муж Мирры говорил, что волчьи братья часто здесь бывают, либо проездом, либо по делам, в особенности волки из белоснежной стаи. Черхи для них стал, местом остановки на пути к границе с Ларвией. Вот и не дай Бог, чтоб меня сам Белый варвар встретил. Я ж ему не объясню, что не по своей воле здесь оказалась, да и он вряд ли будет слушать. Крайне уперт и целенаправлен, как

бара... волк, бегущий по следу.

Уж если барон слово дал, он его, во что бы то ни стало, сдержит.

Подумав об этом, приняла решение скрыться и тут же нашла предлог:

— А я хотела набрать трав. Юнлингуру собрать до заката, пока не зацвела.

— С этим успеешь после обеда, — улыбнулась Патайя. — Я тебе сама места хорошие покажу и помогу со сбором. А вернемся и факелы себе подберем. Ну, а на вечер...

Все ясно, одну меня никуда не отпустят и дома не оставят. Не выйдет у меня скрыться, не получится.

После встречи с послами из Ларвии дипломатическая делегация принца Гаро медленно возвращалась в столицу. Уставшие и голодные на лошадях, освещенные светом заходящего солнца, они приближалась к развилке дорог. Спешить им было незачем, да и не хотелось. За последние месяцы принц наравне с другими дипломатами изъездил Дакартию вдоль и поперек, перепроверяя и подтверждая договора проклятого короля и заключая временные соглашения. Первоначально малец был напуган, обрушившейся на него ответственностью, все пытался утянуть за собой хромого Саира. Глава белой стаи посмеивался, глядя на его потуги, а Лис — добрая душа пытался на пальцах объяснить, что пожилого хранителя лучше всего оставить дома, во дворце.

— Там небезопасно, — противился щенок.

— Наоборот, именно там сейчас тише всего, — возражал оборотень, — Его милость об этом позаботился.

Еще в первую свою поездку в Адар барон решил несколько вопросов по хозяйственной части дворцовых угодий. Освободил из заточения сторонников принца и помог десятку предателей уйти с насиженных мест. Без крови не обошлось, но остались и живые. Чтобы у них не возникло желания вернуться, главой дворцовой стражи Стафорд назначил молчаливого Лерфа, а двадцать белых братьев определил в охрану. Дальнейшая погоня за испуганной немощью, ее спасение, бой с оборотнями и лечение главы белой стаи несколько отсрочили возвращение принца, но не пресекли его. К великому сожалению многих...

Под защитой грозного регента Гаро легко вернул себе власть и предложил королеве-матери и овдовевшей невестке с сыном вновь разместиться во дворце. Сразу они не вернулись, но обещались вскоре прибыть. Единственным отрицательным моментом был, не к месту заболевший герцог Равии. Варвар так надеялся с ним переговорить, что сам был готов приехать к ложу больного. Жаль, его не пустили. Побоялись оборотня чернухой заразить. Жалкая отговорка и не менее глупая, чем потуги некоторых втереться в доверие волка. Весьма состоятельные господа старались сдружиться с оборотнем: лестью, подарками и грандиозной перспективой его брака с какой-нибудь родственницей. Дочь, племянницей, сестрой и даже... с молодой женой сразу после развода. Неудачные идеи, зато сколько прыги.

Вспоминая об этих попытках, барон фыркнул.

Получив отпор, надутые индюки, решили, что волку приятны их забавы. Приглашения на балы, охоту, ужины, семейные праздники, закрытые вечера в клубах для господ с опиумом и блудницами из дальних стран посыпались, как из рога изобилия. А его все больше тянуло в

Берит или тот же Черхи к неизвестной швее, которая замужем за идиотом. Но времени на путешествие не было, да и повод не находился. Принц метался по стране, как угорелый, а ты следом для безопасности. Чтобы он «с горя» сам себя не убил, как это «сделали» четверо доверенных лиц королевской семьи до и после смерти Табира. Что, как это объявили советники, подтверждало преданность королю, ее крайнюю степень. Оставшихся «полу-преданных» они попросту казнили, а «недо-преданных» согнали в темницы, на месяц всего, но и этого хватило. Знать средней руки, помощники министров и военные успели опомниться и окончательно определиться в нелегком выборе: жизнь или верность королю. Так за спиной Гаро из двадцати человек осталось лишь трое, закаленные временем и властью и самые стойкие: полководец Фразер в отставке, министр иностранных дел и Саир, бывший министр культуры.

Тот самый слуга народа, который предлагал устраивать в столице конные бега, соревнования на лодках, построить площадку для игры в гигантские шахтыри и парки для различных спортивных забав без разграничений на сословия. За что был признан недееспособным и отправлен в отставку много лет назад. Зря они оставили старца в живых, теперь у него достаточно власти для воплощения всех своих планов.

Стоило об этом вспомнить, как перед глазами всплыло лицо принца со щенячьим видом предлагающего развеяться. Видите ли, большую часть поездок за эти три месяца он уже совершил, самое время отдохнуть, как простые люди и повеселиться, если не в компании горожан, так хоть с деревенскими. Умник венценосный, как малолетнее дитя, вот уже неделю просился на праздник. Всеми правдами и неправдами подбивая волков на маленькое приключение за пределами Адара. А начинались уговоры с внимательного взгляда, которым Гаро награждал главу белой стаи. Вот точь-в-точь, как сейчас.

— Опять, — вздохнул Стафорд и приготовился к продолжительной осаде.

Долго ждать не пришлось, словно бы прочитав его мысли, малец остановил коня и дождался, когда лошадь барона поравняется с ним. И как всегда он начал издалека.

— Ваша милость, а знаете ли вы, что, свернув направо, мы попадем в Берит?

— Знаю.

— Тогда, — продолжил молодой увереннее, — вам должно быть известно, что в эту пору там подают отменный напиток.

— Нет.

— Вы не знали? — порадовался принц и набрал в грудь побольше воздуха, чтобы красочно описать возможные перспективы отдыха. — А...

— Нет, — ухмыльнулся оборотень, — значит, что мы туда не свернем.

— А... к крепости Тардош? — не унимается щенок и смотрит выжидательно. — Их блудницы помогут скинуть усталость...

— Исключено, — Барон объехал принца, не останавливаясь.

Он вспомнил блудниц в столице и скривился. Вот уж чего-чего, а видеть их повторно ему претит. Откуда бы красавиц ни привезли, все-таки ничего нового от них не дождешься. Своим видом лишь оскомину набили.

Развилка, о которой говорил Гаро, была все ближе и ближе, а принц становится все отчаяннее. Степень его решимости можно было определить не оборачиваясь, лишь по ощущению его взгляда на спине.

— И что на него нашло, откуда такая тяга к приключениям? — пробурчал глава стаи под нос.

— Весна, — пожал плечами, подъехавший Дерек.

— Она уже прошла.

— Вот! — ухмыльнулся Лис. — И он о том же. Весна прошла, а счастья никакого. Пусть он в живых остался, трон не потерял..., но ты запретил балы в столице.

— Не я. А траур.

— Четыре месяца? Вместо одного... — не остался в долгу светловолосый хитрюга и покосился назад. — Дай ему волю, иначе взвоят.

Стафорд нахмурился и поджал губы, размышляя над словами друга. Согласиться или не стоит? Развеемся не помешает никому, но нужно ли это сейчас?

Вот тут от, быстро нагнавшего их, Гаро последовал новый вопрос:

— Ваши милость, скажите, а вы будете против сладкого?

— Смотри, что ты подразумеваешь под сладким... — в голове всплыли медовые губы кареглазки.

— Выпечка, леденцы на палочках, — развеял его иллюзии принц. — Знаете ли, южная столица Дакартии славится своими леденцами.

— Сладкое вредно... — отрубил глава белой стаи.

Отчего-то сразу же вспомнилась швея и ее муж идиот, о котором Лис рассказывал более получаса. Была бы она не на сносях, наведалься бы, посмотреть, что за чудо-женщина его на ноги подняла за сутки.

— И какой смысл заворачивать в Черхи? — рыкнул он. — Мы впустую потратим время.

— Сегодня там поджигают голубое озеро и хороводят, — объяснил мальчишка и уже громче произнес, обращаясь ко всем сразу, — предлагаю посмотреть на их гуляния.

— Зачем?

Гаро поспешил прикрыться мечтой Саира и добавить доводу весомости:

— Для развития культурных ценностей в столице, барон. Вас, возможно, не интересовали такие мелочи до сих пор, но в Адаре единственными развлечениями для жителей и гостей были и остаются неспешные прогулки по парку и походы в картинные галереи.

Малец нашелся быстро, не зря дипломатию последние месяцы осваивал, с улыбкой подумал Белый варвар и шепнул Лису:

— Про охоту в лесу и праздники тела на улице красных фонарей, он явно забыл.

В ответ прозвучало:

— Имеется в виду отдых для общественных масс, а не привилегированных одиночек.

В эти мгновения волки белого братства единодушно поддержали принца, признав, что в столице сущая скукота.

Гаро с улыбкой покосился на Стафорда:

— Поэтому, я уверен, небольшая прогулка в Черхи позволит разгадать хитрости досуга южного города и применить их в столице...

Голос барона заставил его замолчать:

— Налейте самогона в фонтан, а после подожгите его, и вы получите свое голубое озеро.

— Вы упускаете из вида таинство, — не остался в долгу королевский отпрыск. — Человечество испокон веков привлекает неизведанное и непознанное.

— Секрет бытия, к примеру? — вклинился Дерек и подмигнул принцу.

Приобретая в лице Лиса поддержку, щенок воспрял духом и с еще большим энтузиазмом

заговорил.

— И это тоже. Но для большинства такой вопрос слишком сложен. А вот маленькие чудеса всегда были и будут на вес золота.

— Хотите заработать? — осклабился глава стаи.

— Ну... — признаться в детском желании почудачить и порезвиться малец не смог, но за идею уцепился. Поэтому, сев ровнее в седле и придав голосу весомости, он произнес. — Да. И хочу заметить, для культурного развития столицы золото так же необходимо.

Глава белой стаи молчал, заставляя принца с каждым шагом терять надежду, и уже на самой развилке ответил:

— Хорошо, сворачиваем.

На Черхи опустились сизые сумерки. Солнечный диск, медленно гасил последние лучи на крышах домиков, в то время как горожане вовсю поджигали ночные фонарики. Делегация с принцем во Главе въехала в празднично украшенный город через час. А спустя еще десять минут барон уже стоял на крыльце маленького домика с покосившейся крышей. Табличка на двери гласила: «Шью и клею все, от мала до велика!», казалось бы — ура, нашел! Но уж лучше бы Стафорд и далее своей спасительницы в лицо не знал и запаха ее не ощущал. Потому что, его размытые видения в стократ превосходили реальность, и смотреть сейчас на «талантливую рукодельницу» Черхи, было не просто неприятно — противно. Возникал только один вопрос: как он смог проникнуться, каплей признательности к этой сви... женщине?

Маленькая, толстая, ста... взрослая. Стоит в залатанном платье со старыми пятнами, босая и непричесанная и подслеповато щурится поросычьими глазками, которых не видно из-за пухлых щек. Барон скользнул взглядом за спину хозяйки и с удивлением отметил сущий кавардак и грязь.

Рукодельница и нечистоплотная? Тут явно что-то не так. Дерек напутал или я ошибся, озадаченно подумал он.

К ногам женщины с двух сторон прижались дети лет четырех и шести, кроху до года она держала на бедре и, если не шутил Лис, то «девица» через три месяца должна была понести четвертого... или скорее седьмого. По запахам и звукам глава белой стаи определил в доме еще двоих детей.

Плодовитая, тихо фыркнул он.

— Вам кого? — горожанка неприязненно оглядела волка, громко шмыгнув носом.

Болезная.

— Это вы... шьете?

— И клею и шью все, что потребуется, — она кивнула на табличку и заявила с умным видом. — Обратней не обслуживаю.

— Даже, если заплатит хорошо? — с усмешкой поинтересовался Стафорд.

— Хорошо у каждого свое. Мне чем больше, тем лучше.

Ко всему прочему, грубая и жадная особа.

— Плата будет щедрой, — он поставил на каменные перила урыльца две золотые монеты, как раз столько, чтобы полгода кормить двенадцать человек.

— Золото...?! — обрадовалась чумазая малышня и отлепилась от матери.

— Цыц! — она быстро забрала деньги, пришикнула на детей и погнала их в комнаты. — Отцу ни слова!

Затем перекинув младшего с одного бедра на другое, любезно улыбнулась:

— Чего изволите, дорогой?

— Прикосновения, — пояснил барон. И, протянув к ней руку, с удивлением услышал: —

Это что же, пощупать?

Мгновение думал, что показалось.

— Повтори, — попросил он глухо, уже подозревая, как ошибся.

— Потрогать за два золотых? — глазки швеи сально заблестели, а взгляд недвусмысленно устремился ниже предложенной руки. — Всего огладить или в самом горячем месте?

— Прикоснуться к руке, — усмехнулся Стафорд и щелкнул пальцами перед раскрасневшимся лицом «спасительницы».

Латающая раны на пояснение не отреагировала. Но уже потянулась ощупать предполагаемое ею место.

— Где-где?

— Все ясно, — рыкнул оборотень, спугнув «швею». Он развернулся и, оставив толстуху с протянутой рукой, растворился в ночи.

— Проклятье!

Ну, Лис, подожди...

— Кого я вижу!

За прошедший день это восклицание мне уже порядком надоело. Оказалось, что на ярмарочную неделю из Берита приехала не одна Патайя, а половина города. До сих пор все они разбредались по южной столице Дакартии, а вот сегодня в одном месте собрались. И дело не в желаниях, которые можно загадать, а в озере. Потому что поджигают его раз в пять лет. Не стань я знатной добычей в городе Сурового, меня бы никто не заметил. А если уж прославилась, то каждый парень из тамошних, завидев меня, спешил поприветствовать, а заодно и на прогулку пригласить. Для первых двадцати знакомых, слов для отказа еще хватало, для остальных уже не находилось. И только я на несколько шагов от Патайи и Элийи, как опять кому-то на глаза попалась.

— Аришка, ты?

Обернулась резко и факелом чуть парня не обожгла. Глаза напротив светятся весельем, а челка Его Величества медленно тлеет из-за застрявшего в волосах уголька.

— Гаро?! — от удивления я взмахнула руками и вновь кого-то чуть не обожгла.

— Тише-тише... Иначе не доживем до коронации ни он, ни я. — У меня мягко отобрали факел. — Дай мне, пока ты кого-нибудь всерьез не подожгла.

Повернулась, столкнувшись нос к носу со светловолосым гибким оборотнем, воскликнула:

— Дерек!

— Добрый вечер, — отстраненно поздоровался он и холодно взглянул сверху вниз. — Как поживаешь?

— Это ты!? Боже, как я рада тебя видеть. — Я повисла на его шее и лишь через несколько мгновений отступила, осуждающе покачав головой. — Похудел, осунулся...

— Нас взащей гоняют по Дакартии, — комично всхлипнул хитрый Лис и коварно

прищурился. — Говоришь, рада, а по твоим письмам так не скажешь.

— Прости...

— Может, объяснишь, почему вдруг такие изменения. С каких пор я заслужил две неблагодарные строчки?

Щелкнул меня по носу и улыбнулся, заразительно, как только он умеет. Пришлось уклончиво ответить:

— Мне показалось, что эти сообщения видишь не только ты...

— Я так и понял, — вздохнул оборотень.

Степенное согласие волка меня не на шутку раззадорило:

— Так это правда? — уперла я руки в боки.

— Прости, малыш, но Стафорд периодически проявляет яростную заботу о тех, кто ему дорог.

Весь пыл пропал. Да уж, так бояться о сохранности клинка может только Белый варвар. Подумал, что за бесеками уйду, вот и помог. А чтобы в облаках не витала, еще и настропалил.

— Не кривись, — вперед выступил будущий король Дакартии. Уголек из волос он уже стряхнул теперь пах жженным пером. — Могу подтвердить, что делает барон это не зря.

— И запугивает не зря?

— А как иначе? Без подобных манипуляций трудно совладать с сильнейшими людьми. — Улыбнулся Гаро, явно причисляя к ним себя — А теперь... — насупился он, — я дождусь своего обьятия или так и останусь обделенным?

Посмотрел с прищуром и попытался прищучить, обвиняя:

— Во время болезни ты обещала.

— Не припоминаю.

— Потом вспомнишь, — отмахнулся он, — а сейчас не бойсь... — шагнул вперед и сам меня ворчливо обнял. — Да что ж такое, все приходится самому да самому.

Я рассмеялась, похлопав его по плечу, и получила королевский поцелуй в щечку и ехидную реплику Лиса:

— Ариш, пока вспоминаешь обещанное, придуши Его Высочество немного, чтобы сбить спесь. Это он нас в Черхи приволок.

Отступила с усмешкой:

— И все вы сопротивлялись?

— Только барон.

— Его милость здесь? — сердце замерло, спросила испуганно.

— Здесь, — ответил довольный Гаро.

— В пещерах? — вздрогнула и попятилась к стене, взволнованно оглядываясь по сторонам. А может, еще не поздно и можно убежать?

— Нет. Сюда он еще не спускался, — сообщил Лис, лукаво глядя на мое волнение, — предположительно сейчас он ищет лучшую швею южного города.

— Он знает, что я...? То есть, что она... — волк помотал головой, а принц удивленно на меня воззрился. Я же вздохнула свободнее. — Ну, если так, если уже тут, то... Гаро, Дерек вы меня не встретили и не...

Светлоголовый хитрюга, приобняв за талию и отлепив от стены, произнес:

— Не видели, не слышали и желания с тобой не загадывали. Помним-помним! А теперь пошли, иначе все пройдет без нас.

— Лис, я лучше домой...

Мое возмущение потонуло в его довольном смехе.

— Нет, такое пропускать нельзя! Нужно спуститься, посмотреть на каменных богов, поджечь знаменитое озеро, а еще загадать желание у Глотки Беса.

Только заявила, что желаний у меня нет, как принц ответил, что такого не может быть, а оборотень добавил:

— Например, чтобы барон тебе не встретился... сегодня. Или наоборот, чтобы сегодня ты встретила свою любовь. В пещерах или в хороводе... — он подмигнул и указал на участок лестницы этажом ниже. — К тому же тебя внизу уже заждались.

Дерек помахал младшей Суро и крикнул:

— Патайя, я за ней прослежу.

— Хорошо, — откликнулась та.

Я недоверчиво посмотрела на сущую беззаботность своих сопровождающих, которые легко отдали меня оборотню, и обратилась к Лису:

— Вы знакомы?

— Пришлось познакомиться, ты же нормально на письма не отвечала.

— Другими словами — привычка проявлять яростную заботу о тех, кто дорог имеется не только у барона?

Он ответил с улыбкой:

— Забыл уточнить, это решение так же принадлежало Стафорду.

Барону? Ах, ну да, как не волноваться, клинок-то у меня.

Лестница к пещерам уходила вниз по внешней стороне скалы, кое-где обрываясь смотровыми террасами, а потом углублялась в каменную толщ, она стремилась к подземному морю. Полые столбы известковых стоек и пещеристые своды блестели капельками воды, и всполохи факелов, отражаясь, создавали в них искрящиеся подвижные узоры. Широкие пролеты каменных ступеней все чаще прерывались площадками со скамьями и бадьями чистой воды. Те, кто спешил скорее добраться к пропасти желаний и не рассчитал свои силы, отдыхали здесь. Мы же неторопливо спускались вниз и потому группы прихожан, что ранее нас обогнали, теперь сидя у стен, внимательно разглядывали. Многие из них Беритцы, они приветствовали меня, но недружелюбно косили взглядом на Лиса и будущего короля.

— В городе Сурового опять начнутся сплетни, — Дерек, говорил улыбаясь. — Предлагаю во всем винить меня или же Его Высочество.

— Винить буду только тебя.

— Почему? — возмутился он искренне.

— Потому что Гаро мне ничего плохого не сделал.

— И чем я провинился? — вздохнул Лис с досадой.

— А я благодаря оборотням на собственной шкуре узнала, каково это быть добычей.

— Какой добычей? — не понял принц.

За меня ответил Дерек, весело и как бы шутя:

— Загнанной в угол, зависшей над обрывом, бегущей от погони...

— А теперь еще и пойманной в капкан, — добавила, сердито указав на руки, удерживающие меня.

— Никогда не думал, что у меня такая железная хватка, — игриво хмыкнул Лис, — ты мне льстишь, Аришка.

— Дерек!

— Хорошо-хорошо. Как только волк появится на горизонте, я тебя отпущу, — под моим хмурым взглядом он приложил свободную руку к груди и вдохновенно заверил. — Даю слово.

Нехотя согласилась:

— Верю на слово.

— Стоило поторговаться и сделать уточнения, — нравоучительно прошептал Гаро.

Хорошая мысль, но оборотень мне этого не позволил. С довольным видом утянул за собой вниз по лестнице, приговаривая:

— Скорей! Скорей!

От так спешил, что Глотка Беса мне совсем не запомнилась, да и момент, когда голубое озеро вспыхнуло искрами и загорелось синим пламенем, я упустила. Зато на огонь насмотрелась вдоволь. Очищающий он какой-то. Прошли тревоги и боязнь отступила. Тишина и спокойствие накрыли с головой. Хорошо.

— Ты опять молишься? — разрушил идиллию Дерек. — Застыла, как у глотки Беса.

— Лис, там я желания загадывала.

— Сложные?

— Простые. Чтобы все было хорошо, чтобы все были счастливы и здоровы, а затем поименно называла тех, кто мне дорог, близок и знаком.

— И мы там были озвучены? — ухмыльнулся Гаро. Я кивнула.

— И о бароне не забыла, — поинтересовался Лис, подступая ближе.

— Ему пожелала крепкого здоровья.

— А для себя?

— Маленькое счастье.

— Почему маленькое? — изумился принц. — Хорошему человеку положено большое.

— Чтобы оно выросло и стало большим пребольшим. Я знаю, чего хочу. — Посмотрела на ребенка, засыпающего на плече родителя, прошептала тихо. — Одного боюсь, что не получу этого.

— А ну... почему не получишь? — Дерек проследил за моим взглядом и хитро улыбнулся. — Стоит всего лишь обратиться за помощью. Дело-то плевое. — И вдруг серьезно заявил. — Только выбор должен быть правильным.

— Ты о Варосе вспомнил? — нахмурилась я.

— Не только. Говорят, в Берите от тебя парни не отстают, и одному из них ты только что улыбалась. — Я рассмеялась его словам, потому что лишь мельком взглянула на знакомое лицо.

— Вот зря ты думаешь, что я шучу. Вдовец Терентий не подходит.

— Глупости.

Оборотень насупился для вида и на полном серьезе заявил:

— Худое племя, плохое семя. Ой, да не красней ты, как незамужняя. Пошл скорее.

Вот теперь он спешил на танцы, объясняя это тем, что в стае таких празднеств давно не было, ибо совершаются они лишь в день рождения альфы. А Стафорд будучи главой стаи о возрасте знать не желает, посему запретил свой день отмечать.

— Нам только и осталось, что свадьбы, да охота, но этого мало.

Объяснял это Лис, утягивая меня на площадь. Благо до нее было рукой подать, ибо спустившись по пещерам к пропасти, а затем, завернув к озеру, мы оказались всего лишь в

пятистах метрах от самого города. А над центральной площадью уже загорелись красные факелы.

— Вот! — возликовал оборотень, — пары строятся в хороводы. Бежим!

Что-то не понравился мне его голос, да и взгляд у него слишком радостный. Я остановилась:

— Дерек, вначале проводи меня домой.

— И ты оставишь нас без пары? — хитрюга оборотень указал на Гаро и себя: — А как же тот вдовец? Ариш, если очень хочешь, я рассчитаю так, чтобы ты станешь его парой на втором кругу.

— Или третьем, когда партнера девушки целуют, — добавил принц с загадочным огоньком во взоре.

— Не стоит, — возмутилась я. — Еще неправильно поймет, что я потом делать буду.

— Тогда потанцуешь с понимающими, — ответили они мне.

Глазом моргнуть не успела, оказалась на площади в третьем кругу под руку с Гаро.

Патайя рассказывала, что это прекрасная традиция. И пусть в Черхи она многократно упрощена, зато является самой романтичной. Вместо пяти кругов из танцующих пар, здесь только три. Кружатся они в сторону противоположную соседнему ряду и с таким расчетом количества пар и их движений, что когда музыка останавливается, партнеры меняются танцующими. Так если ты был в третьем ряду, то к концу хоровода оказываешься в первом, и наоборот. А вот те, кто начинал хоровод во втором, возвращаются во второй. В прошлом году Патайя в танце встретила своего Саттори. Ради знакомства он нарушил все правила и не отступал от нее ни на шаг.

Сегодня же для пущего таинства добавлена еще одна деталь — повязки. В честь полнолуния один из танцующих в паре всегда ведомый, а второй ведет.

— Не волнуйся, — шепнул принц, когда я завязывала его глаза платком, — попадешь к Дереку.

И наперекор всем традициям повел меня в танце.

— Ваше Вы...

— Прости, забыл, — венценосный тут же отдался на волю «зрячего» и с бесшабашной улыбкой попросил. — Глянь, кто танцует в первом ряду через три пары от нас.

— Зачем?

— Хочу узнать, попадется ли мне красotka.

— Вот как? — улыбнулась, и внимательнее посмотрела на пару. — Она мила.

— А теперь во втором ряду, через шесть пар...

— Тоже, — поспешила его заверить, и чуть ли не сбилась со счета. Брюнет, замеченный мной среди танцующих, показался опасно знакомым. Тот же профиль, разворот плеч и звериная грация...

— Что случилось? — забеспокоился принц, крепче сжав мою ладошку.

— Ничего. Просто споткнулась.

Напомнила себе, что в свете факелов сходство мужчины с бароном может быть обманом зрения. И нет ничего зазорного в том, что я вижу Белого варвара в каждом втором. По правде сказать, от широкоплечих брюнетов я шарахаюсь в сторону до сих пор по непонятной причине, они же не оборотни.

Круг закончился, музыка затихла.

— Твоя очередь, — произнес с улыбкой принц, и повязка Гаро оказалась у меня. — А

теперь иди.

Он отпустил, подтолкнув влево. Шаг, второй, третий, оборот и я оказалась в руках оборотня.

— Привет, малышка, прекрасно выглядишь, — весело сообщил Лис и добавил тише, — твоим глазам очень идет черный цвет.

— Спасибо.

Заиграл веселый мотив, и он повел нашу пару легко и непринужденно. И я повиновалась его движениям, вверив себя в крепкие руки волка. Поворот, три шага, смена рук, идем наперерез друг другу. Меняемся местами. Почти постоянно ощущая его руку меж лопаток, иду уверенно, не спотыкаюсь и точно знаю, он отслеживает каждый мой шаг и каждое движение.

Несколько минут танцевали в молчании, прежде чем он вновь заговорил. Подумала, что сын ночи сейчас, как Гаро, спросит, кто станет его партнершей в следующем кругу, но ошиблась.

— Итак, что ты решила относительно партнера, — прошептал у самого уха.

— Не нужно меня передавать тому вдовцу...

— Я не об этом партнере, — фыркнул Дерек. — Я о дарителе говорю.

— Не понимаю.

Он тихо рассмеялся, не поверил, но решил подыграть.

— А разве ты не знаешь, что маленькое счастье без... особого подарка на свет не появится.

— Знаю, — щеки заалели моментально. — Но я потом как-нибудь...

Другого ответа не нашла. А как еще сказать, что ребенка хочу, а мужчину нет? Я за последние месяцы на Беритских мужиков в портках и без них насмотрелась на две жизни вперед. И не тянет ни к кому. Да и в слова их с трудом верится. Точнее сказать, не верю совсем.

— Жаль, — вздохнул притворно, — я как раз нашел хороший образчик. Но если ты против...

— Против!

— В таком случае... — музыка замерла на высокой ноте и оттого слова волка прозвучали особенно дерзко, — я тебя отпускаю.

— Дерек?!

В следующее мгновение я оказалась без повязки перед новым танцором. Голос пропал, ноги подкосились, и я, дрогнув от ужаса, упала в объятия Белого варвара.

Храни меня, Боже!

— Тише-тише. Откуда столько страха? — он улыбнулся и голову наклонил. Только сейчас увидела плотную повязку на глазах главы белой стаи. Слава Богу, он танцует и не специально меня поджидал.

— Не кусаюсь... — добавил оборотень глубокомысленно, — не тянет, пока.

Сжавшись в его руках, трясусь, но молчу. Уговариваю себя успокоиться и не дрожать, а все не выходит. Пусть я рубашку, пропитанную ирдом все так же ношу, пусть парфюмерии не приемлю, и не пользуюсь бальзамом, приготовленным на меду и розе, но все равно страшно. Ведь он сказал, что меня запомнил и тело на ощупь, и кожу на вкус.

— Ты почему молчишь? — любопытствовал барон, отстраняясь.

Всевышний умоляю, только бы повязку не снял, только бы не понял, кто перед ним, не

учуял, не догадался!

— Немая?

— Угу, — кое-как перестала на него опираться, выпрямилась.

— А танцевать можешь?

Отказаться страшно, а потому «охотно» соглашаюсь:

— Угу!

— Тогда веди, — милостиво разрешили мне.

Нервно оглянулась и с удивлением обнаружила себя во втором кругу, хотя должна была перейти в центр хороводов. Что же это получается? Дерек меня подставил или его самого обставили?

Незадачливого оборотня с глазами блюдцами я увидела в стороне, прижатым к полной даме в первом кругу. Заметив, с кем я стою, он прошептал одними губами: «Прости». Его союзник, Гаро обнаружился в третьем хороводе с отнюдь непривлекательной девицей, повисшей на нем. «Спасите!» кричал весь его вид, но он стойко держался. А волк еще смел, хвастать, что может все просчитать. Да, им явно кто-то помог ошибиться.

Началась музыка, из раздумий меня вырвал вопрос партнера:

— Ты что, еще и глухая?

Волк решительным движением потянулся к глазам, я же с перепугу хватанула его за руку:

— Нууууку!

— Рад слышать.

Правду говорят, что страх высвобождает огромную силу и позволяет совершить не просто опасное, а невозможное. После слов барона я решительно повела оборотня в танце, повторяя все движения Дерекса. И прикасалась точно так же, как он: ненавящево к спине меж лопаток и к руке. Поворот, три шага, смена рук, идем наперерез друг другу. Меняемся местами. Во все время танца дышу через раз, близко не подхожу и глаза на барона не поднимаю, но что-то мне подсказывает, что он улыбается.

Вздрогнула от догадки и тут же от нее отмахнулась. Нет-нет! Глава белой стаи меня не узнал, и я сделаю все, чтобы еще и не увидел.

— Дрожишь, — заметил он, и я чуть было не ответила, что мне холодно. Не признаваться же, что до потери сознания боюсь.

— Нуууку...

Хмыкнул, в танце обошел по кругу и, сбросив легкую жилетку с плеч, укутал в нее меня.

— Потом вернешь.

— Угу, — и потом тоже.

Я уже просчитала два пути отступления, мысленно приготовилась сбежать и дождалась нужного аккорда, как друг он заключил меня в объятия и сам повел. Спросил с усмешкой:

— Куда? А поцелуй.

Утратила дар речи и отчаянно помотала головой. Нет-нет-нет! Только не это!

— Традицию нарушать нельзя, — хохотнул оборотень, и когда музыка смолкла, он наклоняясь ко мне, издевательски протянул: — Ууууу...

Неужто копирует немое возмущение? Надеется, что испугаюсь, да ни за что!

Не струсил... Поцеловала.

Жарко страстно, заставляя забыть, кто ты и где находишься, пожелать большего и пожалеть о многом. В глазах замерцали круги, дыхание сбилось, тело загорелось. А нежный призрачный видений, юркнув вниз, улизнул из объятий, а затем и из круга. Она оставила на память его жилетку с тонким запахом ириса и вкус ненасытного поцелуя со сладостью карамели.

Найти девушку в Черхи теперь было проще простого, и он сделал бы это, не объявись рядом настороженный Лис и возмущенный Гаро. Последний посмел не только преградить путь, но и заявить непререкаемым тоном, чтобы я более не целовал...

В голове потемнело.

— Повторите, — глухой рык заставил отступить Дерога, но не Его Высочество.

— Леди Данари Айсакирри в девичестве моя любовница. Попрошу впредь в ее присутствии держать себя в руках.

— Что?!

— Я понимаю, вашу благодарность за ее помощь весной, — мягче произнес венценосный, — но...

— Врешь! — наплевав на титулы, рявкнул Стафорд и, оказался перед принцем лицом к лицу, желая при первом же проблеске неуверенности и внутреннего страха, разорвать щенка.

Но он ответил твердо:

— Ваша правая рука подтвердит, что в ту ночь я вызвал ее к вашей постели. И запретил раскрывать тайну имени. Леди замужем.

— И что?

— И я не хочу бросать тень на ее светлый образ. В Черхи она приехала по моему монаршему капризу. — Здесь он сделал паузу и с улыбкой продолжил. — Ари предана мужу, как не многие из женщин.

Не осталось сомнений в том, что ею он командует при помощи угрозы.

Да, обнимая молодую женщину Стафорд среди прочих ароматов, учуял исходящий от нее запах принца и Лиса, но не смотрел на это в таком разрезе. В потоке людей столкнуться можно с кем угодно, разве не так?

Оборотень поджал губы и скривился:

— Ну, если она верна королю так же, как и мужу, то нет сомнений в том, что это ненадолго.

— Я был бы счастлив, заполучить в жены такую, как Ари. Но она отказала мне в этом. — Гаро усмехнулся, чем напомнил своего отца. Лицо Гневного Табира искажала такая же гримаса, когда он входил из пыточной, смолкнувшей мертвой тишиной.

— Правда не смеет отказывать в другом... — протянул щенок.

Раньше Дерек медлил с ответным броском, сейчас же загородил собой мелкого выродка и выставил вперед руки. Не контролируя Стафорд своего волка, лежал бы Лис у ног барона и захлебывался бы собственной кровью.

— Это правда. Мой барон, прошу простить за ложь...

Злобный взгляд варвара заледенел, он с трудом отдернул руку, измененную оборотом, от лица друга. Женщины худший повод для драки, если она не является супругой, матерью

или сестрой. И Белый варвар никогда бы не вступился за недостойную, но сейчас... Что-то поднялось в душе, затмевая рассудок и срывая все внутренние стены. Всплеск ярости смутил и разозлил одновременно. Он уже давно не мальчик, и этого не должно было произойти. Распустился. Но более всего задевала правдивая ложь Лиса и внутреннее раскаяние, отчетливо звучащее в каждом слове.

Кто же она?

Стафорд на мгновение прикрыл глаза, восстанавливая картину произошедшего. Он искал хитрюгу оборотня и, пройдя по его следам, вышел к площади. Танцевать и в мыслях не было, пока он не уловил легкое волнение. Такое знакомое, такое тревожное. Оно быстро вспыхнуло и угасло, как падающая звезда, но отбило всякое желание искать хитрюгу Лиса. Где-то здесь была та самая «швея», и барон это чувствовал. В круг вошел на втором этапе хоровода, тут же оказался с повязкой на глазах. Странное дело, «ослепленным» он нашел девушку быстрее, чем зрячим, а затем легко просчитал, как оказаться подле нее и занять место следующего партнера. Смена музыки и вот призрачное создание рядом, напугана, изумлена, молчит, но не сбегает...

Что ж погоня завершена, добыча схвачена, но вкус победы оказался горек.

В это мгновение издали послышался протяжное рычание рыси. Призыв вожака белой стаи варвар распознал в нем легко, поморщился. Вот и наступил конец отдыху. Не прошло трех дней, как новые проблемы заявили о себе.

— Договорим потом, — бросил он и развернулся, чтобы уйти.

— Барон, я... — начал говорить Лис, но был им прерван.

— Вернитесь в таверну. Немедленно.

Уходя далеко от хора счастливых голосов, оборотень уловил последние слова расстроенного Дерека: «Не стоило...», и сухой ответ принца: «Стоило. Она не хотела его знать», далее прозвучало совсем уж тихое предупреждение королевского щенка: «И если на то были причины, то ты остался крайним».

Рысь поджидала его, затаившись на дереве.

Сунния была сыта и довольна жизнью, об этом говорили не только лоснящаяся шкура и мерцающие довольством глаза, но и урчание более похожее на рокот. За последние восемнадцать лет, это третья встреча, и как прошлые две хорошего ждать от нее не приходится.

Много времени утекло с момента их знакомства, но он до сих пор помнит худую изможденную, грязную кошку, которая от боли не могла даже стонать. Той дождливой осенью стая серых забрела в мертвые леса и осела в непростительной близости от Равийских территорий. В герцогстве проходила очередная зачистка лесов. Безумец Сербо вождь стаи с наслаждением смотрел, как скованных цепями оборотней люди загоняют в горящий ров. Его не смущали ни крики, ни вой, ни запах жженой шкуры. Оборотень сожалел, что родился волком, так бы с радостью поучаствовать в облаве. Но письма к герцогу умалишенный глупец все же посылал и через прихвостня Расга предлагал свои услуги в нелегком деле отлова оборотней одиночек. Кому, как не сыну ночи искать: рысей, медведей, барсов и лисиц?

Золото манило старого не хуже течи. Будь его воля, он отдал бы на растерзание негодных волков из собственной стаи. А потому его взгляд так и скользил по собратьям выискивая провинившихся, но не раскаявшихся и часто тормозил на Стафорде.

Щенок четырнадцати лет с трудом скрывал, что нашел кое-кого в старой норе барсука под корнями раскидистого дуба. Истощенная и измученная рысь. Она не могла пройти оборот из-за глубоких ран, ничего не видела и только мычала в ответ. Не зная, как прийти ей на выручку и с чего начать, молодой щенок два дня выпрашивал сведения об уходе и целый месяц среди ночи спешил на помощь. Его поймали спустя месяц и для начала устроили взбучку. Юнец пытался защищаться, но получив по загривку, решил сбежать. Ни того ни другого ему не дали. Сербо уже заволокла жажда смерти, в отсутствие брата и отца, мальчишку избили до полусмерти, а после приволокли к барсучьей норе. Сомнений не было, если рысь найдут, их обоих бросят в ров, проси не проси пощады не будет.

А он на нее и не рассчитывал. Уткнувшись лицом в землю, покрытую сырым листом, сын-ночи ждал, когда собратья вытащат на свет едва окрепшую кошку с парой проплешин вдоль шрамов на животе и груди. Оборот ей был все еще неподвластен, но имя свое она написала. Сунния Рожея дочь рыси, сестра человека одиночка из Ларвии, забредшая не в то время не в тот лес. Мысленно щенок уже попросил у нее прощения. Вслух произнести бы не смог, да и не потребовалось — волки вернулись ни с чем. Побродив вокруг, они так и не нашли следов Стафорда. Что было удивительно.

Ошрамованный Расг принес отцу полуживого мальчишку и дорогие извинения от жоака. А уходя, напоследок бросил, что в следующий раз щенок не отвертится от расправы и пусть не надеется на кровные узы с главой стаи, племянник или нет, но гореть он будет. Отец... ответил, что пацан вначале получит ремня, а уж потом акт сожжения заживо. И как наяву вспомнилась его слова: «Когда же ты, глупый, повзрослеешь и поймешь, что один в поле не воин? Неужели гибель оборотней-одиночек ничему тебя не научила?»

Понимание «стая это сила» пришло не сразу, но запомнилось на всю оставшуюся, когда Стафорду показали пятнадцать выживших одиночек. Отец, брат и еще трое серых значительно преуспели в спасении оборотней и даже чуток окрепшую Суннию вовремя вынесли из норы.

Она была старше вдвое, к тому же кошка, но о гордости не вспомнила, поклялась служить молодому оборотню и предупреждать об опасности. Именно ее подсказка позволила спасти мать и сестру от расправы серых. А сама она спутала след и увела погоню за собой, чтобы у мальчишки и оставшихся в живых волчиц был шанс на свободу. Ту возможность семнадцатилетний щенок использовал напропалую, хоть до последнего не верил в успех.

Прошлое ее появление перевернуло всю его жизнь, что же она поведает сейчас?

Следуя старой привычке, оборотница не спешила раскрывать причину своего зова. Привстала, прогибаясь в спине, и наклонила голову набок:

— Ты изменился.

— Получил титул и стаю волков в полное свое распоряжение, — ответил глухо.

— И недоброе прозвище со времен войны.

Ее ирония ничуть его не разозлила, усмехнулся:

— Своеобразный шарм военных лет.

— С тех времен прошел не один год, а выглядишь ты не лучшим образом.

— Рад, что у тебя все наладилось, — ответил он, указав на довольный рысий вид. Ранее

Стафорд бы запрыгнул на ветку и заставил оборотницу подвинуться, но сегодня ограничился лишь дружеским кивком и остался внизу. — Что привело тебя в южную столицу Дакартии?

— Слухи.

— Они пробрались в самое герцогство Равии?

— Самые интересные из них пробрались, — мурлыкнула кошка, поднимаясь на лапы.

— А ты их собираешь?

— Правдоподобные, да.

В следующее мгновение стройная женщина в бежевом охотничьем костюме оказалась подле барона. Рыжая как лисица, с серыми, почти белесыми глазами, резко выступающими скулами и высоким лбом. Она не могла похвастаться природной красотой. Но ровно до тех пор, пока ее лицо не озаряла счастливая улыбка.

Правда, улыбку ее оборотень вряд ли дождется, кусая тонкие губы, Сунния смотрела с осуждением.

— Глупый мальчишка. Как ты мог выйти один против серых?

— Легко. Я шел против ошметков стаи, а не всего братства.

— Легко..., ошметков? — спросила рысь, эхом повторив его слова.

Мягко прикоснулась к тонкому шраму, оставшемуся на щеке оборотня и придирчиво осмотрела исполосованную шею. Он стойко выдержал молчаливое сочувствие, но жалеть не позволил. Перехватив ее руку на своей груди, пояснил:

— Мы сравнили серое братство с черными. И надо дать им должное, они мало что оставили, друг от друга.

— Слухи не лгут?! — она сжала его ладонь, произнесла недоверчиво. — Ты прошел против двух стай.

— И я справился, — Белый варвар горделиво вскинул подбородок, и с весельем посмотрел на рассерженную кошку. — Похвалишь?

— Для начала научи своего щенка смирению, — фыркнула рыжая, ткнув в него пальцем. — Стаф, ты попросту подорвал свои силы... и раскрыл возможности.

— Восстанавливаюсь я быстро, — холодно заметил он. — О возможностях Сербо и ранее догадывался, поэтому травил.

Она кивнула своим мыслям.

— Да, но сейчас ты не настолько крепок, чтобы справиться с противником, — грустно улыбнулась. — Не знаю, кто подсказал свернуть в Черхи, но чтобы уйти от двух сотен вы выбрали правильный путь.

Облава? Здесь? Стафорд был к ней готов и в то же так скоро не ожидал. Надо бы поблагодарить принца за его каприз, он скрипнул зубами. Еще раз доведет до белого каления, не убью, а просто покалечу!

— Где они? — варвар требовательно посмотрел на кошку.

— На подступах к развилке дороги. Двигутся быстро, но вы должны успеть.

Просчитав время и возможные пути отступления, оборотень нахмурился. Выбор был невелик и без боя уйти не удастся. Но кто выстоит против двух сотен? Особенно теперь, когда глава белой стаи слабее некуда.

— Успеем? Интересно, — глухо произнес он, — и как ты себе это представляешь?

— Уходите через пещеры. И...

— Что? — насторожился.

— Пусть Дерек возьмет у твоей невидимки бесцветный настой.

Непонимающе воззрился на рысь:

— Невидимка?

— Не делай вид, что не знаешь, о ком я говорю. Из-за нее ты смешал хороводы.

— Нет, там была другая. Откуда у нее...

— Другая или нет, у нее есть то, что нужно, — рыжая усмехнулась и потрепала Стафорда по щеке. — Не стой на месте. Торопись.

В следующий миг, рядом треснула ветка и Сунния бесшумно растворилась в ночи.

Вернувшись в город, он первым делом решил уточнить, что именно связывает так называемую Невидимку и принца Гаро, для чего поймал в харчевне министра иностранных дел. Ивен Нильский нашелся в питейном зале таверны семейства Умогор. Дерек выбрал это заведение для ночевки по двум причинам, во-первых: таверна расположена в центре города, во-вторых: самая чистая и просторная из всех, и в-третьих: о том, что она принадлежит сестре Датога Суро, Лис заикнулся только после въезда, и то вскользь.

— Ба-ба-роон?! — проблеял Ивен заплетающимся языком. — Что Вы хотели?

Вот что для человека значит — расслабиться, упиться вдрызг и заснуть лицом в гарнире. Стафорд фыркнул, лучше бы этот слуга народа два часа метал ножи или колол дрова. Во втором случае совершил бы три хороших дела разом: натренировал дряблые руки, сделал заготовку дров на зиму и снял напряжение. Но нет, они сложных путей не ищут.

Схватив чахлого мужчину за шиворот, барон легко выудил его из-за стола, пронес на кухню и там головой опустил в бадью с холодной водой.

— Очнулись?! — поинтересовался он, вытащив дакартца из воды.

— Н-не...

Мокнул еще раз, удержав подольше:

— А теперь? — зло спросил он.

— Да! Ваша Милость, пустите!

— Вначале ответьте, что связывает леди Данари Айсакирри с принцем?

Удивительно, но пьяного вида мужчина вдруг отрезвел на глазах. В выражении лица появилась осмысленность и злость, руки сжались в кулаки, шея побагровела.

— Ничего хорошего! — прошипел Ивен сквозь зубы.

— Что вы имеете в виду?

— Эта женщина, будучи в замужестве, пыталась привязать Его Высочество черным приворотом! — он резким движением стер с лица воду.

Какая нелепость. Оборотень фыркнул, брезгливо сморщив нос. Привороты и прочая глупость для охмурения привлекают только наивных дур с лишним золотом в кармане. И их потуги в ворожбе куда менее действенны, чем простое заявление: «Я тебя приворожила, теперь ты мой!» Тут хоть интерес появляется, что за краля на тебя потратилась и как далеко в своем желании она может зайти.

— Вы все еще пьяны? — усмехнулся барон.

— Не смешно, — прохрипел министр и прочистив горло, сообщил: — Все мы так же поддались заблуждениям, глядя в ее невинные глаза. С ритуалом она не спешила, вначале зареклась вечной дружбой и получила его локон, затем в шутку начала искать венценосному

невест и для улучшенного поиска попросила несколько капель крови.

Стафорду отчаянно не хотелось думать о том, что плутовка-врачевательница могла взять его локон, кровь и без зазрения совести использовать в своих целях. И он с остервенением гнал от себя мысль, что привязанность к неизвестной вызвана проклятым приворотом.

— Что было дальше?

— Король прознал... вовремя.

— Казнили, — ни секунды не сомневаясь, в гневе Табира IV, произнес оборотень. Кто знает, быть может, принц во всем соврал и это совсем другая «швея».

— Нет, — министр с сожалением развеял его надежду, — в счет заслуг ее супруга и лекарских навыков самой леди Домини интриганку оставили в живых. Ограничились выдворением из столицы и запретом на проживание в провинциях Адара.

Стафорд скрипнул зебами:

— Проклятье!

— Вы не были при дворе, но я уверен, что отголоски скандала вокруг семьи виконта Роджера Домини докатились и к лесам оборотней, — деликатно заметил Ивен.

Докатились. Глава белой стаи детально вспомнил и скандал, и последующие пересуды, тонкие нюансы в отношении семьи виконта, и письмо Проклятого Короля с указом проследить за переселением супружеской четы в провинцию Южной столицы. Оборотень мысленно взвыл, вспомнив расчетливую, темноволосую пигалицу и ее мужа-старика.

— Лисица в овечьей шкуре и слепой индюк!

— Вижу, вы с ней тоже знакомы.

— Видел когда-то... Как она муженька до сих пор не сожрала?

Министр сглотнул и пролепетал:

— Леди овдовела через месяц после переезда.

И все это время жила под Черхи, Стафорд чертыхнулся. Следовало догадаться, почему именно сюда рвался Гаро, ненавязчиво предлагая остановиться после визитов в приграничные города с Ларвией. А Дерек до сего дня постоянно находил причины свернуть к другому городу. Он знал или догадывался! Бесов Лис! Барон ударил кулаком в стену над головой министра. Камень крошкой осыпался вниз, и где-то в зале таверны послышались проклятья с южным выговором.

— Они общаются?

— Кто? — напуганный мужчина сел на скамью рядом с бадьей и опасно воззрился на оборотня.

— Гаро и эта Данари.

— Ари... — министр произнес укороченный вариант имени и удивленно воззрился на сына ночи. — А Вы разве не знаете...? — под тяжелым взглядом главы стаи, Ивен стушевался и сообщил срывающимся голосом: — Она приезжает по первому зову Гаро, куда бы он ни звал.

— И как часто он зовет леди к себе? — гневно прищурился барон, уже предполагая, что сейчас услышит.

Ответ прозвучал уклончиво, но дал общее представление о слепой привязанности высокородного щенка:

— Она может знать обо всех передвижениях принца...

— Вы хотите сказать, что все облавы устроенные на нашем пути могут быть из-за нее?

— П-прос-ти-те... — Ивен Нильский побледнел, — какие облавы?

— Никакие! Собирайтесь, мы уезжаем.

И не давая более никаких разъяснений, поднялся наверх в снятые на ночь комнаты.

Действительно, о каких нападениях может идти речь, если оборотни со всеми засадами справлялись до того, как дипломатическая делегация с Гаро во главе появлялась на горизонте. Любая поездка из столицы сопровождалась тремя, а то и пятью засадами в труднопроходимых участках или густонаселенных пунктах, где нападающие могли скрыться в толпе. Горных наемников среди них не было, однако с лихвой хватало степных и пустынных. Вагхи и осары хитры и расчетливы, но не настолько, чтобы скрыть свой собственный запах. Хотя их самообладание было поистине удивительным, им удавалось медитацией достичь чистого сердцебиения, без перебоев и скачков, даже если они клинок по рукоять вогнали в жертву. Так что находить схроны наемников, ворошить ловушки и отлавливать непутевых охотников, бегущих на «жертву» до сих пор было интересно и азартно.

И только сегодняшнее количество охотников внушает уважение к преследователям. Наконец-то додумались собраться в кучу и правильно организовать облаву. И нет сомнений, что среди них большинство оборотни, иначе бы Сун, не появилась.

Поднимаясь по лестнице, он рыком отдал своим собратья приказ к сборам, намекнув, что собирать нужно и дипломатов. Затем изменив тональность, позвал Дереха за собой. Через миг Лис уже стоял рядом:

— Слушаю, мой барон.

— Найди гадину Данари и заberi у нее бесцветный настой.

— Гадину?

— Можно назвать и жестче, из-за этой твари у нас на хвосте две сотни оборотней, — он усмехнулся, глядя на вытянувшееся лицо друга, и, мягко постучав, ворвался в апартаменты принца. Сил не рассчитал, дверь слетела с петель. Перепуганный Гаро в исподней рубахе и портках кинулся к открытому окну. Где и был схвачен.

— Барон?! — прохрипел щенок.

— Он самый, — оборотень за шкуру притянул его к себе. — Как вы отправляли ей письма?

— Кому? Какие письма? — спохватился Лис. Он все так же стоял в дверях, с удивлением глядя на взбешенного главу стаи. — Вся почта проходила через меня и отправлялась с моими птицами.

— Не вся, — рыкнул Стафорд, обернувшись, — кое-что улетало без твоего ведома. — И уже обращаясь к принцу. — Так, как вдова лорда Роджера Домини очаровательная леди Данари Айсакирри получала вашу почту?

— Леди Домини, — прошептал сбитый с толку Дерек. — Та самая, о которой столько говорили?

— Да! — рявкнул барон, сверля взглядом Гаро, прошипел: — Что вы написали в последний раз, ну?

— М-моя почта это... личное, — бледный щенок попытался вырваться.

— Ваша личная почта, — эти слова Белый варвар язвительно подчеркнул, — все это время подсказывала наемникам, где вас ждать. И только благодаря моим парням, ваша голова все еще на ваших плечах.

Взгляд венценосного заметался по комнате, дыхание заметно участилось.

— Она не могла! Данари не такая!

— Конечно, и это не ее позволения за вами бегут оборотни.

— Сколько? — глаза венценосного удивленно распахнулись.

— Две сотни, Ваше Высочество.

— Проклятье, — прошептал Дерек и, вспомнив о задании, спохватился, — бесцветный настой...! Я мигом.

А принц все еще противился неприглядной правде, с отчаянием понимая, что от нее не уйдешь:

— Она бы никогда, — сипел он сдавленно, — никогда...

— О! Так вы что, до сих пор не поняли, как пополнилась ваша коллекция холодного оружия? — оборотень оттолкнул парня к стене. — А ведь за три месяца поездок мои собратья предоставили порядка пятидесяти клинков.

— Нет... — глухо запротестовал мальчишка.

— И заметьте, это были лучшие из ста сорока, добытых.

Белый варвар с удовлетворением увидел, как лицо Гаро исказилось болью понимания. Да уж, такое количество наемников просто так на пути не собирается. Теперь, малец, тебе будет сложно верить в чистую любовь и безграничную преданность.

Откровения откровениями, но что-то подсказывало барону, что с самой швей-невидимкой не все так просто. Именем леди Данари Айсакирри принц вполне мог прикрыть совсем другую личность. Уж запах той дряни он помнил хорошо и ни с кем бы ее не спутал. К тому же поведение Лиса это предположение лишь укрепляет. Что ж пока друг и помощник отсутствует, а венценосный дезориентирован, самое время проверить сговорившихся парней на вшивость.

— А теперь скажите мне, — ласково начал оборотень, — ваша нежная подруга Ари в Черхи появилась на мгновение или вовсе не приехала?

— Она не... — начал щенок и запнулся на полуслове.

Как назло, в комнату влетел запыхавшийся Дерек со своими пояснениями:

— Она явилась! Но поцеловала другого, мой барон. — Среди вещей светлоголовый оборотень нашел чистый платок, намочил его из склянки и подскочил к принцу. — Делегация во внутреннем дворике, все ждут дальнейших распоряжений.

— Готовы?

Хитрюга уже впихивал мальчишку в синий сюртук:

— Они — да, а мы скоро спустимся, — ответил он и вручил главе настой невидимки.

Белый варвар внимательно осмотрел склянку, затем принялся к ее содержимому и даже лизнул бесцветную жидкость. Ни запаха, ни вкуса. Поморщился.

— Из чего она?

— Не спросил. Возможно, ирд. В одном из писем Ариша говорила о его свойствах... — Лис покосился на главу стаи и без улыбки произнес. — И ты это письмо читал.

Стафорд фыркнул. Мало ли что он читал, ради безопасности стаи приходится проверять не только переписку с девчонкой. Макнув пальцы в склянку, тщательно растер состав по лицу, шее, рукам, пару капель распределил на волосы и одежду.

К этому моменту королевский отпрыск, почти пришел в себя и даже выразаться начал яснее:

— Может быть мы и ее... возьмем? — принц озадаченно уставился на светлоголового оборотня.

— Останется здесь! — отрубил бпрон. — Пожалейте дрянь или я за себя не ручаюсь.

Глава стаи рыкнул, выходя: «Убью!» и громко хлопнул дверью. Спускаясь во внутренний двор таверны, он краем уха услышал возмущение Гаро:

— Кого... убьет? Ари...?

— Нет! — оборвал его Лис и затараторил. — То есть... да! Если учитывать, что барон в курсе о той самой леди Домини, которая предпочла Вас другому...

— Кому?

Вместо объяснений, хитрюга сдержанно повторил, что их все ждут внизу и уйти нужно как можно скорее. Менее чем через минуту, они уже были собраны и предстали под гневный взор варвара.

— Куда теперь? — спросил смирный Дерек.

— В пещеры.

Они уходили, обернувшись в волчью ипостась без вещей, лошадей и еды. Налегке, если не считать полупьяных делегатов, привязанных к спинам оборотней. Впрочем, отрезвели люди быстро, ведь сыновья ночи не жалели собственных сил и неслись к пещерам сломя головы. Слишком мало времени осталось для отступления, слишком хорошо чувствовалась надвигающаяся опасность. Из центра города, волки уходили по крышам, ловко петляя между трубами кухонных печей, перескакивая через улицы и подворотни, карабкаясь по стенам, перепрыгивая низкорослые деревья.

— Не оглядываться и не останавливаться, — рыком потребовал Стафорд и сам же нарушил приказ, замерев на месте буквально на мгновение. Но этого хватило, чтобы в одном из дворов заметить дочь Датога Суро. Девушка проходила под цветущим деревом и тихо переговаривалась с кем-то скрытым ветками.

— Патайя?

Рядом с озадаченным бароном остановился Дерек:

— Рыжая гроза Берита, каждый месяц посещает южную столицу Дакартии

— Чего ради?

— Ради... тети, — шепнул Лис и поспешил за остальными собратьями.

Глава стаи подметил улыбку рыжей чертовки, сияние ее глаз и хмыкнул про себя, нет, тут любимой тетей и не пахнет, только ирисом. Заметил он как бы между прочим и уже сорвался с места, как из двора послышалось счастливое восклицание несомненно влюбленной девушки: «Ариш, ты даже не представляешь, какой он...!»

Шкура на загровке Белого варвара стала дыбом. Девчонка! Здесь?

В два прыжка оказался на той же крыше, но девушки уже ушли, и голос младшей Суро теперь доносился из дома: «Он такой замечательный!»

— Проклятье!

— О! Так Вы тоже их видите? — опасно спросил повисший на его спине министр. — Это не видение?

Ивен Нильский, закрепленный на спине Белого варвара, указал рукой на северо-запад и дрогнувшим голосом заметил: — Как же их много...

Что правда, то правда. Там было не две сотни преследователей, а вдвое больше. И абсолютно все оборотни. Получается, либо рысь видела не всех преследователей, либо заблаговременно не хотела пугать. Причиной снисходительности Сун явно была паника, которая даже умных людей превращает в идиотов. И Стафорд это чувствовал собственной шкурой. Ивен, мужчина стойкий духом родом из степняков, выживший в бесчестных

условиях королевских дворов и тюремных камер, увидел погоню и мелко задрожал, начиная захлебываться словами.

— Э-т-то ведь обо-обо-ротни...

— Прекратить!

Рык Стафорда перепугал мужчину еще больше, и он замер, боясь вздохнуть. И никто бы его в этом не упрекнул, оборотни бегущие вдаль, выглядели безобиднее, чем огромный белый волк, за шкуру которого министру приходится держаться сейчас.

Варвар снизошел до пояснения:

— У вас в глазах двоится, — и чтобы занять делегата на время дороги, прошипел. — Держитесь крепче. Выпадите из седла, не подберу.

Он достигли пещер незамеченными, в тиши подземных коридоров спустились к Глотке Беса и завернули в сторону, противоположную голубому озеру. Низкие своды словно бы пузырящихся пещерных коридоров встретили бегущую группу тяжелым запахом сырости и плесени. Дальше пропасти желаний население Черхи не заходило, опасаясь обвалов и удушения, зато табличку повесили об опасности подземного пути. Однако обрушения в пещере в сравнении со стаей бегущей по следу, была меньшей из бед. И Стафорд протяжно взвыл, посылая волчий голос в тяжелую удушливую глубину, чтобы первым начать спуск. Эхо его зова померещилось лишь через пятнадцать минут, показав некоторые особенности тоннелей.

— Шестьдесят километров, — определил Белый варвар и дал следующие распоряжения: людям — закрыть материей уши и лицо; оборотням — седоков перевязать дополнительными поясами и каждые пятнадцать минут перепроверять их вменяемость.

— Заснувших будите любыми способами!

— Зачем? — уставшим голосом спросил принц, — путь неблизкий к тому же ночь...

— Чтобы не закапывать, — грозно ответил барон.

Лис же, помогая Гаро закрепиться на своей спине, пояснил:

— Пещеры опасны.

— Он хотел сказать — смертельны, — улыбка Белого варвара была леденящей. Последние слова барона еще не дошли до сознания людей, а он уже рывкнул: — Вперед!

Бежали долго и упорно, самые удушливые места огибали по дуге, постоянно перепроверяя есть ли впереди тупик. Единственной преградой на их пути стала узкая расщелина. От удара Стафорда скальные обломки вокруг нее осыпались вниз, открыв широкий проход в полый зал, вслед за этим из глубин пещер пришел звук характерный для обвала.

Теперь за ними никто не последует, не рискнут, усмехнулся глава стаи и уже медленнее повел собратьев за собой.

Группа оборотней с полуживыми людьми на спинах выбрались наружу через пять часов. Бить по щекам и окунать в холодную воду подземного озера пришлось только двоим делегатов. Черхи остался далеко за спиной и тремя скальными провалами, через которые даже оборотни пройдут с трудом. Впереди расстился мертвый лес — гиблое место, а за ним герцогство Равии, точнее его гнилая пядь.

— Может навестить вашего дядюшку? — едко поинтересовался Стафорд и скосил взгляд на спину Дерека, где был привязан принц. Ему не ответили. Гаро спал, как и остальные дакартцы, полная луна медленно плыла на запад, а оборотни, стоящие перед баронам, все как один были напряжены и хмуры. Светало.

— Куда дальше? — Лис оглянулся.

— Сделаем привал и аккуратно посмотрим, что ждет нас впереди. Ирт и Лер на страже, Тарон и Михо проверьте ближайшие деревеньки, Угас и Аго вы за водой. — Дал команду Белый варвар, внимательно осматривая просторы и принохиваясь.

— Что насчет охоты? — опять Дерек.

— Пойдем я и ты.

От улыбки барона светлоголового оборотня перекосило, но он промолчал.

К лагерю оборотни вернулись быстро довольные собой с двумя ланями и кабаном на плечах и парой-тройкой зайцев за пазухой. Раньше охота была скорее данью волчьей ипостаси, как звери они стояли с подветренной стороны, выжидая хорошего момента для нападения. Сейчас же и ждать не приходилось, живность их не чувствовала. Вот что значит маленькая синяя травка ирд в руках талантливой знахаря. Достойное средство маскировки.

Глядя, как к привалу возвращаются остальные посланники, Стафорд тихо заметил:

— Из-за настойки вскоре вовсе разленимся и растолстеем.

До сих пор молчаливый и настороженный Лис криво улыбнулся.

— Не успеем. Еще пара пробежек с утяжелением и мало что от нас останется.

— Так и будет, продолжи Гаро свою переписку, — гадливо фыркнул барон. — Знать бы с кем отправлял?

Светлоголовый оборотень неожиданно хохотнул, указав на мелкую птичку, которая, то поднимается ввысь, то делает резкие броски всего лишь в пяти метрах от принца:

— Его посланник черный стриж, — он удивленно выдохнул. — Вон как вьется!

Барон нахмурился, заметив сверток на лапке стремительного посланника, и отдал приказ.

— Письмо не трогать, стрижа отогнать. Пусть дрянь думает, что Гаро погиб.

— Слушаюсь, Ваша милость.

Хитрюга вернулся к привычному для себя амплуа и расслабился. Легко шагая с ношей на плечах, он поспешил исполнить сказанное. И неожиданно был остановлен вопросом.

— Скажи, Аришке озеро понравилось?

Обернулся, не чувствуя подвоха, ответил со смешком:

— Да! Но желания она загадывала дольше... — на последнем слове голос его стих, а сам он вздрогнул. Понял, как опростоволосился.

— Я так и думал, — Стафорд хотел сказать кое-что еще, но их потревожил спешно подошедший Тарон: — Что там?

— В деревнях тихо, численность населения не изменилась, но рассмотреть все не позволили бочки.

— Какие бочки? — жестко спросил глава стаи.

— С водой. Большие.

— В них что-то вымачивают?

— Нет. Только вода. — Ответил волк и с опаской.

— У местных вода в двадцати шагах от деревни, а они ее не используют. Проклятье! — Стафорд смотрел на привал куда уже добрались Угас и Аго с полными фляжками.

— Из бочки набирать сподручнее, — Дерек проследил за взглядом главы и тихо заметил. — Будь она отравлена, парни бы почувствовали.

— Черных никто в замке не почуял, а ты говоришь о воде.

В следующее мгновение Белый варвар оказался в центре лагеря, сбросил две туши с плеч и, напугав едва очнувшихся дипломатов, громко сообщил:

— Запасы воды вылить и ни глотка не использовать! — резко обернулся к Тарону и отдал приказ ему: — Поднимись вверх по источнику, разыщи тайники с отравляющей смесью, одна из составляющих горная травка ирд. Ее истинный запах ты знаешь. Нас найдешь в десяти километрах отсюда, вблизи отмели.

Оказавшийся рядом Лис, удивился:

— Уходить зачем?

— Я не знаю, сколько ядовитых тайников в воде, но одно мне известно точно, герцог Равии на смерти врагов не экономит. Выдвигаемся.

На письмо Дерека я смотрела с толикой недоверия и в то же время с улыбкой, он в каждой строчке просил прощения за свою недалёковидность. Выходит, Лис не хотел, не думал и не предполагал, что в хороводе объявится Его милость.

Ну..., если с первыми заверениями я была отчасти согласна, то с последним — нет.

Не знать, что Белый варвар идет по следу и вот-вот догонит, оборотень из его стаи попросту не мог. Волки чувствуют главаря даже на огромном расстоянии, что уж говорить о городе Черхи, который можно обойти за двое суток.

И я бы продолжала негодовать, но все это дело давно минувших дней, целых трех. Губы уже не пекут, руки от перенапряжения в танце уже не дрожат, и сердце не замирает, из-за скрипучих ставен на окне моей комнаты. Чего-чего, а еще раз увидеть Дерека в полуобороте, зависшим под самой крышей, мне не хотелось. В ту ночь оборотень у открытого окна появился неслышно. Пришел попросить настойку для невидимки и посоветовать мне с баней и стиркой не затягивать. Попутно стер свои следы со стены и растворился в ночи. Его советом не пренебрегла, исполнила тотчас. Уверилась, что источником подобной предосторожности стал сам барон, но все оказалось гораздо хуже.

Лис писал о предательстве леди Данари Айсакирри, о погоне и множестве засад, а еще о том, как они проскользнули сквозь пещеры Черхи и чуть было не напились отравленной воды в герцогстве Равии. «Подскажи, что это за смесь...» — попросил он и с письмом прислал три маленьких мешочка.

Задача оказалась не из легких, но очень увлекательной. Все три матерчатых изделия, как мини котомки, имели несколько кармашков внутри. Каждый, в зависимости от наполнения, был сшит либо из более тонкой ткани, либо из более плотной. А некоторые из них были трехслойными. Явно для того, чтобы содержимое кармана с меньшим расходом растворялось в воде. Травы я распознала сразу, и даже по их цвету смогла определить настой, в котором они вымачивались. Сложнее было с сыпучими минералами, металлической пылью и золой. Я отписалась о том, что знала, и пообещала определить неизвестные компоненты.

В Черхи у мастера по каменным безделицам, узнала о минералах и месте их добычи, а вернувшись в Берит, расспросила кузнеца о металлах. И только с золой вопрос остался открыт. А не прах ли это? Все компоненты по отдельности могли отравить, но собранные воедино в двух из трех случаев отменяли яд друг друга. Долгие три недели я ложилась спать и вставала на рассвете с одной лишь мыслью, для чего зола? И мог ли в ее многослойном кармашке прятаться еще один состав? Жир, например, или желчь.

В наших краях с мертвечиной никто не работал, но говорят на плато, откуда пришли оборотни, когда-то жили дряхлые некроманты и призванные ими демоны. До завоевательных наступлений Табира IV кого-то из них даже видели живым. Король не убивал их и никаких сведений не требовал в обмен на жизнь. Он запретил разрушать обители проклятых аскетов, ибо свои грехи правители падшей империи выстрадали сполна. За милосердие к долгожителям суеверный народ дал венценосному новое прозвище. Табир стал не только Гневным королем, но и проклятым.

Так мог ли кто-нибудь из свиты герцога Равии добыть дневники отверженных в наше время?

Этот вопрос я через Дерекa адресовала принцу Гаро, и получила невероятный ответ: «Да».

Схватка в тренировочном зале стихла с первым странным вздохом Дерекa. Булькающий и срывающийся звук насторожил Стафорда, он резко оборвал атаку и отступил от друга. Бледный Лис до сих пор уверенно стоявший на ногах и стойко отражавший удары, рухнул на мат, держась за грудь, с гримасой боли на лице.

— Я ж вроде не сильно, — глава стаи нахмурился и посмотрел на свои кулаки.

— Мне хватило... — сплевывая кровь, признался светлоголовый оборотень. — Еще в первый твой удар.

— Недоросль! — рявкнул барон, вздергивая его за шкуру. — Недоумок!

— Стой... ребра!

— Это нужно было сказать сразу... — прошипел варвар, подхватывая его на руки. Быстрыми шагами барон пересек зал и вынес друга на жилой этаж королевской резиденции. — Боль будет тебе наукой. И на будущее, еще раз смолчишь, не пожалею, собственноручно голову откручу.

— А оно... у меня есть? — Лис закашлялся и красноватая пена проступила на губах, — буду-ще-е?

— Проклятье... — Стафорд только сейчас вспомнил о том, как девчонка просила обезболить раненных для сохранения их сил и нажал на шею друга. Оборотень в его руках обмяк. Перехватил бесчувственное тело удобнее и в три рывка преодолел лестничные пролеты, чтобы ворваться в апартаменты Его Высочества.

Чинно сидящие в кабинете министры, одновременно дернулись вскочить, а бумаги в руках Гаро мелко задрожали. Испугался щенок своей нелегкой участи, ведь барон за случай в Черхи обещал вначале разобраться с Лисом, а затем уж и с ним. По-видимому парень предположил, что пришла его очередь расплачиваться за содеянное.

— Где Саир? — голос оборотня отразился от стен, заставляя дребезжать стекла.

— Я здесь.

Из-за стеллажа с книгами, отделяющего кабинет от гостиной хромая вышел настороженный старец. Окинув взглядом барона и Дерекa, он обеспокоенно покосился на принца.

И этот туда же! Еще чуть-чуть и примется просить о помиловании. Люди людишки! Белый варвар брезгливо сощурился и фыркнул, пояснив:

— Передаю под вашу ответственность, — он указал на медленно приходящего в себя оборотня. — Перетрутился на тренировке. Сломаны ребра. Легкое не повреждено.

Хромой лекарь такому объяснению обрадовался, указал на комнату справа по коридору.

— Расположите его там. Об остальном я позабочусь.

Выходя Стафорд, услышал, как принц тихо интересуется у старика, не собирается ли Белый варвар тренировать и его, Гаро.

— Собираюсь, — громко ответил глава белой стаи и с чувством удовлетворения услышал, как с грохотом упало массивное кресло. Гаро опрокинул его, подскочив чуть ли не под потолок.

Располагая Дерек в спальне, варвар размышлял о том, что тренировки выбивают не только воздух из груди, но и дурь и головы. И пара-тройка занятий принцу не помешают. Он думать забудет о леди Данари Айсакирри, которая вот уже несколько недель затаившись, ждет смерти венценосного. О своем плохом самочувствии Гаро написал ей под давлением, придворным же было сказано, что он уединился в пригороде для восстановления сил. Удивительно, но в отличие от подлых и чванливых аристократов, его эпистолярная любовница и еще несколько высокопоставленных лиц не смогли нанести короткого визита. Даже на мгновение не заглянули, чтобы справиться о состоянии будущего короля.

Быть может, удар под дых пояснит для мальчика, почему они не желают посетить «отдыхающего принца». И ведь знает, что наполнение тех мешочков призвано травить не только человека, испившего воды, но и всех, кто окажется рядом. Полтора месяца агонии для отравившегося и год для зараженных от него. Сообщив об этом, Аришка предложила создать шестинедельный карантин для всех членов дипломатической делегации, ездившей в Ларвию. Гаро такому решению противился, как мог. Пока не был поставлен перед выбором: либо за это время дочь мясника разгадывает хитрость отравы, либо ради экономии времени Лерф жестко допрашивает леди Домини. Увидев названного оборотня, принц, заикаясь, согласился на карантин.

Вспомнив об этом, Стафорд тихо рассмеялся. Как раз в это время в комнату вошел Саир, и в дверях позади него показался Аго с письмом в своих руках:

— Мой барон, прилетел сокол с сообщением для Дерек.

— Давай мне.

— ... оно от Ариши, — настороженно сообщил парень и скосил глаза на Лиса, медленно приходящего в себя.

— Аго, — от тихого оклика сын ночи дрогнул и спешно передал письмо.

— Простите...

— Ступай.

Уверенным движением глава белой стаи вскрыл письмо и принялся читать. И начиная с первых строк, его лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Что там? — слабым голосом поинтересовался получатель.

— Сухая придурь! Девчонка хочет взглянуть на дневники хранителей Тардема. На записи отверженных, преимущественно некромантов. Немошь, одним словом! — покачал головой: — Ты можешь себе такое представить?

— С трудом, — прохрипел Дерек, когда старик взялся его раздевать.

— Предлагает привезти ей манускрипты в город Оранту, — Стафорд скривился, потрясая письмом, — где она остановится через два дня. Какая глупость...

— И что тебе не нравится в последней строчке?

— Ее уверенность, — фыркнул варвар. — Надеется покинуть Берит. А кто отпустит?

— А кто запретит? — шипя от боли, спросил хитрюга Лис. — Между Беритом и Орантой четыре дня пути... она уже в дороге, а дневники ей для дела. И если нам шкура дорога, то их в любом случае придется искать...

— Никто из моего братства не поедет! — голос барона был оглушительно тихим. Сказал, как обрубил. — Стаи оборотней бросали с трудом нажитое и уходили из родных мест, не для того, чтобы вернуться в Тардем. Не для того, чтобы умереть на соляных равнинах, как псы-изменники с перерезанным горлом.

Дерек промолчал. Он знал, что сейчас со своим мнением лезть не стоит, лучше позже,

когда глава стаи остынет. Но повисшая тишина была разорвана ранее, Саир присев подле раненного, заговорил:

— Это решение достойно правителя, Ваша милость. Но позвольте мне признаться Вам, — он тихо вздохнул, — смертей не будет, дневники проклятых здесь. Если быть точным, они в королевском родовом замке.

— Знания могущественных? — Стафорд медленно опустился на кресло и глухо потребовал: — Рассказывайте.

— Особо говорить не о чем. Перед тем как ворваться в северное королевство Ларвии войска Табира на двое суток остановились близ границы с Тардемом. В первую же ночь, когда Луна была в зените, у ложа Тарбира появился черный дух.

— Плотный или полупрозрачный?

— Полупрозрачный. Он был при смерти. — Кивнул старик. — Дух представился Иеурлитом Наз Завай, извинился за поздний визит и передал на хранение сундук, доверху набитый манускриптами. В них заключена страшная сила, и разрушенная империя тому подтверждение. Но он уже не мог зачаровать их от прочтения. И потому просил, сжечь, когда срок заклинания выйдет.

— Какого заклинания? — тихо спросил Лис.

— Дневники проклятых не горят и не тонут, не покрываются пылью, и не поддаются кислоте. Жуки и мыши к ним даже не приближаются...

Белый варвар фыркнул, отбросил письмо на столик и резко поднялся:

— К такой дряни и я бы не смог близко подойти, — он обошел комнату по кругу и остановился в дальнем углу. — Скажите, Саир, чего хотел этот монстр взамен? Жизнь королевского отпрыска? Или пару сотен жертвоприношений, как во времена его величия?

— Не-е-е-ет, — протянул калека, — в ту ночь перед своей смертью, дух Иеурлита Наз Завай не требовал, он давал. — И почти шепотом произнес: — Вашу реликвию — клинок Гессбойро.

В повисшей тишине были слышны свистяще шипящие вдохи Лиса, которого старик взялся намазывать Аришкиной настойкой.

— А мой отец был уверен, что в Тардеме его нет. Он десятилетиями искал реликвию в Дакартии и Ларвии. — Произнес светлоголовый оборотень сквозь зубы.

— Так-так... теперь понятно кому проклятый король обязан переломным моментом в ходе многолетней войны. — Белый варвар со злости врезал в стену кулаком, рявкнул: — Гаро!

— Зачем Вы..., я бы позвал... — начал старик, но утих под черным гневным взглядом.

— Перевязывайте, принц сам явится.

Вначале в комнату заглянула охрана принца, трое из солдат, выживших в лесу, а затем уже и само перепуганное Высочество.

— Я завал Гаро. Остальные вон! — в коридоре послышался удаляющийся топот ног, а бледный принц тихо закрыл двери. Не отходя от них, чтобы в любой миг убежать или хотя бы попытаться, он вопросительно посмотрел вначале на варвара, затем на Дерека, который кивком указал на письмо Ариши.

Взяв листок в дрожащие руки, будущий король еле заметно улыбнулся. Он узнал аккуратный девичий почерк и надеялся, что новости будут приятными и карантин вскоре будет снят.

— У меня вопрос, — прошипел Белый варвар, наблюдая за тем, как каменная лепка

осыпается из-за его удара, — кто и когда мог взглянуть на записи? Не поверю, что Табир IV не позаботился о сохранности манускриптов со свойственной ему тщательностью.

— Вы правы, Ваша милость, король позаботился, но у противников все же была пара минут... Во время его смерти, когда охранные символы перешли на следующего хранителя. — Старец помедлил, а затем произнес твердо. — На меня.

— Не слишком ли велика честь? — ирония слышалась в каждом слове барона. — Клинок, сундук и даже сына Табир перепоручил вам. За какие заслуги?

— Он уверился в выборе духа, — пожал плечами Саир, — когда Иуерлит исчез, вся прислуга в шатре короля сгинула. В живых остался только я, на тот момент всего лишь личный конюх.

Барон хохотнул:

— А говорите, что он никаких жертв не потребовал!

— Только предателей, Ваша милость.

В комнате повисло недоброе молчание.

— Неожиданно, — процедил оборотень сквозь зубы. — И сколько манускриптов принадлежит некроманту?

— Один.

— Его можно вывезти?

— Да.

— Хорошо, — Белый варвар стремительно прошел к двери. — Не придется вызывать девчонку сюда...

Лис с трудом поднялся на локте:

— Мой барон, я выполню это задание...

— Ты? — Стафорд обернулся с лукавой улыбкой. — Ты, мой друг, лежишь и поправляешься. Гаро, — от его голоса принц снова вздрогнул, — ответьте на письмо, раз уж оно было адресовано Его Высочеству. Саир, через минуту дневник должен быть у меня.

Двери закрылись за ним с хлопком, но решительное заявление Гаро он все же услышал.

— Я предупрежу ее!

Ответ Дерека прозвучал глухо:

— Не стоит. Пусть сам разберется, что к чему.

Опасность, тревога и смутное ожидание беды, неприятное чувство дрожи не отпускало меня с первого дня путешествия в Оранту, а по прибытии в город мудрецов, оно лишь усилилось. Словно лань, не вижу хищника в зеленых зарослях, но ощущаю его напряженное присутствие рядом. Мне мерещится тяжелый взгляд, слышится глухое рычание и в каждом громком звуке улицы чудится: «Немощь!»

Не думала, что буду замирать посреди дороги, завидев широкоплечего брюнета шагах в двадцати, а проходя через темные переулки, уговаривать себя не отскакивать от встреченных высоких мужчин и не оборачиваться на людей идущих сзади. И ведь знаю, волнения мои напрасны и надуманы, нет в городе барона, нет. И встреча с ним в Черхи была незапланированной, не следит он за мной, ему такого счастья не надо. И все же дрожу. Виной всему сообщение от Гаро, он кратко написал, что манускрипт я получу, но привезет его совсем не Дерек. Что значит простое слово «совсем»? Ничего или полную противоположность Лису?

Отогнав смятение, зареклась, ходить по городу одна. И не откладывая в долгий ящик, вернулась в таверну за младшим Датогом Суро. Именно он перед отцом отстоял поездку в город мудрецов, мотивировав ее расширением нашего с ним кругозора. И словом не обмолвился о том, что хочет посмотреть на жениха сестры в привычных для Саттори условиях. Об истинных причинах моего визита в Оранту он догадывался, но ничего не говорил. Видел, в моей комнате мешочки и книги по ядам, а потому не сопротивлялся, когда я дотошно расспрашивала ценителей редких руд, минералов и трав и спокойно ждал.

После длительной беседы с очередным ценителем мы вышли из лавки в ночь, и Датог со смешком заметил:

— Так мы к библиотекам и не дойдем.

— И дойдем, и заглянем, — пообещала я со всей серьезностью, добавив при этом, — ненадолго.

— Хочешь сказать, что тебе короткого визита хватит? — спросил скептически и сумку из моих рук забрал.

— Хватит. Если знаешь, что ищешь, его всегда хватает.

Он недоверчиво покачал головой.

К таверне мы вернулись неспешно, изредка переговариваясь о прошедшем дне, многое повидали за сегодня. В темноте ночи ярко сияли звезды, отблески факелов выхватывали ажурную резьбу храмов и домов, журчали питьевые фонтаны, а каменная мостовая блестела капельками воды.

— Здесь мокро, — заметила я с удивлением.

— Это одна из особенностей города, — Датог указал на края дороги. — Ты наверняка видела воду, непрерывно стекающую по уличным желобам.

— Да.

— Так вот... дороги и тропинки здесь принято мыть перед закатом.

— Зачем?

— В противном случае духота в стенах города становится невыносимой, — и, копируя голос сказочника, услышанного нами сегодня, сказал, — даже во мгле ночи Оранта темпераментна и страстно горяча.

Весело фыркнула, напомним ему, что город назван в честь отшельницы.

— Не сомневаюсь, что поначалу дева была той еще проказницей, — парировал он со смешком и неожиданно остановился. — Смотри, кажется, тебя ждут...

Темная фигура отделилась от стены нашей таверны и шагнула к ближайшему факелу.

— Барон-оборотень? — с некоторым сомнением заметил младший Суро. Видимо он, как и я в грации движений заметил некоторую схожесть, но не желал ошибиться.

Только не он...!

Возможно, последнее я произнесла вслух, потому что Датог, в которого я вцепилась мертвой хваткой, неожиданно спросил:

— Почему?

Я не ответила, с удивлением глядя на пустой переулок. Исчез! Истинный сын ночи, он растворился во мгле, словно его и не было здесь пару мгновений назад.

— Дрожишь, — заметил Суро и повел меня внутрь, разглагольствуя по пути, что будь это Белый варвар он бы поступил иначе.

— И как бы он поступил?

— Первым делом — не ушел бы. Он ни перед чем не отступает и не скрывает своего лица.

— Я запомню.

Ночью не спалось.

Долгое время читала у наглухо закрытого окна, потом все же решилась, отринуть страхи и уснуть. Переоделась, расстелила тонкое покрывало на кровати и, загасив свечу, уверенно открыла окно. Чему быть того не миновать и хлипкие ставни оборотню не помеха, будь это враг меня бы давно уже убили, будь это друг, он бы дал о себе знать.

На небе вошла полная луна, приглушив своим светом звезды, она вырезала город из ночной темноты. По архитектуре Оранта вторила Черхи, как и всякий южный город Дакартии, но обладала своим неповторимым ритмом. Здесь обилие остроконечных пятиярусных крыш дворцовых башен, шпилей храмов южного божества были в противовесе с шарообразными шапками маленьких уютных домиков, и в то же время в гармонии с ними. Наслаждаться тишиной уснувших улиц и голубоватым светом не сразу заметила упавшую на подоконник тень. Чтобы привлечь мое внимание оборотень, зависший над окном, помахал рукой. И испугал меня до дрожи.

— О, Боже!

Отскочила от окна мгновенно, начала искать хоть какую-то защиту и удивленно остановилась. На подоконник из руки гостя посыпался песок белый и блестящий, как лед. В комнате появился едва заметный запах соли. Не яд, в этом я была уверена.

— Вы кто?

Он не ответил, неторопливо высыпал еще одну пригоршню, тщательно разровнял соль по подоконнику и что-то написал на ней пальцем. Чтобы прочитать, пришлось зажечь свечу, подойти ближе. Надпись на соли гласила: «Лерф» — наверное, это его имя.

— Приятно познакомиться. А я Ариша. — Слотнув, крепче взялась за подсвечник, единственное оружие, и поинтересовалась тихо. — Вы по какому поводу пришли среди ночи?

Он стер имя и написал: «Я от барона».

— Белого варвара? — кивнул. — Чем докажете?

Его рука мгновенно покрылась белой шерстью, а из пальцев проступили острые когти.

Что ж достойный аргумент.

Отступила, разрешая:

— Хорошо, вы можете войти.

Волк, скрытый черным плащом, медленно, перевернулся и, зависнув в окне на мгновение, плавно перетек на подоконник и протянул манускрипт в кожаном переплете с медными вставками на торце.

— Записи некроманта, — прочитала, не веря до последнего в такую удачу. Подсвечник отложила на стол и беря дневник, позволила себе удовлетворенную улыбку. — Как же быстро вы их нашли...

Лерф хмыкнул и сделал еще одну запись на подоконнике: «Искать не пришлось. Их быстро доставили».

Уточнять, были ли они все это время у Гаро или нет, я не стала, но за скорую доставку поблагодарила:

— Спасибо! Я поработаю до утра и завтра еще,... днем, чтобы перепроверить. — Подумав о сроках работы, решила до следующей ночи его отпустить. — А вы пока...

Договорить не успела, оборотень со вздохом так же медленно опустился в кресло у окна и махнул рукой. Мол, валяй, и то ли разбирайся с манускриптом, то ли договаривай.

— Хорошо, — кивнула я, стараясь его не разглядывать.

Черный плащ и повязка на лице, скрывали посланника, оставив свободными лишь глаза, но в них смотреть я боялась. Чтобы не увериться в причине его молчания. По медлительным движениям, так не соответствующим хищной грации оборотней, легко понять, что он живет не первый десяток лет, изрядно потрепан войнами в стаях или, хуже того, восстанием в Тардеме. Если так, то он знает, страшную цену свободы для плененного волка, свободы от реликвии.

Словно наяву ощутила немигающий взгляд слепого оборотня и спохватилась:

— Хотите вина или мяса? Сегодня в таверне подавали прекрасное печеное мясо с картофелем и соей, будете?

Кивнул.

— Одну минуту! — только сейчас поняла, что все это время была в исподнем, и пусть он не глазами видит меня, но все-таки. Платье надевать не стала, накинула тонкий халат и поспешила вниз.

Хозяйка таверны еще не спала. А потому еды я набрала полный поднос, вина только чашу, зато компота целый кувшин. Быстро вернулась наверх. Положив все на столик перед посланником, прихватила дневник некроманта и с ногами забралась на постель.

Меня ожидало самое настоящее открытие и вполне возможно не одно.

Расставляя еду на столике, она трижды оправила норовящий распахнуться ворот.

Милосердная скромница халат не снимет, понял Стафорд и приуныл.

Приятна ее неподдельная забота, и до зубного скрежета не приятна ее внутренняя дрожь. Девчонка боится посмотреть в глаза, прикоснуться к руке, опасается подойти ближе, чем на метр. Неужели знает, цену вожденной свободы от клинка некроманта? Если так, то теперь понятна агрессия Лерфа в отношении баб, они слезливо жалеют.

Барон нахмурился, приступая к еде, резко двинул приборы.

Аришка от дребезжания посуды вздрогнула, сбивчиво залепетала:

— Простите, Лерф, я не взяла соли. Если нужно, могу принести.

Он помотал головой и тихо хмыкнул, указав на подоконник. Уж там соли более чем достаточно.

— Поняла, — прошептала, — но если что-то потребуется, постучите.

Постучу.

Она так увлеклась книгами и записями, что не заметила, как он выскользнул в окно и отправился, проверить территорию. Присутствие других оборотней ощущалось отчетливо, но никто из них за девчонкой не шел, и караулить не пытался. Хорошо.

Стафорд подумал о кареглазой с гордостью. Приятно осознавать, что она себя не выдала, и ее никто ни в чем не заподозрил, неприятно другое — страх, неподдельный, панический. Оброненное восклицание: «Только не он...!» порядком покорило волчий дух. Вспомнились странные обрывки фраз между Дерексом и Гаро, их опасения и недосказанность. Из всего выходило, что дочь мясника не желает встречаться с бароном ни по делу, ни просто так. Вылечить, скрипя сердцем, вылечила, но видеть не хочет, а потому взяла с волков и принца обет молчания и сама готова язык проглотить, лишь бы он не признал в ней Аришу.

Вот и пришлось ради ее спокойствия Лерфа сыграть.

Белый варвар досадно поморщился. Какая муха ее укусила?

От замерзания в снегу спас, деньгами снабдил, отправил волков в подмогу. Они ее за ручку в Берит привели к самым дверям родной тети. Живи себе в тиши в глуши. Так она не усидела, полугодом не прошло, пришлось вызволять из лап бесеков. Кто после такого на одной лишь вразумительной речи остановится? Никто. Так он и припугнул, чтобы смиренно на месте сидела и ни в передраги не попадала. Потом была битва со стаями под Черхи, ее приезд и помощь. А дальше, как по накатанной: пассивное наблюдение и удаленный контроль через Датога.

И что ей не понравилось?

Ему вот, понравилось все. И нежный запах, и вкус сладких губ, и приятные на ощупь объемы...

Неожиданно возникшее виденье карих глаз, когда он пообещал разделаться с ней при первой же встрече, расставило все по своим местам: и дрожь, и страх и желание с ним ни не пересекаться.

Проклятье! Немошь расплаты боится... Стафорд невесело хмыкнул. А чего бояться, не девочка, вроде. Да и я как бы... шутил.

Он вернулся в таверну через час и, устроившись в кресле, долгое время смотрел на увлеченно читающую Аришу. Умная. Кое-что она выписывала, затем, перечитывая заметки, что-то подчеркивала и приступала к следующему разделу дневника. На оборотня внимания не обращала и чем дальше не двигалась, тем ниже склонялась над исписанными страницами. В пятом часу она уже крепко спала в обнимку с книгой и не хотела ее выпускать из рук.

— Немошь... — прошептал барон, склоняясь над крепко спящей девушкой. — Я буду вечером.

— Ну-у, — вздохнула, нахмутив лобик.

— Все равно буду.

Легкий поцелуй в висок подарил ей неосознанно, просто захотелось. В следующее мгновение глава стаи белых закрыл комнату изнутри, вывел на подоконнике новую надпись и, выскользнув наружу, плотно прикрыл ставни. В Оранте наступает жаркая пора, девчонке следует выспаться.

Шорох справа и запах стороннего наблюдателя пробудил инстинкты хищника:

— Выходи.

Младший Датог Суро высунулся из соседнего окна и тихо поздоровался:

— Доброе утро, барон, — помешкав немного, он с затаенной улыбкой спросил: — Я так понимаю, ее сегодня лучше не тревожить...?

Оборотень кивнул, приказав:

— Проследи, чтобы выспалась.

— Хорошо, — молодой открыто ухмыльнулся и заговорщически поинтересовался: — Все так же будете Лерфом?

Глухое предупреждающее рычание вырвалось само собой, на руках проступили когти и белая шерсть. Рыжий побледнел, поспешил закрыть окно со словами:

— Понял, будем ждать.

Острослов, чтоб его! Негодую, фыркнул волк. У Лиса явное бешенство, кто бы с ним не общался, у всех притупляется чувство самосохранения. Чтобы людское племя по глупости не поредело, надо бы свернуть шею Дереку.

Стафорд легко спрыгнул со стены на соседнюю крышу и неслышно удалился. Он размышлял по пути о том, как заткнуть светлоголового друга и чем порадовать Аришку за работу над ядовитыми мешочками. Заслужила.

И что это будет? цветок, сладость и побрякушка на шею — для глупышек, она из умных и в то же время еще такая наивная девчонка.

Он вспомнил, ее за работой и победно улыбнулся.

Решение найдено! Тетрадь в кожаном переплете, как дневник некроманта, чтобы у нее был свой сборник секретов. Платок на голову, сейчас жарко, а ее голова должна быть свежей. И... нож. Пусть у Ариши семь пядей во лбу, но защита хоть какая-то быть должна. Ядом нападающего не напоишь, зато отравленным ножом достанешь всегда.

На следующий день в таверну он пришел поздней ночью. Девчонка была одета в легкое темно-синее платье, утонченное, но абсолютно закрытое. Приветственно махнув ему рукой, она продолжила с энтузиазмом работать над дневником некроманта, как и в прошлый раз, лежа на кровати. Единственными изменениями со вчерашней ночи стали мешочки на сундуке у кровати и соленая надпись на подоконнике.

Вместо его слов: «Вернусь ночью», там значилось гостеприимное: «Поужинаете?»

Он ответил: «Да»

Не прошло минуты, дочь мясника соскочила со своего рабочего места и устремилась на выход. Вернувшись с полным подносом яств, накрыла столик перед Стафордом и, пожелав приятного аппетита, вернулась к прерванному занятию. Судя по запахам, Ариша из комнаты все это время не выходила, ей накрывали здесь же. А Суро сюда заглядывал получас назад. Видимо после утренней встречи с оборотнем он посчитал лучшим, не появляться и как следствие не шутить. Достойное решение.

Оборотень быстро расправился с едой и теперь наблюдал за девчонкой, гадая, как она к подаркам отнесется.

И когда лучше всего преподнести? Сейчас или утром? И стоит ли говорить, что все три

от Белого варвара? А впрочем, не впервой идти в воду, не зная броду. Разберусь по ходу дела, отмахнулся он.

Ждать пришлось недолго. В начале шестого часа, девчонка победно улыбнулась и кошкой спрыгнула со своего ложа.

— Лерф, я закончила!

Хмыкнул, рассматривая ее счастливое лицо и блестящие глаза.

Маленькая хитрюга, разобралась в книге проклятых долгожителей, отрадно. Жаль я не знал об этих манускриптах раньше, иначе бы использовал.

— Итак, — провозгласила она, приблизившись, — от меня вы с пустыми руками не уедете.

Смешная. Главное, чтобы на своих ногах унес, да и ушел на своих так же.

Аришка скоро убрала со стола и перенесла на него мешочки с сундука и несколько писем в самодельных конвертах. Да если не с птицей письмо направляют, то послание можно не скручивать в маленькие трубочки. Хотя, он видел, сколько девчонка настрочила, и был уверен, что в конвертах не короткие записи, а целые поэмы.

— Так вот этот Дереку и его парням. Ну, Лис разберется, я все подписала. — Она выдвинула вперед увесистый мешочек. — Эти два его Высочеству и Саиру, — указала на два мешочка поменьше и рядом поставила внушительное по объему письмо с пометкой: «Для Гаро».

Он медленно кивнул, не сводя взгляда с последнего письма в ее руках. Надо заметить очень тонкого конверта, без надписей.

— Барону, — произнесла она несмело, положив письмо поверх мешочков.

И вот тут оборотень впервые почувствовал пронзительный взгляд карих глазниц, сосредоточенный на нем. Вовремя отдернул себя, почуввав вызов прямого взора и вместе с тем нерешительность, исходящую от нее. Это не была попытка узнать в закутанной фигуре барона, вовсе нет. Скорее глядя на него, все еще сидящего в кресле перед столом, она мысленно решалась спросить что-то такое, о чем могла пожалеть после.

Соль. Он указал, на нее и девчонка, поняв знак, повиновалась и пересыпала соленые горсти на столик.

«Что хочешь спросить?» — написал сын ночи.

— Боюсь... вы неправильно поймете.

«Это мне решать».

— Только не злитесь, я не из жалости... или дерзости, просто... — Запнулась и поставила перед ним бутылочку из темно-синего стекла. — Исходя из записей некроманта, этот экстракт должен помочь...

И замерла, едва дыша, ожидая реакции. Ее не последовало, барон не шевелился и просто смотрел на дрожащие руки девчонки.

— Нашла нечаянно, когда разгибала листы... и вот. Не обижайтесь. Вы можете его не пить и... не брать. Но... — поспешила она объяснить и неловко замолчала.

«Что?»

— Оно поможет. Я в этом более чем уверена.

«Хорошо», — написал он и, выудив из плаща тетрадь, поставил перед девчонкой

— Что это?

О нерешительности было забыто, появился неподдельный интерес. Кожаный переплет с тонким плетением на обложке ей понравился. Тетрадь она взяла в руки, открыла, немного

пролистав, спросила робко:

— Это мне?

«Дерек прислал» — ответил он надписью на соли. По интонации девчонки понял, что почву для начала следует прощупать и не ошибся.

— Какая красивая! — восхищенно выдохнула она, прижимая тетрадь к груди. — Лисчудо!

Вот так можно узнать о расположении дамы к дарителю? С улыбкой подумал Белый варвар. И в следующее мгновение тонкотканное изделие с ярким орнаментом легло на поверхность стола.

«От Гаро» сообщила надпись на соли.

Красивая вещица из деревеньки, лежащей в двадцати километрах от Оранты, ей тоже приглянулась. Аришка позволила себе восхищенно рассмеяться.

— У принца всегда был отменный вкус!

Если бы у него, усмехнулся барон и уверенным движением вогнал третий подарок в стол. Широкое изогнутое лезвие с гравировкой, легкий высокопрочный сплав Таррга и два паза для ядов, идущие от ручки, делали нож-заклинателя лучшим, как для защиты, так и для нападения. Стафорд его от себя, как от сердца оторвал, такие экземпляры в Дакартии редки, стоят на вес золота. Довольный своим выбором, он с удивлением заметил, что девчонка молчит.

Что ж, решил он, выводя он новую надпись на соли, такую редкость она должна оценить. Не так ли?

— Барон... — прочитала Ариша. И мир померк вместе с девичьей улыбкой. В карих глазищах появилась тревога, а руки сжались в кулачки. — Чего он хотел?

Обиделся. Действительно, обиделся. Не давая более никаких пояснений на соли, он резко поднялся и, собрав все посылки и послания, беззвучно исчез.

Что такого я сказала? Ведь вопрос был правомерен. У меня уже есть клинок Гессбойро, оставленный на сохранение. К чему мне второй образчик холодного оружия? Я опустила в кресло и тяжело вздохнула. Оборотни, как много у них тайн...

Тардем был и остается истинной родиной сыновей ночи. Империя во власти некромантов, способных призывать демонов и подчинять оборотней, еще пятьдесят лет назад была самой огромной и мощной на континенте Эр. И самой закрытой от внешнего мира. Стаи волков всегда находились в услужении черных правителей, защищая и охраняя их, они являлись живым заслоном от опасности. И к сожалению, нередко опасными объявляли угнетенные народы Тардема. Как рассказывал отец, верные слуги некромантов ненавидели своих господ, но беспрекословно подчинялись им. И когда люди империи, бунтуя, искали смерти, волки помогали ее найти. Из года в год, из десятилетия, в десятилетие они несли свою службу, вопреки собственному желанию.

Как произошел разрыв охранной материи вокруг дворцов, никто не знает, известно другое, в эти часы оборотни, словно бы окаменели, а люди хлынули грязными потоками в запретные зоны. Часть из империи — на волю, часть в столицу — мстить. Сметая все на своем пути, смельчаки за одну ночь уничтожили семьи властвующих, охрану из полу-

демонов и слуг. В живых остались только верховные — долгожители. Неумирающие, как бы их не пытались убить. Зверья в своем бессилье, люди обратили внимание на волков. При обысках дворцов правителей были найдены десятки реликвий звероликих, завладев ими, люди начали свою кровавую бойню. Все стаи клана бурых были уничтожены полностью, немногочисленные белые и черные ушли свободно, от серых же сохранилась лишь маленькая группка.

Появление беглых оборотней в Дакартии заметили лишь на десятый год, когда в особенно холодную зиму сыновья ночи в поиске добычи спустились с гор к теплому озеру Чот. Разбоя, грабежа и насилия с собой они не принесли, наоборот возвращаясь в горы, возле каждой деревни оставляли оленью тушу, дань молчания. И люди молчали, ведь Табир не первый год вел изматывающую войну, и жестоко выбивал последние запасы подданных. Папе в то время не было и пяти, но он помнил, что среди оборотней встречались калеки с жуткими ранами по всему телу. Обладая стеклянным взглядом, они двигались, как зрячие, но не могли говорить. Такова была цена свободы.

Как объяснил Саир, только сильнейшие были в силах освободиться от гнета реликвии. И пройдя через иную казнь, они теряли ипостась, зрение и голос. Могли остаться в человеческом виде, а могли сохранить и полуоборот; Лерф один из таких и он верен барону, как никто другой.

— И моя подозрительность его обидела... — прошептала я вслух, тоскливо. — Я же не хотела.

— Ты о ком? — появившийся в окне Датог, подмигнул мне: — Можно я залезу, тут неудо...

Я пропустила момент, когда он преодолел подоконник и вошел в комнату, показалось, словно бы младший Суро мгновение назад был за окном и вдруг неожиданно очутился напротив.

— Откуда?! — не отводя восхищенного взгляда от подарка варвара, вогнанного в стол, он медленно опустился на корточки. — Неужели от барона...?

— Да.

— За что? Просто так? — парень с восторгом перевел взгляд на меня, и, не дожидаясь ответа на первые два вопроса, попросил. — Можно потрогать?

— Можно даже выдернуть, я к нему прикоснуться не решаюсь.

— Зря ты, Ариш, — парень рывком выдернул нож и подкинул его в руке. — Это же настоящая редкость! — Подмигнул мне и, проверив балансировку изделия, метнул его в двери. Замах был не сильный, кисть вялая, а нож вошел в дерево до середины.

— Все в точности, как в книгах! — ошеломленный Суро схватился за голову. — Неслыханно!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он бесценен! В твоих руках... то есть, в двери, порядка семи сотен золотых. А на торгах его можно сбить за полторы тысячи. Но пожелавший продать его будет истинным идиотом. — Шумно выдохнул он, красноречиво постучав рукой по голове.

— Радуйся, — усмехнувшись, посоветовал он мне, — таких искусных произведений из металлического сплава Таррга в нашей стране нет.

— Я видела схожие в руках Лера, они достались ему после бойни под Черхи.

— Из черного металла? — спросил пренебрежительно скривившись.

— Да.

— Чепуха. Норратовые в сравнении с этим игрушка, неудачная попытка воссоздать аналог. А секрет изготовления такого исчез вместе с некромантами.

— Что это? — спросила, ощущая холод, ползущий по спине. — Нож-заклинателя!

— Да, — он вновь с обратил внимание на причину своего благоговения.

— Для жертвоприношений?

— Не без этого, если потребуется, — Датог расплылся в улыбке и прошелся по комнате, вспоминая все из ранее прочитанного о холодном оружии Тардема. — Но в основном он используется для защиты. Носит простое и в то же время ироничное имя «Кивс заха» — в переводе означает кровавая слеза захватчика.

Выдернув нож из двери, он с восхищенной улыбкой, погладил серебристое лезвие:

— То есть всякий нападающий будет истекать кровью. Его передают от отца к сыну, и для оборотней это своего рода семейная реликвия. — А затем добавил с многозначительным видом. — Бесценная Аришка.

И не понять, реликвия бесценна, или он меня только что назвал таковой.

— Проклятье, — прошептала я любимое слово барона, — его придется прятать.

— Нет-нет-нет! — Датог с поклоном передал мне опасный «подарок». — Кровавая слеза захватчика создана для защиты, волки такими обороняются.

— Почему?

— Потому что он с ядом, — истинный книгочей повернул подарок барона в моих руках и указал на две полосы вдоль рукоятки: красную и черную. — Одно нажатие на камень, венчающий Кивс заха, и пазы наполняются отравляющими смесями. Для смерти в мучениях достаточно ссадины.

— Этот полон.

Мое замечание Датога развеселило.

— Потому что Белый варвар сохранил привычки военного времени: не узнав имя заказчика, не отпускает к праотцам. — Я сжалась, а он заметил. — Думаю с тебя информации более чем, хватит. — Медленно поднялся. — Отдохнешь, и начнем собираться?

— Нет, — сердце неприятно кольнуло новым предчувствием, в душе проснулось временно утихшая тревога. — Уезжаем прямо сейчас.

Трудно объяснить, но... зная о том, что Лерф рядом, я перестала ощущать опасность, и вот опять.

Короткие сборы без завтрака, быстрый расчет с хозяйкой и переодевание заняли от силы полчаса. Чтобы еще раз удостовериться, что мною ничего не забыто, я вновь вернулась в комнату и остолбенела. Дневник некроманта лежал на сундуке.

— Он оставил его мне?

— Ариш, — донеслось из коридора, — быстрее. Что ты там копошишься?

— Иду!

Так как вещи были уже упакованы и уложены на лошадях, я сунула манускрипт за пазуху и поспешила вниз. Почему он мне его оставил? Зачем? Это же источник тайных знаний, могущественный и беспощадный. В нем что ни строчка, то обязательно яд или описание смерти отравившегося, жертвоприношение или требование к проведению пыток. Да, если разобраться в оборотах, то можно создать противоядие и даже сильнейшее обезболивающее и в словах смерти, найти жизнь. Но кто ищет вторую сторону медали, если разрушить, чем восстановить. Ответ прост, только я.

Подумав об этом, неожиданно остановилась.

Вот почему барон прислал нож-заклинателя! О Боже! Это все объясняет. Новая реликвия попадает в мои руки, следовательно, требуется новый уровень защиты. Фух! Даже день стал ярче и светлее.

С сияющей улыбкой я поспешила к Датогу, который отчего-то хмурился.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего особенного, — почти не слукавила. — А что стряслось у тебя?

Парень поморщился и прошептал:

— В таверне новые постояльцы рассказывают, как оборотни отслеживают всех, кто выехал из города. Перехватывают под лесом и позволяют себе осмотр вещей.

— Кого-то ищут?

— Немудрено, если нас, — он выудил дорожную карту из седельных сумок и скептически взялся изучать территорию близ города.

— Предлагаешь их объехать... и разделиться, — он вскинул требовательный взгляд. — Тебе известна дорога из Оранты в Черхи?

— И да, и нет.

Вспомнила кое-что другое — охотничью сторожку на окраине леса. Так уж получилось, что после полугодовой жизни с дядей Моратом и Севуней, я подмечала такие строения на раз.

— Датог, а давай мы просто переждем их облаву в сторожке?

— Где?

— В охотничьем домике. Он стоит в паре километров от города, не на опушке леса, а под скалами в его глубине. Приблизительно в километре от нужной нам дороги.

— И ты уверена, что мы туда доберемся незамеченными?

— Уверена. Вот только лошадей продадим...

— Ариша, я книг накупил, без лошадей далеко не унесем, — извиняющимся тоном сообщил Суро.

— Пошлем с почтовыми.

— А если украдут? — сам спросил с опаской и сам же над опасениями рассмеялся.

— Ты чего?

— Вспомнил, что любители чужого добра, читать не умеют.

— И на улице не зима, чтобы из них костер делать, — поддержала я, за что удостоилась возмущенного взгляда.

— Это же книги!

— Для нечитающих, они все равно, что поленья, — отмахнулась шутя.

Вблизи сторожки мы очутились через полтора часа после того, как послали в Берит книги и часть одежды. Как я и предполагала, добрались без осложнений, налегке, тихо и незаметно. А всего-то младшего Датога обрядили в рубашку, пропитанную ирдом, я то из своей не вылажу.

Остановившись на скалах в тридцати метрах от домика, довольная собой шепнула ему:

— Вот видишь, и никто нас не заме...

Окончание не договорила, неожиданно оказавшись с закрытым ртом в объятиях младшего Суро. На вопросительное мычание он пришикнул и потянул меня в сторону от тропки к чахлым кустам и поваленному дереву. За ними оказался обрыв, зависший в пятнадцати метрах над каменной насыпью, и узкая дорожка вдоль обрыва. Сжав меня, Датог преодолел резко поднимающуюся вверх дорожку и, завернув за угол скалы, замер. Здесь

было еще выше и опаснее, чем вначале его маневра. Нет, кидать меня на камни он не собирался, но по лицу было видно, что ситуация не из простых, и парень решается на что-то опасное.

Он смотрел на меня взглядом полным безысходности, затем на тропинку сзади, где мелькнула чья-то тень, и вновь на меня. С каким-то необъяснимым сожалением посмотрел в небо, а затем вниз на каменную насыпь из огромных валунов. Я тихо замычала, мысленно умоляя: «Скажи мне, что происходит, и мы все решим! Только не делай глупостей, не совершай поступков в пылу геройства!»

Его синие глаза сейчас были цвета стали, зрачок крохотный, губы сжаты, желваки ходуном, кожа бледная, а сердце... оно бухало в его груди тяжелыми ускорившимися ударами.

Он решился на что-то и это пугает его до смерти, поняла я. И это была последняя внятная мысль, когда сзади послышался треск сучьев и Датог, ни слова не говоря, шагнул с обрыва, увлекая меня за собой.

— Где они? Куда направились? Как давно?

Три ничтожных вопроса он повторил не менее пяти раз, в таверне, в почтовом отделении города Оранты, вознице почтовой повозки, на рынке и вот теперь здесь, во дворе захудалого кабака с дешевым пойлом. Но так и не узнал, где Аришка и сопровождающий ее Датог. Купец, взявший их лошадей вместе с седлами по сходной цене, к обеду был уже порядком пьян и не мог ответить внятно.

— Ушли пе-пе-шком! На... на вос-ст-о-ок... наверно.

— Точнее, — потребовал оборотень.

— Они говорили о Че-черхи!

Значит, пошли в обход ловушек на дорогах. А там три таких пути. Проклятье!

— Как давно это было? — словно для умалишенного повторил барон в третий раз.

Будь его воля, Стафорд бы размазал пьяное отродье по стене, не дожидаясь пока оно отрезвеет. Но сейчас крайних мер предпринять не мог, торговец был последним, кто видел кареглазую девчонку и мальчишку Суро.

Еще раз, искупав мужика в бочке с живой рыбой, варвар потребовал:

— Как давно?

— Ваша ми-ми-лость...

— Я спрашиваю о другом! — прошипел оборотень сквозь зубы и вновь окунул слизняка поглубже и подольше. Эта процедура поспособствовала быстрому прочищению мозгов, выдернутый на поверхность купец отплеываясь, завопил:

— Т-ри-и часа назад! В сторону Черхи по... по тракту равнины Нариви!

— Точно?

— Да! Только не окунайте, — слезливо взмолился торговец, хлюпая красным носом, — там морские угри из Шахба... ку-у-са-чие!

Угри? Надо бы внести их в список пыточного орудия, решил он. Брезгливым жестом отпустил трезвеющего мужика и вытер руки. Все-таки кареглазка ушла из города.

Да что за беда с этой девчонкой! Все время сбегает и обязательно навстречу неприятностям!

Жара.

В Оранте день был в самом разгаре. Марево, поднимавшееся от каменных дорог, исчезло, как только барон покинул город. Дорога в Черхи вдоль равнины Нариви была ему известна, всего каких-то два-три часа назад, он разорил девять волчьих засад, одна из которых была на этом тракте. То, что оборотни, затаившиеся в городе пришли не за Аришей, а за ним, Стафордом, прямым из столицы варвар понял с опозданием, когда вместо восторженных слов благодарности услышал: «Чего он хотел?»

Чего хотел, чего хотел...

Порадовать хотел, а получилось, что напугал ее новыми обязательствами. Знал бы, как все обернется, назвал бы дарителя Саиром или Тароном, ему свойственнее ножи вручать. А так... Почувствовал себя зверем и забыл о предусмотрительности — выскочил из окна таверны, не проверив округу. Вот и получилось, что двое из черной стаи сразу на него напоролась, заметили. За что и получили по загривкам в тот же миг. Действовал без промедлений, чтобы не они успели подать сигнала и рассказать, где и с кем Белый варвар

скрывался.

Вот так, желая освободить Аришке дорогу домой и не вызвать интереса к ее персоне, варвар упустил момент, когда она вышла из города и скрылась в неизвестном направлении, не оставив ни запаха, ни следа.

Ее дяде охотнику Морату за такую выправку надо бы в морду дать. А затем приставить его к молодым оборотням, чтобы охотник подтянул их маскировку до уровня девчонки, думал он.

Битый час Белый варвар под палящим солнцем бегал по чахлому лесу, вынюхивая преподнесенный ей нож-заклинателя. Потому что других предметов она при себе не оставила. Тетрадь и платок, дочь мясника отправила почтой в Берит вместе с одеждой и многочисленными книгами Суро. За этими-то вещами барон и ринулся в первый час поисков. И когда он догнал почтовую карету, назвать себя ослом, язык не повернулся, зато с него слетело множество эпитетов в честь Ариши, когда оборотень нашел перепроданных лошадей с седельными сумками Датога и их нового обладателя в подпитии. А сейчас на уме одни лишь проклятья на темнокудрую голову немощи и всех ее предков. Ее не было в городе, не было в лесу, и к тракту она не дошла — оборотень его дважды перепроверил. И стойкое чувство, что кареглазая где-то здесь рядом, волнуется и вполне возможно плачет, не оставляло его. Тягучее и тяжелое оно зародилось в области сердца. Ранее он так чувствовал сестренку, а теперь вот ее.

— Проклятье!

Стоя по колено в воде мелководной речушки, глава белой стаи остывал после долгой пробежки по окрестностям. И ведь не закричишь во всю глотку: «Ариша?!», да и «Немощь!» не проорешь, потому что оборотни черной стаи все еще здесь, неподалеку. Зализывают нанесенные раны и обдумывают, с какой стороны подойти к барону, чтобы не быть замеченными.

Настолько настырны, словно бы знают, какой манускрипт был унесен из столицы, мысленно сыронизировал оборотень и нахмурился правдивости догадки. Если так, то пришло время для повторной чистки в дворцовых стенах. Видимо за четыре последних месяца крысы опять нарыли к ним ходы и затаились в норах под каменными плитами.

Белый варвар зачерпнул воды, ополоснул лицо и замер. Краем глаз он заметил движение в отражении скал на водной глади. Там, где редкий лес только начинался, появилось маленькое пятнышко, слишком большое для горной лани и слишком медлительное для оборотня.

— Ариша?! — он поднял голову к скалам, но не увидел ничего. С рыком отскочил на пару метров и, не веря собственным глазам, прорычал: — Ну, немощь!

Сын ночи пронесся над рекой, перескакивая с одного мокрого валуна на другой, пролетел равнинную площадку и взобрался по каменным насыпям к скале, на которой повисла девчонка. Не сразу заметил, что забыл о волчьей сути и, не используя полуоборота, полез наверх. Цепляясь за острые камни руками и ногами, он лихо преодолел разделявшие их двадцать метров и, скрежеща зубами, потянул девчонку на себя. Но немощь не была бы собой, не начни она биться в руках оборотня.

С упрямым: «Нет! Пустите!» она чуть было не столкнула его со скалы.

— Ар-ри-ш-ша, — рыкнул сердито. Полуоборот не заставил себя ждать, руки и плечи покрылись шерстью, когти проступили на руках зацепившись покрепче, он оторвал ее от скалы и развернув прижал к себе

— Тихо-тихо! ты куда?

— В-вниз...

— Зачем?

— За помощью... — подняв припухшие от слез глаза, она недоверчиво прищурилась. — Барон...?

— Я, — ответил, думая о том, что в данный момент лучше бы она звала его по имени.

— Барон! — радостно всхлипнув, уцепилась за рубаху оборотня, как утопающий за брошенную ему веревку. — Вы должны мне помочь! Там... младший Да-датог Су-уро. — Почти безумно прошептала она, указывая вверх. — Он ударился, и не... не приходит в себя... уже несколько часов.

Отчаяние вновь заволокло девичьи глаза прозрачной влагой:

— На имя не-не-е отзывается!

— Тшшш! — он вспомнил, как отец говорил, что паника и слезы не помощники в беде. В ней нужно не раскисать, а действовать, решительно и жестко. — Ариша, мне нужно чтобы ты успокоилась и показала, где он лежит. Скажи, что нужно взять с собой, или сделать, и я сделаю все в точности, только не плачь.

Еще несколько мгновений она была беззвучна в его руках, затем вытерла лицо от слез и посмотрела на него карими глазищами.

— Да, вы правы. Давайте для начала поднимемся, и я точнее смогу сказать, что нужно.

Суро обнаружился в пещере, вход в которую был наполовину закрыт скальной глыбой. Протиснувшись вслед за девчонкой через расщелину, Стафорд с удивлением отметил, что девчонка времени зря не теряла: расчистила место, зажгла свечи там, где лежит парень, самого его уже перебинтовала и намазала чем-то с резким запахом. Барон осмотрел Датого с улыбкой. Все оказалось не так страшно, как она предполагала. Сын градоправителя Берита дышал и был почти невредим, из всех внушительных повреждений всего-то: один отек, пара царапин и сломанная ключица.

— Ничего особенно опасного, — заметил оборотень с улыбкой.

— Он...но, он в себя не приходит!

— Наверняка отсыпается за два прошедших дня. Тяжела работа молодого стража. — Улыбнулся ободряюще, но она не вняла. Подбородок задрожал, глаза наполнились слезами. — Не реви. Это поправимо...

— К-а-к?

— Сейчас проверим, сколько крови оборотня течет в его жилах.

— Вы пустите ему кровь?! — с ужасом воскликнула она, еще раз подтвердив невысокое мнение о главе белой стаи.

— Всего лишь встряхну его сущность.

Легкое нажатие на основание черепа и шепот слов, известный лишь сынам ночи, заставили мальчишку вздрогнуть, застонать и открыть глаза.

— Очнулся?!

— Еще бы не очнулся, — криво улыбнулся Стафорд, — у оборотней, как и у их потомков самый большой страх потерять ипостась, даже, если они никогда ее не имели.

— Ар-и-иша? — прохрипел Датог, ища ее глазами.

— Тут, я тут... — еще не веря, она опустила на колени рядом с ним и, слезливо прошептала. — Все хорошо, мы в безопасности...

— Они... ушли? — его голос срывался, а взгляд был устремлен только на нее.

— Да, сразу же.

— Куда?

— Не важно. Главное ты пришел в себя. Боже... — она с благодарностью посмотрела на барона: — Ваша милость, спасибо.

— Милость? — Датог повернул голову в его сторону, прищурился, стараясь сфокусировать взгляд, — вы здесь... Как вы здесь оказались?

— По скале взобрался, — хмыкнул волк. — А вы?

— Падали, — прошептала Ариша. — Мы хотели обойти оборотней по кругу и притаиться в охотничьей сторожке. Поднялись и...

Белый варвар предполагал, что выгоняя оборотней из засад, он изменит ход событий, но и представить не мог, что сбегаящие от него волки, заставят младшего Датога Суро прыгнуть со скал и утянуть за собой ее, Аришу.

— Почему? — прорычал он. — Других вариантов уйти с их дороги разве не было?

— Времени не было. Я чувствовал, что внизу есть пещера, знал, что сзади нас оборотни. Они бы снесли нас, пропади все пропадом! — вспыхнул мальчишка и попытался сесть, девчонка тут же кинулась укладывать его обратно.

— Тихо... ты все сделал правильно. Я оборотней совсем не ощутила, а ты нас спас, использовал единственно верный вариант. И я бы не смогла прыгнуть вниз и, оттолкнувшись от скалы проскочить в пещеру, а ты смог... И мы выжили.

Молодой нахмурился:

— Ты спиной ударилась, я головой разве это спасение?

— Мы выжили, — упрямо повторила она и подарила ему мягкую улыбку: — А теперь спи.

— Но я... — воспротивился Суро, ища поддержки у барона.

Тот лишь пожал плечами:

— Пока ты ранен с лекарем лучше не спорить. Еще напоит чем-то не тем... — протянул он с улыбкой.

— Напоила, чем надо, — прошептала карглазка, не скрыв обиду в голосе.

Стафорд хмыкнул, если Ариша говорит о той настойке, которую он в прошлый раз пил литрами в Черхи, то зря девчонка на сие настаивает. Внутренняя тревога от перенесенного будет вырывать парня из оков безмятежности, вновь и вновь напоминая, что, прыгая с обрыва, он рисковал не только своей жизнью.

И пока девчонка тянулась за своей сумкой, Белый варвар, подмигнув Датогу младшему, незаметно его усыпил. Потирая руки, улыбнулся:

— Вот теперь поговорим без слез, тревог и пустых заверений в героизме.

— Барон, — как-то слишком серьезно начала она, — да я тревожилась, и мне было из-за чего. Но признайте, при вас я не плакала...

— Ясно, — качнул головой.

— А что до заверений в героизме, они не пусты...

— Понял, — решил холодным тоном остановить девчонку, но немощь не сдалась.

— И не смейте принижать его достоинства, если не желаете афишировать свои... — вскинулась она возмущенно: — Ведь те оборотни сбегали от вас, не так ли?

Стафорд промолчал, пристально изучая ее лицо. Губы красные, неоднократно прикушенные, пока она спускалась по скале без веревок и крюков, покрасневший носик, перепачканные щечки, нахмуренные брови над глазами, в карих омутах которых горит вызов

и вопрос. Впрочем, с вопросом она погорячилась, признаваться во всем, он был не намерен.

— Ты мне спину покажешь?

Это был удачный ход по выбиванию почвы из-под ног. Аришка застыла с чуть приоткрытым ртом и, затаив дыхание, смотрела на него.

Неужели надеется, что ослышалась?

— Датог, сказал, что ты ударилась спиной, — пояснил с улыбкой, ловя каждое изменение ее мимики.

— А я... — судорожно сглотнула, — с этим потом, давайте выберемся для начала. Там справа должна быть сторожка.

— Хорошо.

Нехотя согласился он.

Бесчувственного Суро и их сумки глава белой стаи поднял в охотничий домик быстро и легко, а вот с Аришкой не спешил, объясняя это тем, что скальная порода от пещеры вверх не такая прочная.

— Но вы же, быстро подняли Датога, — тихо возмутилась она.

— И чуть дважды его не уронил.

После этих слов, девчонка крепче вцепилась в оборотня, теснее прижавшись к его спине. От неповторимых ощущений ее близости оборотень замер.

— Что случилось? — встревожилась кареглазая. — Я слушаем вас не душу? Барон...?

— Нет, — усилием воли справился с инстинктами охотника, подавил волчье сожаление и продолжил подъем.

Не время для страстей, сейчас она будет кудахтать над раненым Суро, а тот будет стонать для... вида. Ранений у пацана не много, но кто бы ни стонал, когда такая малышка за тобой присматривает.

Белый варвар с сожалением вспомнил, что за ним она тоже ухаживала и боялась, быть пойманной на месте лечения.

Проклятье!

— Вы что-то сказали? — напонила Аришка о себе.

— Ничего.

Вот сейчас захотелось поиграть не только в рыцаря, но и в кавалера. Он поднялся наверх и помог ей «спешиться», галантно подав руку.

— А где...? — она оглянулась в поисках своего попугчика.

— Уже в сторожке.

— А вода там есть?

— Тебе вода нужна? — удивился оборотень.

— Да. Ведь лучше, если мы переночуем здесь. А утром...

— Выкупив лошадей, поедете домой, — в приказном тоне сообщил барон и отправился к той самой речушке, у берегов которой он увидел маленькое темное пятнышко, карабкающееся по скалам.

Спину Ариша ему все-таки показала, после устройства в сторожке и «долгих» уговоров Датога еще поспать. Будущий градоправитель Берита не сразу понял, что его сознательность

в какой-то мере мешает Стафорду. Сообразил умник, что в прошлый раз без разрешения был отправлен «спать» и теперь уже сопротивлялся. Недолго, но отчаянно, за что чуть не получил еще один перелом. С девчонкой дела обстояли куда веселее, пришлось давить на чувство долга и вины, дескать, обещала...

— Я же сказала, что с этим потом.

— Потом наступило, — и, пряча коварную улыбку, сообщил, — ты же не хочешь получить заражение крови.

— Откуда? — спросила чуть испуганно.

Все-таки прониклась, но не поверила. И глазом не моргнув, Стафорд выдумал опасность на пустом месте:

— Здесь пещеры не так безопасны, как кажется. Мелкая пыль...

В свете лампы, горящей под потолком, ее глаза искрились как озерная гладь в лунную ночь, такими можно любоваться часами, не будь у них недоверчивого прищура и лукавого блеска.

— Вы врете, — уверено сообщила Ариша.

— Показывай или сам посмотрю, — пригрозил он. Она не сдвинулась с места, пришлось припугнуть: — И в этом случае я не обещаю, что на тебе останется хоть что-то...

— Вы о платье?

В голосе ни капли испуга, но расстегивать ворот взялась.

— О шкуре, — рыкнул, развернул ее к себе и быстро разделался со шнуровкой. К мелким пуговкам он благоразумно решил не прикасаться, иначе полетят, к бесам, во все стороны.

— Платье на себе оставь, рубашку сними, — скомандовал барон и отвернулся, чтобы взять мазь. А повернувшись обратно, замер: — Что это?

— Где? — насторожилась девчонка.

Оборотень аккуратно пальцами провел по темным пятнам вдоль ее позвоночника:

— Это что? Откуда пятна?

— А это... остаточные следы кровоподтеков, — она поежилась и повела плечами, как бы отгоняя неприятные воспоминания. — Я не хочу гово...

Крутанул резко и, сжав ее плечи, потребовал ответа:

— Кто это сделал?

А она молчит, глядя в пол.

— Живо говори!

— Это, барон, вы... — прошептала девчонка, прижимая платье к груди.

— Я? — Нет! Подобное на теле девушки оставил какой-то поддон, но никак не он, Белый варвар. — Это не мог сделать я.

— Начало было положено вами...

Он отпустил ее и отшатнулся, потому что Ариша не лгала. Голос, глаза, биение ее сердца, спокойное дыхание и эта внутренняя робость говорили об одном и том же — это правда.

— Деревенька Ог, помните? — ее голос тих, почти шепот.

— Припоминаю...

— Вы требовали отдать Гессбойро и швырнули меня на кровать... — опять поежилась. Да подобные воспоминания не из легких. И всему причина он. Распоясался.

— ... вот тогда я получила первые синяки. А последующие мои падения усугубили их

настолько, что остался след. Но он рассосется, — вскинула карие глазки и спешно заверяет, — совсем скоро исчезнет.

Сердце сжалось, в горле запершило.

— Откуда такая уверенность? — неожиданно хрипящим голосом спросил Стафорд. — Больше четырех месяцев прошло.

— Отпечатки ваших пальцев на шее, тоже не сразу сошли, — Ариша беззаботно пожала плечами, — но ведь сошли...

И после этих слов она спокойно поворачивается к нему спиной, приспускает платье, открывая нежную кожу с темными пятнами, и тихо просит:

— Не давите.

Он и не давил, дивясь своей скованной робости, аккуратно покрыл девичью спину желтоватой мазью и подул на красные следы свежих ударов, когда девчонка зашипела.

— Печет? — спросил тихо, но ответа не дождался.

Она пустым взором смотрела на стену охотничьей сторожки и молчала.

— Ариш, тебе надо бы прилечь, пока мазь не впитается. Аришка... — подул на шею, стараясь привлечь ее внимание. — Малыш, очнись.

Дыханием коснулся розового ушка. Вздогнула:

— Ой. Простите, задумалась...

— О чем?

— О молчаливом Лерфе, вашем посланнике.

— Сейчас? — спросил, едва скрывая раздражение.

У него, например, как-то ни о чем другом кроме ее спины думать не получалось. Да и в горизонтальное положение, барон хотел девчонку привести, потакая собственному желанию, а не лечебному процессу.

— Я непредумышленно обидела его. Теперь думаю, что он не использует мое снадобье. — Прошептала она расстроено и медленно обернулась. — Просто не сразу поняла, зачем вы мне нож-заклинателя передали...

— Зачем? — спросил оборотень.

— В счет хранения манускрипта. Лерф оставил мне дневник, а я его не сразу и заметила...

— Оставил? — только сейчас он вспомнил, как вылетел из окна и почти сразу же отправился очищать дорогу от незваных.

— Ну, да. А разве это не было вашим решением?

Как много надуманного мне еще предстоит узнать о себе, беззвучно усмехнулся варвар и подтвердил:

— Мое.

— Вы как-то странно это произнесли, — тихо заметила Ариша.

— Оно было спонтанным.

Тихо усмехнулась, подтягивая платье выше:

— Не переживайте, оно не менее спонтанно, чем наш побег из Оранты. Чтобы не быть замеченными мы ушли ранним утром и взяли с собой только...

— Воду? — вопросительно завершил за нее барон и нахмурился, когда она кивнула. — Как только воду?

— Еду ирдом не обрызгаешь, пришлось оставить.

Не выславшаяся, не евшая, зато наредевшаяся вдоволь, настолько, что, даже от меня

перестала шарахаться в сторону, подвел он итог. Окинув девчонку внимательным взглядом, нахмурился.

— Что? — мгновенно отреагировала кареглазая скалолазка.

— Ничего.

Тащить Аришу до самого города в ее состоянии было чревато, но и голодной оставлять нельзя, решил он и вышел со словами: «жди здесь».

Когда он вернулся, Датог опять пришел в себя. С хмурым видом он сидел на деревянной койке, в то время как кареглазка в наглухо застегнутом платье аккуратно его перебинтовывала. При виде варвара она смущенно улыбнулась, а Суро зло прищурился. И не нужно гадать на свечном воске, чтобы понять, какого мнения он об оборотне.

— Потом поговорим, — предостерег его барон и внес в сторожку две сумки. — Здесь еда и одежда. Костер разжигать не будем, — и уже исключительно для пацана, — я сплю на улице.

— Я с вами, — взъерепенился сын Сурового, с опозданием поняв, что сказал.

На языке вертелось много колкостей, но бросив взгляд на малышку, волк предпочел самую безобидную:

— Боишься за свою жизнь, Датог?

Вместо вспышки обычной для молодых, парень неожиданно ответил в духе невозмутимого Дерека:

— Да. За мои геройства Ариша обещала голову открутить. Остаться с ней тет-а-тет теперь опасно.

Все-таки у Лиса бешенство и передается оно по воздуху, хоть ты тресни. Стафорд хмыкнул и, беззаботно ухмыльнувшись, посмотрел на девушку:

— Хорошая мысль, позовешь, когда приступишь к исполнению.

Они ели все вместе в сторожке, быстро и молча. Девчонка была задумчива, Датог хмур, а сам барон то и дело тихо улыбался своей забывчивости. Оставить манускрипт некроманта в таверне..., уму непостижимо. Книгу, при помощи которой правители Тардема подчиняли оборотней, поднимали из могил нежить, вербовали демонов, талмуд из-за которого пострадали тысячи людей, оружие погубившее сотни волков. Словом настоящий источник бед и кладезь знаний, постоянно требующий крови, свежепущенной в основном. И он забыл о дневнике, оставив его малышке.

Позор на мою седую голову...

Сидящие рядом за узеньким деревянным столом, удивленно насторожились. А кареглазая, внимательно посмотрела на волосы барона.

— Вслух сказал? — спросил варвар, не поднимая взгляда от своей порции. Краем глаз он заметил дружный кивок, и произнес: — Извините.

Свернув недоеденный такиб в лепешку, он поднялся и вышел в ночь. Через некоторое время его примеру последовал и младший Суро. Так же, как и барон, не особо утруждая себя комфортом, он лег на каменное плато скалы и подставил под голову сверток из куртки.

На небе возшла полная луна — особа королевской крови, яркая, таинственная и нахальная одновременно. Глядя на сына ночи с хитрым прищуром, она словно бы говорила ему: «Да уж, просчитался, так просчитался».

Поздно посыпать голову пеплом, отмахнулся оборотень от тяжелых дум и перевернулся на бок. Взгляд сам собой уперся в сторожку, где еще горела свеча. Кареглазая еще не спит, отметил он мимоходом и прикрыл глаза.

Быть может это не его, Стафорда, забывчивость, а провидение оставило талмуд в покоях девушки. Подсказывая, у кого должны храниться столь ценные знания. Гессбойро, нож-заклинателя и дневник некроманта — слишком много для одного хранителя и в то же время

очень удобно для самого барона. Из всех манускриптов сундука Иеурлита Наз Завайя этот был самым опасным, а из всех доверенных людей Ариша была самая преданная и милосердная. Она приехала в Черхи, хоть Белый варвар и запугал ее до дрожи, не говоря уж про синяки, и она лечила его. А ведь могла поступить иначе. что ей стоило, используя клинок натравить на него белых оборотней? Или же сговориться с кланом черных. Или... что таить, будь она менее гуманной и совестью, могла бы самостоятельно убить еще там, в таверне «Дырявый башмак».

Могла, но не захотела.

Мягкий голос Аришки, звучащий на периферии сознания, вывел его из задумчивости, а Суро из неподвижности. Парень кивнул на ее просьбу и скрылся в зарослях кустарника, со словами: «пойду по дрова».

— Зачем дрова? Я же сказал, костер не разжигаем! — рявкнул барон, поднявшись на локтях.

Молодой не откликнулся и не вернулся, зато кареглазка ближе подошла:

— Я хотела...

Созвучие ее слов с его недавними мыслями, заставило оборотня вскочить:

— Что? Что ты хотела?

— Посидеть рядом с вами, — пролепетала испуганно, выставив перед собой руки.

Оборотень, прогоняя дурные мысли, помотал головой и пристально взглянул на нее. По всему видно, опять своей вспышкой напугал до дрожи. Впредь придется быть осмотрительнее, понял он и, расстелив свой плащ, с кривой улыбкой предложил девушке присесть. Подождав пока она займет место, сел рядом, не касаясь.

Минуту, а может и две она восстанавливала душевный покой, чтобы сказать:

— Барон, спасибо за ваш подарок. Он... оригинальный и полезный, вне всякого сомнения.

Усмехнулся.

— А по голосу и не скажешь, что он тебе понравился.

— Мне редко дарят ножи, к тому же наполненные ядом, — девушка замолчала, глядя на луну.

Затянувшуюся паузу глава белой стаи прервал вопросом:

— Ты пришла только ради этого? Поблагодарить за подарок и посидеть рядом?

— Нет... — вздохнула тяжело, — ради другого.

— Слушаю.

— Гаро... — имя принца заставило напрячься. — Я знаю, вы отстаиваете свою стаю, защищаете территории клана и готовы прийти на выручку к любому, в том числе и сыну проклятого короля.

— Это была вынужденная мера, — ответил оборотень, — будь моя воля...

— И все же, — перебила она его, не желая слушать истинные предпочтения оборотня, — принц теперь под вашей официальной опекой вплоть до коронации. И я хотела предупредить...

Здесь она опять замолчала, мысленно готовясь сказать то, что явно не понравится барону. Иначе с чего бы она так прикусывала губу и сжимала руки.

— Я должна потому что, Гаро просил...

И молчит, долго и старательно подбирая слова и обдумывая формулировки.

— Что он просил?

От нее ни звука. Барон терпеливо задал пробный вопрос:

— Ариш, он просил что-то изготовить?

Она повернулась и медленно подняла на варвара настороженный взгляд уставших глаз.

— Хочешь уточнить, стоит ли тратить силы на его просьбу? — предположил Стафорд, не глядя в ее сторону, давая собраться с мыслями.

— Не совсем так... — судорожно вздохнула и сделала чистосердечное признание. — Просьба исполнена, настойка отправлена.

Резкий оборот к ней и оглушительное:

— Что?!

Он старался не рычать, он дал себе слово, что и шипеть на нее не будет, но этот вопрос сам собой получился громким и возмущенным. Кареглазка вжала голову в плечи и зажмурилась.

— Прости... — тут же опомнился и отсел.

— Боже правый, что ж вы так орете?

— Так получилось, — прохрипел Стафорд сквозь зубы. Сжимая и разжимая кулаки, заставил себя говорить тише и спокойнее. — Как...?! — голос громыхнул, медленно выдохнул, чтобы опять не рявкнуть. — Как ты отправила ему настойку?

— С Лерфом.

— С кем?! — почти прошипел, когти впились в руки, а сам он с опозданием чуть не рассмеялся от облегчения. Лерф это же он, и малышка об этом не знает!

— ... ммм, все. Понял, о чем ты. — Медленный вдох и такой же выдох, и варвар не спеша разжал кулаки. Хорошо, что у него времени не было на ревизию посылок и писем, иначе бы они сейчас говорили в совсем другом тоне. — То есть через молчаливого ты уже передала изготовленное. Так?

Посмотрел на нее лукаво, а в ответ получил удивленный взгляд и робкое:

— Так.

— Интересно... — он вернулся на первоначальное место, поближе к ней. — И что это? Дурман, яд, сыворотка молодости, любовное зелье? — тоном завязтого ловеласа поинтересовался барон и, игриво подмигнув, добился ее скованной улыбки.

— Так я прав? — поводит он бровями.

— Н-да зелье для любителя правды, если можно так сказать, — рассмеялась Ариша.

— Сыворотка развязывает язык?

— НинГарто — это напиток позволяющий узнать истину прошлого или тайну будущего. — Пояснила она, все еще улыбаясь под его пристальным взглядом. — Так было написано в дневнике некроманта... Гаро говорил, что он видел его еще будучи мальчишкой, когда Саир, перекладывал книги из одного сундука в другой...

Неуловимое чувство, проскользнувшее в ее взгляде, заставило Стафорда напрячься. И чем она руководствовалась, создавая зелье для венценосного? Что это: влюбленность или дружеское участие?

Он оборвал ее на полуслове:

— Почему он попросил тебя об этом? Для кого напиток?

— Я не знаю.

Не знает? Удивительно, неужели женское любопытство не возобладало над ней. С едва заметной ехидцей барон поинтересовался:

— Желает опохмелить свою эпистолярную любовницу еще раз узнать об ее истинных

чувствах?

— На что вы намекаете?

Молодец, малышка. Подспудно чувствует, что он ведет свою игру, но еще не догадывается какую. На вопрос он не ответил и продолжил говорить:

— Или же хочет осчастливить себя признанием невесты предательницы?

Ариша нахмурилась, сцепила руки и осторожно предположила:

— А может из-за некоторых трудностей с его подданными и в какой-то мере с родными.

— Вот как? — издевательски протянул оборотень. — Неужели он открыто признал, что Табир был тираном и извергом.

— Барон, вы...

Несомненно, она хотела сказать, что оборотень забывается, но кто ей даст упрекнуть волка в забывчивости.

— Или пожаловался на домогательства в семье? А?

— Нет! — с пламенем во взгляде она встала с места и прошла из стороны в сторону, с укоризной глядя на Стафорда. — Гаро лишь вскользь сообщил, что они не всегда находили взаимопонимание.

Все-таки простая поддержка друга, заметил барон про себя и убрал из голоса язвительность.

— И при каких обстоятельствах вы коснулись этой темы?

— Когда я осматривала его спину... — нехотя пробурчала все еще возмущенная малышка и зажмурилась. Судя по ее реакции, спина у принца выдающаяся.

— Исполосован, — не столько спрашивая, сколько утверждая, произнес Белый варвар.

Все же под командованием Гневного Табира IV он прошел через всю Ларвию и видел его методы воспитания, выучки и муштры, призывающих к безропотному подчинению.

— Шрамов не много, но они остались, — прошептала милосердная кареглазка. — А вы... вы не только опекаете, но и перепроверяете почту.

Бросила на оборотня косой взгляд из-под ресниц:

— Я знаю, не отрицайте...

— Хорошо, отрицать не буду.

Он поймал ее ручку и мягко потянул на себя, заставляя занять прежнее место, рядом. Сесть села, и отвернулась, недовольно сопя. В возникшем молчании Белый варвар смотрел на нее с улыбкой, гадая, когда же боевая Ариша решится сказать то, ради чего и начала весь этот разговор. Но время шло, а она все не решалась.

— Ты подошла предупредить, чтобы я не искалечил принца, как только узнаю? — предположил он самое простое объяснение.

— Гаро рассказал бы все сам... со временем... возможно. Но зная вашу скорость на расправу, могу предположить, что вспышка вашего гнева может не только искалечить, но и...

Да, он может убить, и недавно сломанные ребра Дерека тому подтверждение, но слышать об этом оборотень не желал.

— Я понял, — одним словом оборвал в ней нарастающую обиду и скрипя сердцем произнес, — спасибо что предупредила.

— Пожалуйста.

Несколько минут они просидели, глядя на звезды и полную луну, а в тиши ночного леса

звучали цикады и перемигивались светлячки, наполняя уютное спокойствие сказочным очарованием.

Аришка сидела рядом и, вопреки всем страхам, наслаждалась той же атмосферой покоя, что и он. Или же в силу усталости просто впала в созерцательный ступор и не была против подобной компании. Стафорд криво улыбнулся своим мыслям, но оборвать минуты единения не соизволил.

Вскоре пришел Датог, демонстративно свалил пару сухих веток подле сторожки и прошел на свое спальное место под открытым небом. Еще минуту он устраивался на скале и наконец-то затих, но не заснул. Настороженный взгляд, и общее состояние взвинченности молодого Суро волк ощущал и на приличном расстоянии. Не доверяет.

Уж слишком много в мальчишке крови оборотня, чтобы его не замечать и уж слишком внимательный у него взгляд, чтобы игнорировать. Откуда такое беспокойство? Боится, что я малышку съем или хуже того...? Хотя куда уж хуже.

Вспомнились пятна на ее спине и смелые заверения кареглазой, что вскоре все пройдет. В памяти всплыла еще одна грубость, которой он девушку без скромности наградил. Сын ночи протяжно выдохнул, проклятье! Пощечина на ее лице видимо так же долго красовалась...

— Извини за...

Догадливая. Она поняла с полуслова и перебила барона:

— Вы не виноваты в том, что не сдержались, как и я... в том, что неосознанно шла на конфликт, — улыбка тронула красивые губы. — Давайте, об этом забудем раз и навсегда.

Он медленно кивнул.

— И спасибо, что спасли... Не будь вас, я бы сорвалась со скалы...

— Не будь меня, ты бы на ней не оказалась.

— Как знать, — смеясь над собой, иронично хмыкнула Ариша.

И улыбнулась приветливо без тени страха или стеснения. Просто и легко, настолько, что нельзя было не улыбнуться в ответ, глядя в озорные карие глаза. Они так и сидели, минуту или более смотря в упор, обволакиваемые странной тишиной, неподвижностью и теплой инертностью тягучих мгновений.

Интересно. Тот не робкий поцелуй в Черхи был отвлекающим маневром, как в прошлый раз, или личной инициативой?

Белый варвар, как наяву, увидел такую же теплую лунную ночь...

... шепот звезд, вековые сосны, обрыв на скале... мягкая шкура поверх травы, кожа, покрытая испариной, и сияющие глаза напротив... оголенные плечи, ее дрожащие губы... полная грудь в его ладони, пальчики ног поджатые от напряжения... тонкая шея со следами поцелуев, пушистый животик, голые колени... его учащенное дыхание, ее протяжный стон, сопровождающий каждый рывок к ней... и имя, которое она с жаром выкрикивает, прижавшись, щека к щеке... Стаф! Стаф-форд! Ста...

— Барон, что-то случилось? — наивный вопрос, заданный голосом без хрипотцы и стопа, вырвал его из видения.

Несколько раз моргнув, он озадаченно посмотрел вокруг, а затем опять на нее.

... мягкие полураскрытые губы, немой вопрос в бездонных глазах, матовая кожа чуть бледных щек, распущенные волосы... лунная ночь и дыхание горячего ветра...

Еще немного и я сорвусь, понял Стафорд и отвернулся.

Возвратить голосу нормальную тональность удалось не сразу, но он справился:

— Когда спать пойдешь?

— Я не хочу.

— Помочь? — не глядя, потянулся к ее горлу, но малышка прошептала: «не нужно» и затаила дыхание.

Боится, что я опять буду действовать резко и непреклонно, с сожалением отметил барон. Зря, глава белой стаи умел учиться на своих ошибках, а потому он скользнул пальцами вниз по тонкой шее и, не коснувшись выреза рубахи, убрал руку.

— Нет, так нет.

Они долго сидели, неподвижно, глядя в черное небо. В какой-то миг она неловко привалилась к его плечу, и убаюканная песнями цикад, заснула с улыбкой на губах. Датог, как верный страж девушки, не медля, поднялся со своего места и подошел с явным намерением отнести Аришу в сторожку. Но барон остановил его взмахом руки:

— Отсыпайся, защитник. Я посторожу.

— Вашими стараниями, я уже отоспался, — сердито напомнил младший Суро.

— В таком случае набирайся сил на завтра. Уедите на рассвете.

— Как уедем? — искренне удивился он.

— Так. Лошадей я уже привел, они в лесу.

Более противиться указу парень не смог, но еще целый час оборотень чувствовал на себе настороженный взгляд Датога, пока тот не уснул.

Ариша. Глава белой стаи не смыкал глаз, глядя на спящую в его руках девушку, и замечал каждое выражение ее лица. То как она время от времени морщит лобик, тихо улыбается или же прикусывает нижнюю губу. В такие мгновения, казалось, что малышка замирает в предвкушении, вот-вот увидит нечто удивительное и рассмеется. Но все происходило наоборот. День вымотал ее настолько, что даже во сне ожидание чуда сменялось ожиданием несчастья. Она хмурилась и сильнее прижималась к оборотню. В ответ на призыв о защите, он гладил девушку по волосам и, прогоняя неприятные сновидения, мягко дул на сведенные бровки.

Рассвет наступил внезапно, окрасил красными искорками волосы Ариши, проявил светящийся румянец щек и природную красноту нежных губ.

Пора будить, подумал глава белой стаи, осторожно погладив ее по щеке:

— Просыпайся.

— Ммм? — она потянулась мягко, как кошка и замерла на его руках.

Сейчас начнутся охи вздохи и заявления об оскорбленной чести, внезапно понял оборотень и поспешил, аккуратно сместиться в сторону, пока она еще не совсем проснулась.

А потом... потом он неосознанно следил за ней, улавливал каждое движение, каждую эмоцию. Собирал образы, пока они спешно умывались и завтракали, собирали вещи и спускались к лошадям. Когда же варвар посадил Аришку и подал ей вожжи, он совсем не ожидал, что малышка наклонится к нему, шепнув: «Замри» и застыл, как вкопанный. Мягкие губы коснулись напряженной щеки легко и в то же время неуловимо, словно бы и не поцелуй, а дуновение ветерка.

— Спасибо, — она отстранилась и, поймав его взгляд, несмело улыбнулась. — Это первая встреча, которой я рада, мой барон.

Другими слова, спасение от бури, бесекон и оборотней здесь в Оранте ему не засчитывается. Обидчивая.

Напоминание о прошлых промахах, как и официальное обращение вновь резануло по

ушам:

— Стаф, — прохрипел неожиданно сжавшимся горлом.

— Простите? — пролепетала, сделав вид, что ослышалась.

А сама затаилась и, прикусив нижнюю губу. Выжидает.

— Обращайся по имени, Стафорд, — повторил уверенно и для широты жеста, о котором ранее не помышлял, добавил: — Лису пиши, как и прежде, развернуто.

Хоть кто-то должен наслаждаться ее историями из жизни, отстраненно подумал он.

— А...?

— Проверять не буду, если возникнут сложности, обращайся напрямую... ко мне. И чтоб не расслаблялась, спросил сурово. — Поняла?

В ответ улыбка и едва различимое:

— Благодарю вас, Стафорд.

Кивнув Датогу, он хлопнул мою лошадь по крупу и исчез, словно не бывало.

И весь путь вниз со скалы я отчаянно кусала губы, стараясь скрыть широкую улыбку. Правду говорят, сила женщины в ее беззащитной мягкости, рядом с такой, даже варвар становится заботливым. Не зря мне всю ночь снился оборотень белый и пушистый, не зря.

Больше книг на сайте — Knigolub.net